

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 3 (56) • 2022

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2022-3-56

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный авиационный технический университет)

АСОНОВ Николай Васильевич, д-р полит. наук, канд. ист. наук (Московский педагогический государственный университет)

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Центр политико-правовых исследований «АНО «Евразийской НИИ права»)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна, канд. экон. наук, доцент (Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова)

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович, д-р экон. наук, профессор (Баткенский государственный университет, Кыргызстан)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович, канд. экон. наук, доцент (Таджикский государственный финансово-экономический университет)

ЛЕБЕДЕВА Маргарита Леонидовна, канд. полит. наук, доцент (Российский государственный аграрный университет имени К. А. Тимирязева)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор (Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Издательство «Наука сегодня»)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода, д-р полит. наук (Парламент Республики Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Институт права Башкирского государственного университета)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна, д-р полит. наук (Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН»)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (ГАОУ ДПО РБ «Учебный центр ГСЭН»)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Институт права Башкирского государственного университета)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Институт истории, языка и литературы)

РЫКОВА Инна Николаевна, д-р экон. наук, академик РАЕН (Научно-исследовательский Финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич, канд. полит. наук (Академия труда и социальных отношений)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна, д-р полит. наук (Башкирский государственный университет)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 3 (56) • 2022

12+

"REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS"

DOI: 10.47598/2078-9025-2022-3-56

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

ARISTARKHOVA Margarita Konstantinovna, Doctor of Economic Sciences, Professor (Ufa State Aviation Technical University)

ASONOV Nikolay Vasilievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences (Moscow State Pedagogical University)

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

GAIDUK Vadim Vitalievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences (Center for Political and Legal Research "ANO "Eurasian Research Institute of Law")

GAREEVA Nailya Alfrifovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov)

GYAZOV Aydarbek Toktorovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Batken State University, Kyrgyzstan)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Tajik State Financial and Economic University)

LEBEDEVA Margarita Leonidovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor (K. A. Timiryazev Russian State Agrarian University)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor (N. E. Bauman Moscow State Technical University)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (Publishing House "Science Today")

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda, Doctor of Political Sciences (Parliament of the Republic of Tajikistan)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Institute of Law of Bashkir State University)

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna, Doctor of Political Sciences (R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science)

NAZAROVA Ulyana Anatolievna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education of the Republic Bashkortostan "Training Center of the State Employment Service")

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Institute of Law of Bashkir State University)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of History, Language and Literature)

RYKOVA Inna Nikolaevna, Doctor of Economics Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

FELDMAN Pavel Yakovlevich, Candidate of Political Sciences (Academy of Labor and Social Relations)

YAMALOVA Elvira Nailevna, Doctor of Political Sciences (Bashkir State University)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary) (Bashkir Institute of Social Technologies)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Website: vestnik-bist.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОПОЛИТИКА И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
Р. Р. Галлямов, И. В. Кучумов Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии	7
Р. Р. Галлямов, Р. Т. Фархтдинов Урбанизация как фактор этноязыкового поведения нерусских народов в многонациональных регионах России (на примере Республики Башкортостан)	15
Л. О. Терновая К истокам психологии гибридных войн: тайные операции и геополитический смысл их пищевого наименования	25
Т. А. Миронова, Л. О. Терновая Стадии формирования коммуникативной культуры студенчества в «Болонском» измерении	32
Э. Н. Ямалова, Н. А. Евдокимов Современные модели регионального управления: основные тенденции	42
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	48
Л. З. Буранбаева, А. Ф. Гарифуллина, Е. В. Жилина Государственно-частное партнерство в системе регионального управления	48
З. Н. Идрисова, А. Т. Ситдинов Эффективность деятельности нефтегазовых предприятий в категориальном аспекте	54
З. Н. Идрисова, А. Т. Ситдинов Критерии оценки эффективности деятельности нефтегазовых предприятий	63
Ю. В. Ходковская, Г. Г. Карачурина, А. Э. Гилязова Региональное управление устойчивым развитием экосистемы	72

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ	78
И. А. Владимиров, Р. А. Иксанов Проблемы правового обеспечения развития геологического разнообразия в геопарках	78
И. А. Владимиров, Р. А. Иксанов Особенности правового режима геопарков Республики Башкортостан	82
Н. А. Гареева, А. А. Гареев Влияние коррупционных правонарушений на экономическую деятельность хозяйствующего субъекта	87
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	94
Т. Ю. Пашко, А. М. Башиев Организационно-экономические аспекты социальной защиты в Кабардино-Балкарской Республике в 2020–2021 годах	94
А. В. Радонова Генезис нормативного регулирования социальной поддержки россиян в конце XX века	102
АВТОРАМ	110

CONTENTS

ETHNOPOLITICS AND HISTORIOGRAPHY	7
R. R. Gallyamov, I. V. Kuchumov The concept of “state-forming people” in modern Russian political science	7
R. R. Gallyamov, R. T. Farkhtdinov Urbanization as a factor of ethno-linguistic behavior of non-russian peoples in multinational regions of Russia (by the example of the Republic of Bashkortostan)	15
L. O. Ternovaya To the origins of the psychology of hybrid wars: covert operations and the geopolitical meaning of their food name	25
T. A. Mironova, L. O. Ternovaya Stages of formation of students' communicative culture in the "Bologna" dimension	32
E. N. Yamalova, N. A. Evdokimov Modern models of regional management: main trends	42
REGIONAL ECONOMY	48
L. Z. Buranbaeva, A. F. Garifullina, E. V. Zhilina Public-private partnership in the system of regional management	48
Z. N. Idrisova, A. T. Sitdikov Efficiency of oil and gas enterprises in the category aspect.	54
Z. N. Idrisova, A. T. Sitdikov Toolkit for assessing and increasing the efficiency of oil and gas enterprises.	63
Y. V. Khodkovskaya, G. G. Karachurina, A. E. Gilyazova Regional management of sustainable ecosystem development.	72

LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY	78
I. A. Vladimirov, R. A. Iksanov	
Issues of legal support of the development of geological diversity in geoparks	78
I. A. Vladimirov, R. A. Iksanov	
Features of the legal regime of geoparks in the Republic of Bashkortostan	82
N. A. Gareeva, A. A. Gareev	
The impact of corruption offenses on the economic activity of a business subject.	87
SOCIAL ASPECTS OF SOCIETY DEVELOPMENT	94
T. Yu. Pashko, A. M. Bashiev	
Organizational and economic aspects of social protection in the Kabardino-Balkar Republic in 2020–2021	94
A. V. Radonova	
The genesis of regulatory regulation of social support for Russians at the end of the twentieth century.	102
FOR AUTHORS	110

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 7–14.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):7–14.

Научная статья
УДК 341.218.1 (470)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14

ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ НАРОД» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ*

Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Игорь Вильсович Кучумов²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уфимский филиал, Уфа, Россия, gal-rushan@yandex.ru✉

²Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, ivku@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и прикладные аспекты применения понятия «государствообразующий народ» в современной российской политологии с точки зрения его реализации в системе конституционного права. Анализ осуществляется на основе исследования новейших документов, обсуждаемых в связи с принятием инициированных Президентом Российской Федерации поправок к Конституции Российской Федерации в ходе ее всенародного обсуждения в 2020 году. Особое внимание уделяется компаративному исследованию позиций различных авторов и правовых институтов, точки зрения которых были сформулированы в ходе развернувшейся в научном сообществе дискуссии. Акцент делается на характеристике неоднозначного понимания одной из важнейших политических категорий, принятой и внесённой в текст действующей Конституции Российской Федерации. Показано, что в настоящее время в отечественной политологии и политической практике еще не сложилась окончательная трактовка этой важнейшей дефиниции.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государствообразующий народ, народы России, национальная политика, гражданское общество

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 7–14. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14>.

Research article

THE CONCEPT OF "STATE-FORMING PEOPLE" IN MODERN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE*

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Igor V. Kuchumov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa branch, Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru✉

²R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia, ivku@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № АААА-А21-121012290085-3.

* The article was prepared as part of the implementation of the state task of the IES UFRC RAS No. АААА-А21-121012290085-3.

Abstract. The article analyzes the theoretical and applied aspects of the application of the concept of "state-forming people" in modern Russian political science from the point of view of its implementation in the system of constitutional law. The analysis is carried out on the basis of a study of the latest documents discussed in connection with the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation initiated by the President of the Russian Federation during its nationwide discussion in 2020. Particular attention is paid to a comparative study of the positions of various authors and legal institutions, the points of view of which were formulated in the course of the discussion that unfolded in the scientific community. The emphasis is on the characterization of the ambiguous understanding of one of the most important political categories adopted and included in the text of the current Constitution of the Russian Federation. It is shown that at present in domestic political science and political practice there has not yet been a final interpretation of this most important definition.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state-forming people, Russian peoples, national policy, civil society

For citation: Gallyamov R. R., Farkhtdinov R. T. The concept of "state-forming people" in modern Russian political science. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14>.

Одной из важнейших проблем новейшей политической истории России традиционно являются вопросы этнонационального развития: как во взаимоотношениях с государствами бывшего Советского Союза, так и внутри самой страны. Даже после распада СССР Российская Федерация остается одним из самых полиэтничных государств мира, хотя нерусское население в ней составляет только около 20 % от общей численности граждан. Этническое, культурное и конфессиональное многообразие, сложившееся на территории России за несколько столетий, выступает фактором, усиливающим гражданское единение страны, хотя и периодически порождает определенные коллизии. Данный факт подтверждается результатами многочисленных исследований. Например, даже среди многих авторитетных западных специалистов по национальному вопросу сформировалась устойчивая точка зрения о позитивной роли полиэтничности в развитии гражданского общества. Так, Д. Смит полагает, что «страны мира с наиболее многонациональным составом отнюдь не характеризуются самым высоким потенциалом насильственного конфликта», а «то, что обычно называют этническим конфликтом, по сути, представляет борьбу за власть или доступ к экономическим ресурсам... который прикрывается этнической маской... Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить» [1].

Другой не менее известный зарубежный автор, Р. Брубейкер, считает, что «фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов... являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители» [2].

Ему вторит ведущий современный политолог-конструктивист К. Чандра, считающая, что причинами негативных явлений, которые связывают с этническим разнообразием, являются факторы окружающей среды, а не внутренняя сущность этнической идентичности. По ее мнению, этническое разнообразие может служить благотворным фактором укрепления демократий, предотвращению насилия, сдерживанию страны от сепаратизма и распада [3].

Одной из дискуссионных проблем формулирования базовых понятий национальной политики, неожиданно возникших в отечественном научном сообществе, стало предложение некоторых законодателей, подготовивших собственный вариант дополнений к действующей Конституции Российской Федерации. Дело в том, что в первоначальный проект, предложенный для всенародного обсуждения, было включено положение о русском языке как языке государствообразующего народа, которое сохранилось в окончательной редакции текста Основного Закона страны: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как

язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ст. 68.1). Уже на этапе обсуждения ряд специалистов и политиков, опираясь на различные аргументы, высказались о спорности подобной формулировки.

На наш взгляд, и это подтверждается анализом, проведенным различными отечественными и зарубежными авторами, в российском политическом пространстве по мере исчезновения недавних ценностей происходит, в частности, переоценка понимания идентичности — гражданское постепенно заменяется этническим, уходит в прошлое привычная этнополитическая корректность: политическое пространство, занимаемое русскими, расширяется, им и их культуре и языку все чаще отводится центральное место [4]. Одним из проявлений этого, по мнению ведущего российского этнолога В. А. Шнирельмана, является то, что несмотря на неоднократные критику, обсуждения и предложения, федеральные учебники отечественной истории продолжают страдать руссоцентризмом, искажением или полным игнорированием нерусских народов [5].

Диахронный анализ документов показывает, что о необходимости введения в Основной закон положения о государствообразующем русском народе в 1990–2020-е гг. неоднократно высказывались российские политические и общественные деятели, организации и эксперты. В середине 1990 г. разработчики федеральной концепции национального (этнического) образования утверждали, что этнические культуры, в том числе и русская, развивались в рамках «русской цивилизации», и что любая попытка оторваться от нее будет иметь катастрофические последствия для соответствующих культур. Принятием в 2007 году Закона «Об изменении понятия и структуры государственного образовательного стандарта» российская власть отменила региональный компонент (который якобы является инструментом, способствующим сепаратизму и этнической мобилизации среди школьников), тем самым сузив возможность для сохранения и развития этнической идентичности граждан, ведь, согласно классическим исследованиям национализма (Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобс-

баум), школа играет важную роль в формировании этой формы самосознания [6].

В программной статье В. В. Путина, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента страны, «Россия: национальный вопрос» (Независимая газета. 23.01.2012), утверждалось, что «русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», причем «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».

В ходе обсуждения этого программного манифеста одни авторы утверждали, что в создание и сохранение уникальной русской культурной традиции, которая скрепляет единство России, внесли вклад представители этносов, «говорящие на русском языке» [7]. Хотя, например, в битвах за интересы Российского государства до революции сражались воины, плохо или вовсе не знавшие русский язык.

Выводы статьи В. В. Путина вошли в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703): «11. Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм. 11.1. Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». В указанном концептуальном документе эти унификационные идеи присутствуют наряду с призывами распространения «в обществе установок о неприятии и недопу-

щении пропаганды идей... ксенофобии, национальной исключительности» (п. 21.1г), необходимости сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации (п. 17г), обеспечения «равных условий для развития народов Российской Федерации и этнических общностей» (п. 18б). Тем самым, в тексте Стратегии имеются противоречия друг другу положения и дефиниции.

В развернувшуюся общественную дискуссию включились специалисты-этнологи, призванные по своим профессиональным обязанностям формулировать максимально точные определения, касающиеся этнических процессов. Например, по мнению экспертов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, новая редакция статьи российской Конституции, наделившая статусом государствообразующей нации лишь одну этническую общность (англ. *ethnicity*), противоречит ст. 29, не допускающей агитацию и пропаганду национального или языкового превосходства [8] и не соответствует ст. 3 и 26 Конституции Российской Федерации [9]. Известный российский политолог Э. А. Паин считает, что в настоящее время основой внутренней государственной политики России фактически стал опирающийся на ксенофобию этнический национализм [10], тогда как гражданский вариант национализма рассматривает в качестве государствообразующей нации все гражданское сообщество (англ. *nationality*), способствует объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения единых политических целей. По мнению авторитетных российских этнополитологов Ю. П. Шабаяева и М. А. Омарова, «этничность не может служить основой для государственности, и международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение, а потому подобные формулировки неверны с правовой точки зрения» [11].

С точки зрения некоторых российских специалистов по конституционному праву, нынешний возврат к практиковавшемуся в Российской империи и отчасти в СССР архаичному принципу ранжирования народов вновь продемонстрировал нерусским национальностям их второсортность и де-факто освободил

эту часть граждан от ответственности за судьбу страны, ввел этническую сегрегацию, по сути, восстановив институт «инородцев», и потенциально активизировал ресентимент у «государствонеобразующих» этнических общностей [12].

Как отмечают включившиеся в дискуссию некоторые региональные российские культурологи, «из-за репрессивного контекста, в котором любое продвижение культуры субнациональных этнических меньшинств может рассматриваться правоохранительными органами как уголовно наказуемая противоправная деятельность, нацеленная либо на дезинтеграцию Российской Федерации, либо на разжигание межэтнической розни, происходит рост низовых культурных инициатив, которые... ведут к усилению этнической идентификации все большего числа людей» [13].

Дополнительные и хорошо обоснованные аргументы с критикой рассматриваемого нами положения о государствообразующем народе высказала казанский автор Д. Сулейманова. Она полагает, что в национальных регионах эти «низовые культурные инициативы» обычно носят националистическое выражение, которое после отмены регионального компонента воплотилось, в частности, в Татарстане в организацию внеклассных кружков и других видов деятельности, направленных на культивирование этнической и региональной идентичности. Теперь учителя «знакомят детей с историческими нарративами, которые не включены в официальные представления о прошлом. Естественно, ресурсы и институциональные структуры, созданные политикой регионализации в образовании, такие как учебники и учебные материалы, производимые на региональном уровне, играют важную роль в обеспечении этой деятельности местных педагогов. Без такой институциональной поддержки многие из их мероприятий были бы невозможны» [6].

Накал и широта развернувшейся дискуссии привели к тому, что в нее включился и Конституционный Суд Российской Федерации, являющийся высшей судебной инстанцией в области конституционного права. Позиция его членов выразилась в том, что обсуждаемое нами новое правовое положение «основано на объективном признании роли русского народа

в образовании российской государственности» [14]. Тем самым, Конституционный суд Российской Федерации проигнорировал исторические факты и не учел вклад нерусских народов в становление государства, полноправными гражданами которого они по Конституции являются. Нельзя не отметить, что широко известная своей политической неангажированностью Европейская комиссия за демократию через право при Совете Европы (так называемая «Венецианская комиссия»), применительно к оценке обсуждаемого положения, отметила, что «включение положений, касающихся русской нации, создает противоречие с многонациональным характером Российской Федерации» [15].

Анализ более поздних публикаций показывает, что некоторые отечественные авторы продолжают оспаривать обоснованность и справедливость обсуждаемой проблемы государствообразующего этноса с точки зрения этнолингвистического аспекта. Например, Р. С. Марков убежден, что формально языковой ценз является дискриминационным и применяется только авторитарными государствами. Таким образом, имеет место существование «прямо непредусмотренного федеральным законодательством ограничения пассивного избирательного права для кандидатов на должность высших должностных лиц республик в составе Российской Федерации. Противоречивость конституционно-правовой природы анализируемого ценза позволяет в равной степени рассматривать его в качестве законного требования, укрепляющего политическую и национальную идентичность республик, и нарушения федеральных избирательных стандартов и конституционных прав, дискриминирующее значительное число граждан Российской Федерации. Очевидно, что федеральному законодателю требуется ликвидировать выявленный пробел» [16].

Авторы настоящей статьи, присоединяясь к настоящей дискуссии, считают, что наряду с политологическим и конституционно-правовыми аспектами проблемы, четко прослеживается и ее историческая составляющая. Дело в том, что и на этапе создания Российской империи, и при образовании Советского Союза, многочисленные нерусские народы принима-

ли активное участие в формировании территории этих государств, привнеся в систему государственного строительства свои этнополитические особенности, сохранявшиеся в том или ином виде даже в политическом устройстве страны. Одновременно, как это аргументированно доказали отечественные авторы, нерусские народы внесли огромный вклад в собственно русскую культуру, обогатили лексику русского языка, во многом разнообразили истецблишмент российской политической и культурной элиты. При этом, как показывают новейшие исследования, многие нерусские народы, в том числе в виде этнических военных формирований, принимали активное участие в обороне, расширении и освоении территорий будущего единого Российского государства. В этом смысле они тоже являются государствообразующими народами нашей страны.

Выводы

1. Российское общество на всех этапах своего формирования и развития отличалось чрезвычайно полиэтничным характером населения. Даже после распада СССР как правопреемника Российской империи, Российская Федерация продолжает оставаться самым полиэтничным государством мира. Это во многом определяет специфику ее социально-политического развития. При этом в современной мировой политологии полиэтничность государств, в отличие от предшествующей историографии, рассматривается как скрепляющий фактор единства гражданского общества.

2. В постсоветскую эпоху среди отечественных ученых и политиков возобновилась дискуссия о теоретических и прикладных аспектах использования понятия «государствообразующий народ» с точки зрения его реализации в системе конституционного права. В принятых по итогам всенародного обсуждения поправках к Конституции Российской Федерации было закреплено положение о том, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [17]. Как показал предпринятый нами анализ, и на этапе обсуждения, и даже после

вынесения соответствующего решения Конституционного суда, в экспертном и широком гражданском сообществе развернулась активная дискуссия о правомерности данного нормативно-правового положения. Специалистами различных направлений высказывались и продолжают озвучиваться самые различные аргументы в защиту и с критикой данной законодательной новеллы.

3. Произведенный нами анализ показал, что в обществе и среди экспертов продолжает сохраняться неоднозначная характеристика этой одной из важнейших политических категорий, которая в настоящее время внесена в текст действующей Конституции Российской Федерации и является правовым обоснованием государственной национальной политики. В то же время, как было нами показано, в настоящее время в отечественной политологии и политической практике еще не сложилась окончательная трактовка этой важнейшей дефиниции.

4. Авторы, присоединяясь к упомянутой дискуссии, считают, что на фоне политологи-

ческого и конституционно-правового обсуждения данной проблемы, к сожалению, пока недооценивается ее исторический аспект. Так, не требует специальных доказательств факт активного участия многочисленных нерусских народов в формировании территории нашей страны: как на этапе создания Российской империи, так и при образовании Советского Союза. Несомненно, что нерусские народы внесли огромный вклад в систему государственного строительства страны посредством использования своих этнополитических традиций, в том или ином виде сохраняющихся в политическом устройстве России. Очевидно и то, что нерусские народы оказали значительное влияние на собственно русскую культуру, на лексику русского языка, на состав российской политической и культурной элиты. Нерусское население, в том числе в виде этнических военных формирований, принимало активное участие в обороне, расширении и освоении территорий Российского государства, являясь в полном смысле государствообразующими народами нашей страны.

Список источников

1. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации : настольная книга Бергхофского центра / пер. с англ.; ред. В. Тишков, М. Устинова. М. : Наука, 2007. С. 116–131.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. 408 с.
3. Chandra K. Introduction /ed. by K. Chandra. *Constructivist Theories of ethnic politics*. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 1–48.
4. Kolstø P. Introduction : Russian nationalism is back — but precisely what does that mean? / eds.: P. Kolstø, H. Blakkisrud. *The New Russian Nationalism : Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. P. 1–17.
5. Shnirelman V. Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks // *History and Memory*. 2009. Vol. 21, No. 2. P. 110–149.
6. Suleymanova D. *Pedagogies of culture schooling and identity in post-soviet Tatarstan, Russia*. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. 203 p.
7. Комаров Н. П. Московский дом национальностей: из опыта межэтнического взаимодействия в Москве // Информационно-аналитический сборник по материалам круглого стола «Обсуждение статьи Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» (01.02.2012): в помощь руководителям национальных общественных объединений и национально-культурных автономий / под ред. Н. П. Комарова. М. : Московский дом национальностей, 2012. С. 13–21.
8. Степанов В. В., Филиппова Е. И., Функ Д. А. О дополнении в Конституцию Российской Федерации положения о русском языке // Институт этнологии и антропологии Российской академии наук : официальный сайт. URL: <https://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=2008>
9. Олийнык И. Л., Дегтярева Л. Н. Конституционный принцип многонациональности народа и его роль в развитии государственной национальной политики // *Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 г.)*. Т. 8 : Юрич. науки. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донецкий национальный университет, 2020. С. 122–125.

10. Паин Э. А. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. Т. 62, № 1–2. С. 34–53.
11. Шабаетов Ю. П., Омаров М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М. : РГГУ, 2021. 481 с.
12. Яхшиян О. Ю., Волох В. А. Поправки в Конституцию Российской Федерации как основа политики идентичности в Российской Федерации // Вестник Государственного университета управления. 2020. № 11. С. 217–224.
13. Юсупова Г. Н., Озерова К. А. Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России // Социология власти. 2021. Т. 33, № 2. С. 147–167.
14. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2. С. 4–26.
15. Russian Federation. Interim Opinion on constitutional amendments and the procedure for their Adoption : Adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, March 19–20, 2021). Strasbourg, March 23, 2021 // Council of Europe. Venice commission : official site. URL: [https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)005-e)
16. Марков Р. С. Языковой ценз на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации: проблемы конституционно-правового регулирования и применения // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества : материалы XV Международной научно-практической конференции (Липецк, 21 апреля 2021 г.) / под ред. А. Д. Моисеева. Воронеж : Наука-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 514–518.
17. «Конституция Российской Федерации» : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

References

1. Smith D. Causes and trends of armed conflicts. *E`tnopoliticheskij konflikt : puti transformacii : nastol`naya kniga Bergxofskogo centra = Ethnopolitical conflict: ways of transformation: handbook of the Berghof Center / transl. from English; ed. by V. Tishkov, M. Ustinova. Moscow: Nauka; 2007. P. 116–131. (In Russ.).*
2. Brubaker R. Ethnicity without groups / transl. from English by I. Borisova. Moscow: Publishing House "Higher School of Economics"; 2012. 408 p. (In Russ.).
3. Chandra K. Introduction / ed. by K. Chandra. Constructivist theories of ethnic politics. Oxford: Oxford University Press; 2012. P. 1–48.
4. Kolstø P. Introduction : Russian nationalism is back — but precisely what does that mean? / eds.: P. Kolstø, H. Blakkisrud. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2016. P. 1–17.
5. Shnirelman V. Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks. *History and Memory. 2009;21(2):110–149.*
6. Suleymanov D. Pedagogies of culture schooling and identity in post-soviet Tatarstan, Russia. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 203 p.
7. Komarov N. P. Moscow House of Nationalities: from the experience of interethnic interaction in Moscow. Information and analytical collection based on the materials of the round table “Discussion of the article of the Chairman of the Government of the Russian Federation V. V. Putin “Russia: a national question” (February 1, 2012): to help for leaders of national public associations and national-cultural autonomies / ed. by N. P. Komarova. Moscow: Moscow House of Nationalities; 2012. P. 13–21. (In Russ.).
8. Stepanov V. V., Filippova E. I., Funk D. A. On the addition to the Constitution of the Russian Federation of the provision on the Russian language. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences: official site. (In Russ.). Available from: <https://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=2008>
9. Oliylyk I. L., Degtyareva L. N. The constitutional principle of the multinationality of the people and its role in the development of state national policy. *Donetsk readings 2020: education, science, innovations, culture and challenges of our time: materials of the V International Scientific Conference (Donetsk, November 17–18, 2020). Vol. 8: Juridich. science. Part 1 / ed. by S. V. Bepalova. Donetsk: Donetsk National University; 2020. P. 122–125. (In Russ.).*

10. Pain E. A. Xenophobia and nationalism in the era of Russian stagnation. *Pro et Contra*. 2014;62(1–2):34–53. (In Russ.).
11. Shabaev Yu. P., Omarov M. A. Regionalism and ethnicity in Russia: historical evolution and modern political practices. Moscow: RSUH; 2021. 481 p. (In Russ.).
12. Yakhshiyan O. Yu., Volokh V. A. Amendments to the Constitution of the Russian Federation as a basis for identity policy in the Russian Federation. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya = Bulletin of the State University of Management*. 2020;(11):217–224. (In Russ.).
13. Yusupova G. N., Ozerova K. A. Cultural ethnic initiatives and (de)politicization of ethnicity in Russia. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 2021;33(2):147–167. (In Russ.).
14. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation on the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority”, as well as on compliance of the Constitution of the Russian Federation on the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation. *Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2020;(2):4–26. (In Russ.).
15. Russian Federation. Interim Opinion on constitutional amendments and the procedure for their Adoption : Adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, March 19–20, 2021). Strasbourg, March 23, 2021. Council of Europe. Venice commission: official site. Available from: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)005-e)
16. Markov R. S. Language qualification in the elections of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation: problems of constitutional and legal regulation and application. Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International Scientific and Practical Conference (Lipetsk, April 21, 2021).) / ed. by A. D. Moiseev. Voronezh: Nauka-UNIPRESS; 2021. P. 514–518. (In Russ.).
17. "The Constitution of the Russian Federation": adopted by popular vote on December 12, 1993: with changes approved during the all-Russian vote on July 7, 2020 // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права;

И. В. Кучумов — кандидат исторических наук, доцент.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Head of the Department of Philosophy, History and Law;

I. V. Kuchumov — Candidate of Science (Historical), Docent.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 15–24.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):15–24.

Научная статья
УДК 316.4.063(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-15-24

УРБАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭТНОЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ (на примере Республики Башкортостан)

Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Ринат Танзлгилимович Фархтдинов²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уфимский филиал, Уфа, Россия

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²RTFarhtdinov@fa.ru

Аннотация. Анализируются особенности этноязыкового поведения нерусских народов в одном из самых полиэтничных регионов России — Республике Башкортостан — в диахронном значении (на протяжении XX века). Урбанизация рассматривается как один из важнейших факторов этого процесса. Выявляется специфика этноязыкового поведения нерусских народов применительно к различным языковым группам, в том числе — тюркским и финно-угорским.

Ключевые слова: урбанизация, этноязыковое поведение, многонациональный регион, нерусские народы

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Фархтдинов Р. Т. Урбанизация как фактор этноязыкового поведения нерусских народов в многонациональных регионах России (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 15–24. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-15-24>.

Research article

URBANIZATION AS A FACTOR OF ETHNO-LINGUISTIC BEHAVIOR OF NON-RUSSIAN PEOPLES IN MULTINATIONAL REGIONS OF RUSSIA (by the example of the Republic of Bashkortostan)

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Rinat T. Farkhtdinov²

^{1,2}Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa branch, Ufa, Russia

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²RTFarhtdinov@fa.ru

Abstract. The features of the ethno-linguistic behavior of non-Russian peoples in one of the most multi-ethnic regions of Russia — the Republic of Bashkortostan — are analyzed in a diachronic sense (throughout the 20th century). Urbanization is considered as one of the most important factors in this process. The specificity of the ethno-linguistic behavior of non-Russian peoples is revealed in relation to various language groups, including Turkic and Finno-Ugric.

Keywords: urbanization, ethno-linguistic behavior, multinational region, non-Russian peoples

For citation: Gallyamov R. R., Farkhtdinov R. T. Urbanization as a factor of ethno-linguistic behavior of non-Russian peoples in multinational regions of Russia (by the example of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):15–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-15-24>.

Как известно, Российская Федерация, даже после развала Советского Союза, остается одним из самых полиэтничных государств мира, хотя нерусские народы (как «коренные», так и мигрировавшие на территорию страны из-за ее пределов) составляют только около 20 % населения страны. Однако, в некоторых макро-регионах (Урало-Поволжье, Северный Кавказ, крупные мегаполисы и т. д.) полиэтничность имеет довольно значительные показатели и оказывает существенное влияние на общественно-политическую жизнь России.

Республика Башкортостан в этом смысле обладает уникальным географическим (Приуралье и Южный Урал, то есть — центр Евразийского континента), территориальным (143,6 тыс. кв. км.), демографическим (почти 4,1 млн чел.) и экономическим потенциалами не только в Приволжском федеральном округе, но и в пределах всей Российской Федерации. Специфической особенностью Башкортостана является то, что он выступает одним из самых полиэтничных регионов в масштабах всего Российского государства, а по индексу этнической мозаичности (смешанности) населения входит в первую тройку российских регионов. Согласно официальной статистике (по результатам переписи 2010 года) этническую основу населения Республики Башкортостан, составляют русские (36%), башкиры (29,5%), татары (25,4%), а также несколько тюркских (чуваши — 2,7%), финно-угорских (марийцы — 2,6%, удмурты — 0,5%, мордва — 0,5%) и славянских народов (украинцы — 1,0%, белорусы — 0,3%), издревле проживающих на этой территории.

Данная статья подготовлена на результатах анализа как опубликованных, так и заархивированных материалов Всесоюзных (1926,

1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей и микропереписей (1994, 2015 гг.) населения; на итогах анализа нескольких репрезентативных для республики социологических опросов, в которых авторам удалось принять непосредственное участие, в том числе: социологический опрос городских жителей Башкортостана 1993 года¹; этносоциологический опрос городских и сельских жителей 1995 года²; опрос жителей Башкортостана по проекту «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» в 2011–2012 годы³. Кроме того, авторы осуществили повторный синхронный анализ результатов нескольких других социологических опросов, проведенных в Башкортостане в течение последних тридцати лет.

Как показывают результаты диахронного этнодемографического анализа (на материалах статистики двадцатого столетия), преобладающее влияние на развитие этноязыковых процессов в Башкортостане оказал урбанизационный процесс, в ходе которого различные народы республики с разной интенсивностью становились городскими жителями. Начиная с 1920-х годов урбанизация трех наиболее многочисленных народов и всего населения Башкортостана развивалась следующими темпами (табл. 1).

Наиболее широкомасштабное вовлечение в урбанизационные процессы нерусских народов республики, переселявшихся в город в основном из окружающей сельской местности, началось с середины пятидесятых годов прошлого века. До этого в Башкортостане города в основном были заселены русскими. Так, по переписи 1926 года доля титульного для Башкирии этноса, проживающего в городах, была

¹ Результаты массового социологического опроса жителей семи городов Башкортостана в апреле 1993 г. по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Руководители и организаторы проекта: М. Губогло, Р. Кузеев (Россия) и С. Лейманн, Д. Хафф, Д. Лейтин (США). Выборка составила более 2100 респондентов, в том числе — башкир (817 чел.), татар (779 чел.) и русских (814 чел.)

² Результаты этносоциологического опроса сельских и городских жителей Башкортостана, проведенного летом 1995 г. по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» Руководители проекта: М. Губогло, Ф. Сафин. Выборка охватила 2000 человек в пяти городах и пяти сельских районах республики.

³ Результаты социологического опроса жителей Башкортостана по проекту «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011–2012 гг., РГНФ). Руководители: Л. М. Дробичева, Р. М. Валиахметов). Выборка составила 1026 чел., репрезентативна по поселениям, полу, уровню образования и национальности.

Таблица 1 — Уровень урбанизированности (доля городского населения) трех наиболее многочисленных народов (русские, башкиры и татары) и всего населения Башкортостана в динамике (1926–2010 гг.), %*

Этносы	Переписи							
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Башкиры	1,8	5,8	13,6	19,7	28,2	42,3	42,4	40,7
Татары	6,1	9,4	31,5	43,3	54,8	57,8	67,0	61,6
Русские	17,4	29,3	57,7	71,1	78,8	83,0	82,7	76,7
Всего по республике	9,0	17,1	38,3	48,2	56,8	63,8	64,0	60,4

* Рассчитано и составлено авторами по материалам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

почти в пять раз ниже, чем его доля в целом по республике. У татар, второго после русских по численности и крупнейшего тюркского этноса в Башкортостане, доля в городском населении в два раза уступала его процентному показателю по республике в целом. Между тем как у русских процент городского населения, наоборот, почти в два раза превосходил его общую долю в населении (табл. 2). Мало изменилась ситуация в уровне урбанизированности основных этносов Башкортостана и по результатам Всесоюзной переписи 1939 года, хотя в этот период в республике происходили значительные миграционные процессы, связанные с коллективизацией и интенсивным индустриальным развитием в годы первых пятилеток. Действительно, с 1926 по 1939 год численность башкир-горожан увеличилась в 3,36; татар — в 2,6; русских — в 2,09 раза, т.е. абсолютный рост нерусского городского населения был значительным. Однако в процентном соотношении доля горожан-башкир и татар по республике выросла мало. Не увеличился также среди горожан процент чувашей, марийцев и удмуртов, хотя урбанизация их происходила примерно та-

кими же темпами, как и башкир. Естественно, что и коллективизация, и строительство крупных промышленных предприятий нефтедобычи, нефтепереработки, машиностроения и т.д. в 1930-е годы не могли не повлиять на вовлеченность в урбанизационный процесс основных этносов Башкортостана, в особенности нерусских. Главными причинами, определившими сохранение высокой доли русских в городском населении Башкортостана в рассматриваемый период, являются, видимо, как большая их сельско-городская мобильность, так и то, что рост городского населения осуществлялся тогда в основном за счет миграции из-за пределов республики [1, 24–36].

Рассматривая урбанизацию основных этносов Башкортостана на всем протяжении XX в., необходимо выделить несколько тенденций в этнодемографическом развитии городского населения. Во-первых, несмотря на интенсивную урбанизацию русского этноса в республике, происходило непрерывное, медленное падение его доли в общей массе городского населения. Если в 1926 году доля городского русского населения превышала его удельный

Таблица 2 — Смена родного языка русским среди башкир и татар Башкортостана в динамике, %*

Этнос	Доля лиц, признавших родным языком русский													
	1926 г.		1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		1994 г.	
	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
Башкиры	0,03	0,45	0,25	1,09	1,03	4,38	1,5	6,3	2,7	8,2	4,6	9,6	4,2	9,7
Татары	0,075	0,54	0,23	1,2	1,89	4,28	3,3	6,7	5,4	8,5	6,6	10,3	6,8	10,8

* Рассчитано и составлено авторами по материалам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

вес в целом по республике почти в 2 раза, то в 1989 году — только немногим более чем на 10 %. Вместе с тем урбанизированность самого русского этноса возросла за этот период более чем в пять раз, превысив соответствующий показатель по республике на треть. При этом темпы развития урбанизированности русских в Башкортостане превосходили соответствующие показатели по России в целом. Это привело к более «городскому» характеру русского населения по Башкирии, чем в Российской Федерации. Вместе с тем основой для сохранения преобладания русских среди горожан Башкирии было их изначальное доминирование в городском населении. Во-вторых, анализируя этнодемографические процессы в Башкирии, можно скорее говорить об общей «тюркизации» (татаро-башкиризации) городского населения в период советской истории. Причем на первом этапе (в 1930–1950-е, вплоть до начала 1970-х гг.) особенно сильны были тенденции «татаризации» городского населения, в результате которых татарский этнос в республике уже к середине 1970-х гг. стал преимущественно городским. В-третьих, на втором этапе общей «тюркизации» этнического состава населения городов (с середины 1970-х годов) резко возросла тенденция башкирского фактора, который довел уровень урбанизированности башкир до 42,3 % по республике [2, 244–246].

Исследование развития абсолютной русскоязычности (т.е. признания русского языка в качестве родного) у нерусских народов Башкортостана как в целом по республике, так и среди городского населения показывает, что динамика рассматриваемого этноязыкового явления почти адекватно отражает степень вовлечения тюркских этносов в урбанизационный процесс [3, 24–36]. Наибольший всплеск смены родного языка на русский среди башкир и татар наблюдается с начала 1950-х гг., когда начинается первая волна «великого переселения» нерусских народов (особенно — татар) из деревни в город. Динамика и масштабы языковой ассимиляции башкир и татар, происходящей преимущественно в городских условиях, коррелируют с развитием русскоязычности как в целом по этносу, так и по его городской составляющей. Например, у башкир до самого конца 1970-х гг., т.е. до начала

наиболее интенсивного включения этого этноса в урбанизационный процесс, смена родного языка на русский оставалась незначительной (2,7 %), при том, что в городах к этому времени уже достигала 8,2 % от числа городских представителей этноса. У второго нерусского народа — татар, исключительная русскоязычность, по результатам переписей, уже к концу 1970-х гг. превысила 7 %. При этом в городах еще к концу 1980-х годов свыше 10 % татар называли своим единственным родным языком русский (табл. 2.).

Более широкой языковой ассимиляции подверглись другие нерусские народы Башкортостана. Так, в 1989 году родным языком в городах республики назвали русский 61,7 % украинцев; 73,0 % белорусов, 88,0 % евреев. При этом русскоязычность последних определяется несколькими факторами. С одной стороны, они традиционно составляют в Башкирии преимущественно городское население, а следовательно — испытывают мощнейшее русскоязычное влияние. С другой стороны, эти этносы входят в общую с русской речью славянскую языковую группу. При этом на первый взгляд парадоксальным выглядит то, что большие, чем у башкир и татар, масштабы признания родным языком русского наблюдаются среди горожан-марийцев (19,4 %), удмуртов (21,5 %) и чувашей (28,5 %). Необходимо отметить, что именно эти этносы обладают наиболее низкими показателями урбанизированности в республике. Скорее всего этот факт детерминируется, с одной стороны, территориальной оторванностью данных народов от «своих» национальных республик, а с другой стороны, чрезвычайно дисперсным их расселением в городах. Последнее обстоятельство не позволяет сформировать сколько-нибудь устойчивые ареалы этноязыкового общения и приводит, в конце концов, к замене родного языка русским [4, 85–94].

Исследование возрастных характеристик процесса замены родного языка на русский, например, у городских башкир и татар республики, показывает, что по своим результатам оно согласуется с динамикой вовлечения этих этносов в «городскую цивилизацию» как в количественном значении, так и по роли различных по «городскому происхождению»

поколений нынешних горожан. Поэтому среди молодежи до 20 лет доля башкир и татар, считающих своим родным языком русский, составляет соответственно 7,86 и 12,6%. Поколение от 20 до 40 лет также в значительной степени (особенно — у татар) родилось в городе, где и проходило этническую и языковую социализацию. В соответствии с этим у довольно большого процента горожан (3,89 — у башкир и 6,94 — у татар) основных тюркских народов среднего поколения также произошла замена родного языка на русский.

Существенная разница по сравнению с более молодыми поколениями наблюдается по масштабам изменения родного языка у 40–60-летних башкир и татар. Эта часть городского населения, являясь горожанами «в первом поколении», почти полностью переехала в свое время в город из родной деревни, поэтому доля лиц, признающих родным языком русский, составляет всего 1,39 и 3,45% соответственно. При этом, у нерусских горожан Башкортостана шестидесяти лет и старше процесс замены родного языка русским в статистических данных практически не фиксируется. При этом распространен этот процесс, скорее всего, среди тех немногих башкир и татар, которые проживали в городах еще до начала индустриальных преобразований 1930-х годов и эвакуации периода Великой Отечественной войны (табл. 3.).

Если анализировать материалы новейших российских переписей населения, то приходишь к выводу о том, что тенденции развития этноязыковой ассимиляции нерусских народов не только сохраняются, но существенно

усиливаются. Методика всероссийских переписей 2002 и 2010 годов, к сожалению, не содержит показателя «родной язык» у представителей нерусских народов. Однако приблизительные значения русскоязычной ассимиляции вполне можно представить на основе сравнительного анализа данных о степени владения родным и русским языком. Применительно к основным народам Башкортостана эти данные представлены в таблице 4.

Как видно из таблицы, у почти всех народов Башкортостана уровень владения русским языком от 10 до 30 с лишним процентов превышает уровень владения родным языком. Если в отношении башкирского народа (почти на треть татароязычного) данный феномен вполне понятен, то применительно к другим этническим группам, особенно в отношении финно-угорских народов, данная статистическая закономерность может быть объяснима только русскоязычной ассимиляцией [5, 100–103]. Наибольшие показатели русскоязычной ассимиляции, как видно из таблицы, демонстрируют (в убывающей последовательности): украинцы (свыше 70%); чувашаи (более 35%) и татары (свыше 30%).

Как показывает анализ материалов статистики и результатов репрезентативных социологических опросов, важнейшим показателем глубины и динамики ассимиляционных этноязыковых процессов являются межпоколенные различия речевого поведения представителей того или иного народа. Во многом в зависимости от того, каким был разговорный язык старших поколений, каким языком пользуются в общении с последними сейчас,

Таблица 3 — Степень признания русского языка родным у башкир и татар различных возрастов по переписи 1989 года, %*

Этнос		Признают родным языком русский			
		15 до 20 лет	20–39 лет	40–59 лет	60 лет и старше
Башкиры	всего	7,86	3,83	1,44	0,48
	город	7,26	3,89	1,39	0,42
Татары	всего	12,0	5,78	2,04	0,65
	город	12,6	6,94	3,45	1,22

* Рассчитано авторами по: Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР по Башкирской АССР. М., 1990 (Для служебного пользования).

Таблица 4 — Уровень владения родным и русским языками у нерусских народов Башкортостана (по результатам Всероссийских переписей населения 2002–2010 гг.)*

Годы и языки	2002 г.		2010 г.	
	Родной	Русский	Родной	Русский
Башкиры	912 202 (74,69%)	1 135 714 (93%)	790 383 (67,42%)	1 130 432 (96,43%)
Татары	859 748 (86,78%)	955 368 (96,4%)	673 567 (66,74%)	992 594 (98,35%)
Чуваши	91 050 (77,61%)	114 001 (97,2%)	69 218 (64,42%)	106 405 (99,04%)
Марийцы	88 605 (83,72%)	100 308 (94,8%)	76 184 (73,5%)	101 126 (97,56%)
Украинцы	19 726 (35,7%)	54 974 (99,5%)	11 865 (29,76%)	39 857 (99,95%)
Удмурты	19 102 (84,43%)	20 662 (91,3%)	17 473 (81,36%)	20 591 (95,87%)

* Рассчитано авторами по материалам Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения.

а также общаются со своими сверстниками и подрастающим поколением, определяется направление и интенсивность проникновения в родную речь других языков. Социологические опросы 1993, 1995, 1997 и 2012 годов, например, показали, что разговорным языком матерей нынешнего поколения башкирского населения был у 76,5% — башкирский, у 19,3% — татарский и у 2,7% — русский языки. Среди татар ответы на соответствующий вопрос распределились следующим образом: 7,6% — башкирский, 85,8% — татарский, 5,0% — русский языки. Таким образом, синхронный анализ этнической составляющей языка общения с ближайшими родственниками у опрошенных достаточно красноречиво показывает, что как среди респондентов башкирской, так и татарской национальностей происходит постоянное, а на межпоколенном переломе — достаточно резкое уменьшение употребления национального родного языка в сфере семейно-родственных отношений, постепенное вытеснение его русской речью [6, 38–43]. Так, если городской татарин общается на родном языке со своей бабушкой в 65,0% случаев, то с матерью уже только — в 51,9%, а с супругом (или супругой) — в 27,6% случаев, то есть более, чем в два раза меньших масштабах. Таким образом, коэффициент употребления родного языка

при переходе от старших поколений к нынешнему даже в узко национальном семейном кругу сокращается почти в два раза. Аналогичные результаты получаются и при анализе этноязыкового поведения городских башкир (табл. 5).

Наиболее резкий (двухкратный) скачок сокращения употребления родного языка в семье происходит именно между нынешним поколением горожан (видимо, родившиеся и социализировавшиеся в городе) и его предшественниками, являющимися, согласно статистическим расчетам урбанизации нерусских народов, в прошлом в основном сельскими жителями. Значительно уменьшается применение родного языка также в общении нынешнего взрослого и подрастающего поколений (у башкир — с 24,2 до 13,2%; у татар — с 27,6 до 10,9%). При этом у татар резкое сокращение употребления родной речи в семье даже резче, чем у башкир. Скорее всего, это определяется большей их вовлеченностью в урбанизационный процесс, а следовательно — более сильным русскоязычным влиянием. Соответственно уменьшению значения родной речи в семье растет роль русского языка и смешанных лингвистических форм: с детьми респонденты общаются только на русском языке у башкир уже в 20,6% случаев, а у татар — 25,5% опрошенных.

Таблица 5 — Основные языки общения с ближайшими родственниками городских башкир и татар Башкортостана, %*

Язык	С бабушкой по матери		С матерью		С супругой (супругом)		Со старшим ребенком в дошкольном возрасте		Со старшим ребенком в настоящее время	
	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары
Башкирский	57,4	2,4	50,1	1,4	24,2	0,8	19,5	0,9	13,2	0,3
Смешанный башкиро-русский	8,2	1,4	21,8	2,2	20,3	1,4	21,1	1,2	26,8	2,1
Татарский	9,7	65,0	5,6	51,9	4,0	27,6	2,7	17,1	2,4	10,9
Смешанный татаро-русский	2,0	9,9	5,9	27,7	5,1	24,4	3,4	28,5	3,3	32,3
Смешанный башкиро-татарский	5,5	2,4	6,4	3,2	6,4	2,7	2,4	1,3	1,3	0,9
Русский	3,9	6,5	9,4	12,3	15,4	21,1	20,1	24,1	20,6	25,5
Затрудняюсь ответить	13,2	12,1	0,6	1,3	9,3	11,3	12,1	15,7	12,7	15,4

* По результатам этносоциологических опросов. Ответы на вопросы: «На каком (каких) языке(ах) Вы обычно разговариваете (или разговаривали в прошлом, если они умерли) с Вашей бабушкой (по матери), с матерью, с супругой (супругом), со старшим ребенком в дошкольном возрасте, со старшим ребенком в настоящее время?».

Рассчитанная нами по специальной формуле величина общения городских башкир в семье только на родном языке составила 38,07 %; на смешанном башкирско-русском — 16,26 %; на русском — 8,38 % и на татарском языке — 6,75 %. Среди городских татар речевое поведение в семье, рассчитанное на основе показателей общения с родственниками, на татарском языке происходит у 39,6 % респондентов; на смешанном татарско-русском — у 20,16 % и на русском — у 12,8 % ответивших.

Специально необходимо остановиться на результатах исследования относительно малоисследованного аспекта языкового поведения некоторых неосновных нерусских народов Башкортостана, фиксируемого результатами государственной статистики.

Дело в том, что в Башкортостане, наряду с русскими, башкирами и татарами, составляющими свыше 90 % населения, уже более двухсот лет проживают довольно большие этнотерриториальные группы чувашей и трех финно-угорских народов (мордвы, марийцев и удмуртов) [7, 120]. Именно наличие этих этнических групп в республике придает особенный дополнительный импульс показателю этнической мозаичности населения региона. Тем более

что выходцы из нашего, приуральского региона из числа чувашей, марийцев и удмуртов, особенно в начале XX в., подпитывали этническую элиту республик, в которых эти этносы являются титульными. Поэтому анализ эволюции этноязыкового поведения данных этносов региона, рассчитанный и представленный нами в табличной форме, имеет особое значение (табл. 6).

Как показывает анализ вышеприведенных цифровых данных и материалов более ранних переписей населения, для чувашей, марийцев и удмуртов, проживающих на территории современного Башкортостана, вероятнее всего, по причине проживания чересполосно в регионах преобладания татар и татароязычных башкир, татарский язык был, как минимум, языком межнационального общения. Это хорошо заметно при диахронном сравнительном анализе русскоязычности и татароязычности чувашей, марийцев и удмуртов данного региона. Более того, в довоенный период довольно большой процент исследуемых этнических групп даже признавал татарский язык родным. Естественно, что в послевоенный период процент владеющих татарским языком и признающих его родным среди чувашей, марийцев

Таблица 6 — Эволюция этноязыковой компетенции некоторых нерусских народов Башкортостана (1970–2010 гг), абс. число и %

Этносы	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Чуваши	126 638	122 344	118 509	117 317	107 450
Вл. тат. яз. + родн. тат. яз.	8472 + 1175 (7,6)	6500 + 1084 (6,2)	3884 + 1088 (4,2)	22 345 + и. о. (19,04)	14 663 + и. о. (13,6)
Вл. башк. яз.	813 (0,64)	886 (0,72)	163 (0,14)	9126 (7,78)	5702 (5,31)
Марийцы	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658
Вл. тат. яз. + родн. тат. яз.	14 079 + 513 (13,3)	11 220 + 596 (11,06)	8862 + 710 (9,04)	27 330 + и. о. (25,8)	20 572 + и. о. (19,8)
Вл. башк. яз.	403 (0,37)	326 (0,31)	147 (0,14)	3548 (3,35)	2608 (2,52)
Удмурты	27 918	25 906	31 923	22 625	21 477
Вл. тат. яз. + родн. тат. яз.	5286 + 687 (21,4)	5237 + 667 (22,7)	4111 + 701 (15,07)	8623 + и. о. (38,1)	7678 + и. о. (35,7)
Вл. башк. яз.	472 (1,69)	122 (0,47)	133 (0,42)	2 921 (12,91)	963 (4,48)

и удмуртов республики постепенно падал, достигнув минимума накануне развала Советского Союза. При этом масштабы татароязычности этих народов, зафиксированные в результате «советских» переписей, представляются вполне репрезентативными и отражающими реальное положение дел.

Совершенно парадоксальными выглядят данные, опубликованные по данному аспекту проблемы применительно к итогам «постсоветских» Всероссийских переписей. Почему-то татароязычная компетентность и чувашей, и марийцев, и удмуртов республики по итогам этих переписей многократно возрастает и достигает неправдоподобных масштабов. При этом совершенно фантастическими выглядят официально опубликованные данные о «башкироязычности» чувашей, марийцев и удмуртов Башкортостана. Наиболее искаженными являются в этом смысле результаты переписи 2002 года, когда государственная статистика утверждает, что почти 13% удмуртов, 8% чувашей и 3,5% марийцев владеют башкирским языком, хотя никогда в башкироязычной среде не проживали. Таких показателей знания и владения чужим для них башкирским языком данные этносы не демонстрировали в начале

XX в. даже применительно к татарскому языку, хотя тогда именно этот язык выступал своеобразным языком межнационального общения для нерусских народов макрорегиона. Подобная ситуация констатируется представителями государственной этностатистики вопреки хорошо известному положению о том, что старшее поколение чувашей, марийцев и удмуртов Башкортостана, действительно владевшее тюркскими (прежде всего — татарским) языками, сейчас практически вымерло, а молодое поколение этими языковыми компетенциями не владеет вообще [8, 165]. В результате проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что постсоветские переписи, применительно к материалам этностатистики, в условиях Башкортостана, как уже довольно обоснованно доказали некоторые другие, в том числе — московские авторы (например, академик В. А. Тишков), являются результатами фальсификации данных, проведенной по каким-то политизированным в своей основе причинам.

Резюмируя основные положения статьи, необходимо подчеркнуть наличие следующих основных тенденций и противоречий в процессе влияния урбанизации на этноязыковое поведение нерусских народов Башкортостана как

одного из самых полиэтничных регионов современной России.

Во-первых, в течение всего XX в. происходило не только интенсивное развитие национально-русского двуязычия, достигшее к началу текущего столетия почти абсолютных (близких к 100%) показателей среди нерусских этносов, но и их значительная русскоязычная ассимиляция, осуществляемая в основном в городских условиях.

Во-вторых, в этом смысле именно процесс урбанизации оказывал и продолжает оказывать основное влияние на русскоязычную ассимиляцию нерусских народов, мигрирующих из сельской этноязычной среды в городскую среду с доминированием русского языка во всех сферах жизнедеятельности, в том числе — во внутрисемейном общении. Статистическое сравнение урбанизированности и русскоязычности нерусских этносов показывает жесткую корреляционную связь между последствиями этих процессов.

В-третьих, среди горожан-марийцев (19,4%), горожан-чувашей (28,5%) и горожан-удмуртов (21,5%) масштабы признания родным языком

русского даже значительно выше, чем среди более урбанизированных татар и башкир. Это вызвано, скорее всего, территориальной оторванностью этих этносов от «своих» этнонациональных республик и мест компактного расселения, а также — чрезвычайно дисперсным их расселением в городах. Последнее обстоятельство не позволяет сформировать сколько-нибудь устойчивые ареалы национально-языкового общения и приводит, в конце концов, к замене родного языка русским.

В-четвертых, анализ материалов государственной этностатистики новейших Всероссийских переписей (2002 и 2010 гг.), применительно к языковой компетенции некоторых (в особенности — финно-угорских) нерусских этносов в условиях Башкирии, дополнительно показывает, что ее результаты не репрезентативны и не подтверждаются результатами многочисленных и масштабных социологических опросов, проведенных самими различными творческими коллективами и службами. Данный «этнодемографический парадокс» требует специального и более глубокого научного исследования.

Список источников

1. Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, Гилем, 1996. 200 с.
2. Регионы России. Хроника и руководители. Т. 8 : Республика Марий Эл. Чувашская республика. Республика Башкортостан / под ред. К. Мацузато. Саппоро ; Екатеринбург : Центр славянских исследований при университете Хоккайдо; Изд-во Уральского ун-та, 2003. 342 с.
3. Галлямов Р. Р. Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерения. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2006. 248 с.
4. Трансформация социально-экономических процессов в современной России. Ульяновск : Зебра, 2019. 209 с.
5. Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Русские Башкортостана: демографические и этноязыковые процессы в многонациональной среде в XX веке // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 4(49). С. 99–108.
6. Кучумов И. В., Абрамова С. Р. Русские в Башкортостане в XX веке: историко-демографический анализ. Уфа : Первая типография, 2018. 116 с.
7. Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г., Халиулина А. И. Русские Башкортостана: этнодемографические и языковые процессы (1979–2014 гг.). Уфа : Первая типография, 2019. 176 с.
8. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 152–167.

References

1. Gallyamov R. R. Multinational city: ethnosociological essays. Ufa: Gilem; 1996. 200 p. (In Russ.).
2. Regions of Russia. Chronicle and leaders. T. 8: Republic of Mari El. Chuvash Republic. Republic of Bashkortostan / ed. by K. Matsuzato. Sapporo; Yekaterinburg: Center for Slavic Studies at Hokkaido University; Ural University Publishing House; 2003. 342 p. (In Russ.).
3. Gallyamov R. R. Elite of Bashkortostan: political and confessional dimensions. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2006. 248 p. (In Russ.).

4. Transformation of socio-economic processes in modern Russia. Ulyanovsk: Zebra; 2019. 209 p. (In Russ.).
5. Gallyamov R. R., Kuchumov I. V. Russians of Bashkortostan: demographic and ethno-linguistic processes in a multinational environment in the 20th century. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2020;4(49):99–108. (In Russ.).
6. Kuchumov I. V., Abramova S. R. Russians in Bashkortostan in the XX century: historical and demographic analysis. Ufa: First typography; 2018. 116 p. (In Russ.).
7. Abramova S. R., Safin F. G., Khaliulina A. I. Russians of Bashkortostan: ethnodemographic and linguistic processes (1979–2014). Ufa: First typography; 2019. 176 p. (In Russ.).
8. Safin F. G., Mukhtasarova E. A., Khaliulina A. I. Ethno-demographic and ethno-linguistic development of the Finno-Ugric peoples in the Ural-Volga region. *Finno-ugorskij mir = Finno-Ugric world*. 2019;11(2):152–167. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права;

Р. Т. Фархтдинов — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, истории и права.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Head of the Department of Philosophy, History and Law;

R. T. Farkhtdinov — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Law.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 25–31.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):25–31.

Научная статья
УДК 159.96:355.48
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-25-31

К ИСТОКАМ ПСИХОЛОГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН: ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИХ ПИЩЕВОГО НАИМЕНОВАНИЯ

Людмила Олеговна Терновая

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия,
89166272569@mail.ru

Аннотация. В истории, особенно касающейся геополитического противоборства, имеется много тайных страниц, которые только со временем теряют секретность. Но даже при этом события, которые срывались за завесой тайны, могут продолжать играть роль психологического оружия, наиболее востребованного в гибридной войне. Именно к такому виду психологических средств воздействия на противников могут быть отнесены не только сами тайные операции, но и их названия, в частности, взятые из арсенала продуктов питания.

Ключевые слова: история, геополитика, спецслужбы, тайные операции, символы еды, гибридная война

Для цитирования: Терновая Л. О. К истокам психологии гибридных войн: тайные операции и геополитический смысл их пищевого наименования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 25–31. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-25-31>.

Research article

TO THE ORIGINS OF THE PSYCHOLOGY OF HYBRID WARS: COVERT OPERATIONS AND THE GEOPOLITICAL MEANING OF THEIR FOOD NAME

Ludmila O. Ternovaya

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia,
89166272569@mail.ru

Abstract. There are many secret pages in the history, especially concerning the geopolitical confrontation, which only lose their secrecy over time. But even so, the events that unraveled behind the veil of secrecy may continue to play the role of the psychological weapon most in demand in hybrid warfare. It is to this type of psychological means of influencing opponents that not only covert operations themselves, but also their names, in particular, taken from the arsenal of food products, can be attributed.

Keywords: history, geopolitics, intelligence agencies, covert operations, food symbols, hybrid warfare

For citation: Ternovaya L. O. To the origins of the psychology of hybrid wars: covert operations and the geopolitical meaning of their food name. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):25–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-25-31>.

В середине декабря 2021 г. Россия представила странам Запада предложения по безопасности, которые, по образному выражению заме-

стителя министра иностранных дел Российской Федерации С. Рябкова, должны рассматриваться в комплексе, поскольку это — не меню, где

каждый сможет выбрать какой-то пункт, а для России важен именно комплексный, всеобъемлющий характер гарантий безопасности [1]. Действительно, принцип меню можно считать проявлением избирательности, когда предоставляется возможность выбрать из предлагаемого набора наиболее предпочтительное. Само меню как реальный документ не только состояния учреждений питания или развития конкретного направления туризма, но и в целом образа жизни людей, проживающих в определенных территориальных, хронологических или социальных реалиях, становится ценнейшим источником прежде всего изучения истории повседневности, позволяя одновременно с фиксацией данных делать достаточно широкие выводы [2–3, с. 217–240].

В первую очередь такие выводы относятся к готовности людей осуществлять выбор и уметь, приняв решение, следовать избранному пути. Обычно такой опыт начинается с мелочи. Даосская мудрость, выраженная в трактате «Дао Дэ Цзин», гласит: «Даже путь в тысячу ли начинается с первого шага». (гл. 64, строка 12). Этот первый шаг дается тяжелее последующих. Второй аспект избирательности, также имеющий как философский, так и геополитический смысл, относится к избирательности социально-политической. История человечества развивалась так, что по мере улучшения условий жизни принципы равенства и демократии все более и более теснили пространство принципа избирательности, но при этом добавляли ей несомненную ценность. Третий аспект, вытекающий из второго, связан с тем, что в мире неизбежно остаются области, где необходимо подчеркнуть уникальность чего-либо или кого-либо. Такую исключительность следует выражать открыто, отмечая заслуги ученых, изобретателей, художников, спортсменов... Но, что касается геополитической исключительности, то ее превознесение чревато серьезными геополитическими рисками. Сейчас их вызревание налицо у американской исключительности (англ. *American exceptionalism*), являющейся мировоззренческой позицией, отражающей особое место Соединенных Штатов среди других государств и народов, благодаря их национальному духу, политическим и религиозным институтам [4].

Геополитическую исключительность можно подчеркивать публично, но не менее распространены случаи, когда она окружена таинственностью, секретностью, дополняется совершенно невероятным информационным сопровождением, способным кардинально запутать ситуацию для непосвященных. Обрамление исключительного обстоятельства может скрываться за завесой обыденности: важная таинственная персона спрячется за маской в прямом или переносном смысле; оружие переправляется в упаковке детского питания; секретная операция получает название из той области жизнедеятельности, от которой она отдалена более всего и которая выглядит наиболее безобидной.

Представляется не удивительным, что некоторые тайные геополитические планы и операции получили пищевые названия. Поскольку искусство всегда транслирует обществу не одни лишь смыслы, но и образы, позволяющие эти смыслы воспринимать и интерпретировать, то начать анализ подобных операций предпочтительно с художественных произведений. В 1840 году появляется сценическая комедия французского писателя Э. Скриба «Стакан воды, или следствия и причины» (фр. *Le verre d'eau ou Les effets et les causes*). Ее действие разворачивается при дворе английской королевы Анны в начале XVIII столетия и связано с позицией Англии в Войне за испанское наследство (1701–1714). В самом начале пьесы один из главных героев — лорд Болингброк — формулирует принцип, которым, по его мнению, руководствуется король Франции Людовик XIV: «Самые незначительные вещи часто могут иметь наибольшее влияние. Вы можете думать, как и весь мир, что политические катастрофы, революции, падение Империи происходят от серьезных, глубоких, важных причин. Даже близко нет! Государства покоряются или защищаются героями, великими людьми, но этими великими людьми руководят маленькие страсти, капризы, тщеславие» [5]. В этих словах, призывающих обращать внимание на мелочи, детали повседневности, расшифровывается выбор стакана воды как тайного знака начала и внутренней смены министерства, и крутого поворота политики Англии не только в европейских делах, но и в Америке, где ло-

кальные действия этого конфликта были названы Войной королевы Анны (1702–1713) [6, с. 379–395]. Сложно сказать, были ли осведомлены о таком принципе создатели знаменитой советской кинокомедии «Бриллиантовая рука» (1968). Но уже одно гротескное наименование очередной операции «Дичь» по извлечению контрабандных бриллиантов из гипсовой повязки незадачливого туриста подчеркивает рассыпанные по всему фильму намеки на бывшую профессию одного из контрабандистов, по всем приметам связанного со службами безопасности.

Несомненно, важнейшим источником вдохновения для придания секретным операциям кулинарных имен стали названия самих рецептов, отличающиеся ярко выраженной экзотичностью и окутанные разными легендами. Многие из таких наименований еще и передают представления об агрессии, применимой в ходе приготовления блюд. Самым знаменитым в этом ряду выступают «Мозги ткача» (фр. *Cervelle de canut*), относящиеся к французской кухне. В этом блюде соединилось то, что место его изобретения — Лион — был одновременно и гастрономической столицей Франции, и центром шелкового производства. В XVIII веке на шелкопрядильных фабриках работа начиналась задолго до рассвета. К обеденному перерыву изрядно проголодавшиеся ткачи устраивали обильную трапезу в дешевых придорожных харчевнях, называемых бушонами (фр. *bouchon*). Их отличительными знаками были пучки соломы, висевшие над входом и предназначенные для ухода за лошадьми, на которых многие приезжали и останавливались в бушонах пообедать. К изысканным блюдам того времени относились мозги ягненка, но бедные лионские ткачи не могли позволить себе такие деликатесы, а потому заменили их на нечто напоминающее, но приготовленное из хорошо отжатого творога с добавлением соли, оливкового масла, зелени, лука и уксуса или вина. Так и появились *Cervelle de canut*. В 1830-х годах у французской буржуазии название этого блюда стало служить знаком ее отношения к лионским ткачам и их восстаниям. Другое блюдо с отражением жестокости в названии — это «Задушенный священник» (итал. *Strozzapreti*). Оно дано по визуальному

сходству макарон со скрученной веревкой, которую можно было принять за выражения отношения итальянских крестьян из Романьи к церкви, у которой они арендовали земли. Жадность священников была настолько велика, что крестьяне желали им умереть. Другое блюдо с пугающим названием — «Суп из мертвеца» (Чхеонггукджанг). Это исключительно ароматное корейское блюдо с ферментируемой соевой пастой из целых бобов, по легенде было изобретено обучающимися в Германии корейскими студентами после того, как их бдительные соседи вызвали полицию, решив, что в молодые люди совершили убийство и скрывают чей-то труп.

Все перечисленные примеры указывают на то, что в названии блюд можно выразить и интригу, и загадку, и даже злость, а потому они вполне подходят для зашифровки тех действий, которые не должны быть преданы огласке.

Наиболее известное среди таковых — это инсценировка нападения поляков 31 августа 1939 г. на немецкую радиостанцию в городе Глайвице (нем. *Überfall auf den Sender Gleiwitz*), также знакомое как Глайвицкая провокация (польск. *Prowokacja gliwicka*) или операция «Консервы» (нем. *Aktion Konserve*) [7–8, с. 279–300]. Именно эта провокация в городе на польско-немецкой границе, организованная эсэсовцами, переодетыми в польскую военную форму, стала поводом для начала Второй мировой войны. Поскольку нужны были жертвы этого нападения, на их роль предназначили убитых заключенных концлагерей, трупы которых были своевременно доставлены на место событий. Название таких жертв на эсэсовском жаргоне «консервами» определило имя всей операции. Сейчас в современном польском городе Глайвице в помещениях радиостанции устроена экспозиция, позволяющая представить, как разворачивалась операция. Если антураж поляки постарались воспроизвести с достаточной достоверностью, то наглядная агитация говорит не о гитлеровской провокации, а о «советской оккупации Польши». К сожалению, такое прочтение операций объясняется тоже их продовольственными названиями, поскольку, как говорит пословица «На вкус и цвет товарища нет».

Уже во время Второй мировой войны британцами была осуществлена успешная операция по дезинформации, позволившая убедить высшее командование Третьего рейха в том, что союзные силы намерены в середине 1943 г. вторгнуться в Грецию и Сардинию. Эта акция прикрытия истинных планов вторжения в Сицилию была названа операцией «Мясной фарш» (англ. *Operation Mincemeat*). Согласно сценарию, разработанному капитаном первого ранга И. Монтегю, была инсценирована «авиакатастрофа», в результате которой у трупа, одетого в форму майора Королевской Морской пехоты Великобритании (англ. *The Corps of Royal Marines, RM*) и вынесенного волнами к испанским берегам, были найдены документы, содержащие детали вторжения союзников в Грецию и Сардинию [9]. Естественно, эти бумаги не имели ничего общего с настоящими планами западных союзников. Для поддержания правдоподобия легенды британцы обратились в МИД Испании с просьбой вернуть тело британского офицера, погибшего в результате авиакатастрофы, а также опубликовали в газете «The Times» заметку о гибели офицера морской пехоты армейского курьера У. Мартина, это же имя можно было найти и в списке погибших военных. Но наживка сработала. Записка с грифом «Лично и совершенно секретно», извлеченная из чемоданчика, прикрепленного наручниками к запястью трупа, произвела настолько сильное впечатление на Гитлера, что он отказался прислушаться к доводам Муссолини о подготовке союзников к высадке на Сицилии, отдав приказ о подготовке обороны Греции, Сардинии и Корсики.

Несмотря на принадлежность организаторов операций «Консервы» и «Мясной фарш» к сторонам, столкнувшимся в годы Второй мировой войны в геополитическом противоборстве, в их подходах к реализации этих провокаций было много общего [10]. Во-первых, они отличались исключительным цинизмом, поскольку в качестве аргумента использовались трупы. Не так важно, убивали ли специально ради большей достоверности операции заключенных или находили труп бездомного, проявлялось общее пренебрежительное отношение к человеку. Во-вторых, негативизм был обра-

щен не только на ценность жизни и личности, которая после смерти теряла свою идентичность, но и на значимость для жизни продуктов питания, названиями которых зашифровывалась тайная операция.

Все эти характеристики прочно вошли в арсенал спецслужб и применялись не только в связи с военными обстоятельствами, но и в мирное время, например, при борьбе с трафиком наркотиков. Так, в 1997 году в ходе операции «Компот» спецслужбами Российской Федерации и Великобритании была пресечена попытка незаконной поставки из Южной Америки в Россию 200 кг кокаина, спрятанного в банки из-под ананасового компота [11]. В сообщении об этом рекордном количестве наркотиков также фигурировал уже умерший, причем насильственной смертью, посредник, а еще был задействован незнакомый с реальным планом незадачливый коммерсант, который в условиях дефицита пытался реализовать в сибирских городах различные продукты, поставляемые из-за границы, в частности, консервированные фрукты из Венесуэлы. Позже в прессе было сообщено, что инициатором операции оказалась полиция Венесуэлы, которая сообщила в Пограничное агентство Великобритании (англ. *The UK Border Agency, UKBA*), курирующее таможенные вопросы, информацию о планах венесуэльских наркобаронов отправить в Британию целый корабль кокаина. Это вызвало тотальную проверку всех грузов, поступающих из Южной Америки. Тщательный контроль позволил найти в одном из портов графства Саффолк корабль, трюмы которого были полны банками с ананасовым компотом, согласно сопроводительным документам предназначенным одной коммерческой структуре в российском Братске. Сотрудники спецслужбы, вскрыв одну из банок, обнаружили, что она заполнена кокаином. Британские таможенники, изъяв банки с наркотиками и заменив их банками с томатами и фасолью, груз задерживать не стали. Однако, предупредив российские спецслужбы о запрещенном грузе, оставили в контейнерах лишь одну упаковку банок с кокаином для задержания преступников. Далее весь путь груза отслеживали уже российские спецслужбы. Вероятно, сибирский коммерсант служил лишь для того, чтобы на

него возложить всю ответственность, если со- рвется операция по передаче наркотиков жду- щему их адресату. Кстати, известна практика южноамериканских наркокартелей по перио- дической сдаче местной полиции той или иной информации либо о своих конкурентах, либо о мелких собственных партиях товара, чтобы таким образом создать возможность провести в другом месте более крупную поставку нарко- тиков. Возможно, это был именно такой слу- чай, когда под прикрытием относительно не- большой «русской партии» была отгружена го- раздо большая партия, предназначенная для клиентов в Соединенных Штатах Америки или Европе. Не исключено, что хитроумный план преступников, побудивший спецслужбы разра- ботать операцию «Компот», был еще более изо- щренным и предполагал действие механизма нелегальной поставки вооруженным группиро- вкам Латинской Америки оружия, военной техники и боеприпасов, за которые идет рас- чет не деньгами, а наркотиками. Эта опе- рация подтвердила, что обращение к образам еды помогает запутывать ситуацию, делая ее более будничной, замкнутой в круг рутинных хозяйственных забот: консервы, мясной фарш, компот... Атрибутика повседневности застав- ляет направлять по ложному пути мысли не тех людей, кто по профессиональной линии, а чаще всего случайно сталкивается с инфор- мацией о секретных планах.

То, что пока число наименований подобных операций очень немногочисленно, может слу- жить указанием на сохранение за продоволь- ственными продуктами некой защиты в свя- зи с их не просто жизненной важностью для человека, но и еще с определенной долей са- кральности. Однако при обострении внутри- политической или международной ситуации эти аргументы отбрасываются, а все, что свя- зано с едой, становится не только ярким, но и действенным наполнением уже не зашиф- рованных смыслов, а открытой политической полемики. Причем продовольственная тер- минология может использоваться всеми оп- понентами. Именно так и поступили крити- ки деятельности британского кабинета мини- стров, возглавляемого в тот период Б. Джон- соном, начав раскручивать скандал вокруг вечеринок в резиденции премьера, устроен-

ных в разгар локдауна из-за пандемии коро- навирусной инфекции. Эта кампания против Б. Джонсона в британском парламенте полу- чила наименование «Заговор пирога из сви- ного фарша» (англ. *The 'pork pie plot'*) [12]. Сво- им происхождением данный парламентский термин, призывающий к вотуму недоверия, обязан тому, что депутат А. Кернс, являющая- ся одним из инициаторов этого вотума, изби- ралась в округе, который прославился такими пирогами со свиной. Но и правительство не остается без ответа, проявляющегося в набо- ре мер в рамках PR-операции «Красное мясо» (англ. *Red Meat*), заключающейся в отвлече- нии внимания общественности от внутрипо- литических проблем и его концентрации на проблемах внешней политики, стержнем ко- торой выступает поддержка украинских вла- стей. Б. Джонсон в этой полемике сравнива- ет Украину с колбасой: «Если президент Путин все же выберет кровопролитие и уничтоже- ние, он должен понимать, что такое решение будет бесполезным и закончится трагедией. Также мы не должны позволять ему верить в то, что он мог бы с легкостью захватить ка- кой-нибудь маленький кусочек Украины, буд- то это ломтик салями, потому что сопротивле- ние будет ожесточенным» [13].

Почему именно этот сорт колбасы оказал- ся наиболее подходящим для передачи, как казалось британскому государственному дея- телю, представлений о российских планах от- носительно Украины? Прежде всего, в настоя- щее время в английском языке слово «салями» применимо к обозначению твердого мяса, как в европейском, так и частично в исконном ита- льянском стиле, где салями (итал. *salame* — колбаса) означает сорт твердой вяленой кол- басы из ферментированного, высушенного на воздухе мяса, взятого от одного или разных ви- дов животных, обладающий рядом отличитель- ных особенностей, заключающихся в его спо- собности храниться при комнатной температу- ре после разрезания до 30–40 дней, а также в том, что данный продукт исходит от разных животных. Переводя это на язык геополити- ческой ситуации, следует указать на достаточ- ную точность образа, взятого Б. Джонсоном из продуктового набора южно-европейских кре- стьян, поскольку, он указывает на способность

пользующихся этой продукцией набирать ее из разных источников, несмотря их скудость. Это в полной мере соотносится и с украинскими обращениями к западным государствам о постоянном увеличении военных поставок, и к их не совсем «свежему» качеству. Но столь настойчиво повторяющиеся ассоциации с мясом не могут не настораживать, поскольку сигнализируют о росте кровожадности политиков. В частности, в начале мая 2022 г. посол Украины в ФРГ А. Мельник в ответ на отказ немецкого канцлера О. Шольца приезжать в Киев назвал этого государственного лидера «обиженной ливерной колбасой».

Подводя итог историческому экскурсу в тайные операции отдельных государств, реализуемые с разными целями и в различных обстоятельствах, можно выразить некоторое удовлетворение, что упоминание продуктов питания в их названиях встречается крайне редко. Однако когда это все же происходит, то наименование операции по любому продукту питания сразу указывает на ее исключительную значимость. Не менее настораживает и то, что из продуктов чаще всего на эту роль выбираются связанные с мя-

сом, что не может не напоминать о том, каким образом оно попадает в пищу человека. Можно вспомнить, что в голландском натюрморте XVI–XVII столетий, который во многом отражал идеи Ж. Кальвина о том, что у повседневных вещей есть тайное значение, а их изображение всякий раз предполагает наличие морального урока, богатство мясной лавки служило персонификацией стихии Земли с ее не только плодородным, обработанным, но и хтоническим, диким началом. В таком начале содержится множество пугающих чело- века смыслов. Поэтому и такие тайные геополитические операции, когда приходило время их рассекречивания, сохраняли эти хтонические послания силы, вседозволенности и непобедимости, продолжали оказывать психологическое воздействие как на бывших противников, так и на современных конкурентов. Несмотря на очевидные моральные ограничения игры с образами еды, именно те из них, что в прошлом использовались для наименования тайных операций, демонстрируют психологическую эффективность данных образов и в качестве информационного оружия гибридной войны.

Список источников

1. «Это не меню»: Рябков призвал рассмотреть все предложения по безопасности // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: <https://ria.ru/20211217/bezopasnost-1764241078.html>. Дата публикации: 17.12.2021.
2. Терновая Л. О. Гастрономическая геополитика. М. : ИНФРА-М, 2020. 243 с.
3. Терновая Л. О. Международная жизнь в кулинарных деталях // Международная жизнь. Специальный выпуск «История без купюр». 2013. С. 217–240.
4. Концепция «американской исключительности»: Идеология, политика, культура / под ред. Ю. К. Мельвиля, Е. Ф. Язькова. М. : Изд-во МГУ, 1993. 304 с.
5. Скриб Э. стакан воды, или причины и следствия : электронная книга. М. : Эксмо, 2007. 480 с. // LibreBook : сайт. URL: https://librebook.me/stakan_vody_ili_prichiny_i_sledstviia
6. Crane V. W. The Southern Frontier in Queen Anne's War // The American Historical Review. 1919. Vol. 24. No. 3. P. 379–395.
7. Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М. : Олма-пресс, 2003. 542 с.
8. Polak-Springer P. 'Jammin' with Karlik': The German-Polish 'Radio War' and the Gleiwitz 'Provocation', 1925–1939 // European History Quarterly. 2013. Vol. 43. No. 2. P. 279–300.
9. Монтегю И. Человек, которого не было / сокр. пер. с англ. Э. М. Медниковой и А. Юровского. М. : Воен-издат, 1960. 127 с.
10. Терновая Л. О. Геополитическая культура. М. : ИНФРА-М, 2021. 340 с.
11. Операция «Компот». Из записок адвоката // Имена Братска : сайт. URL: <http://bratsk.org/blog/show/234.html>
12. Forrest A. What is the 'pork pie plot'? Tory bid to oust Boris Johnson explained // The Independent. 19 January, 2022.
13. Попова А. На Украине ждут антиваксеров, которые сменят власть // ВЕСТИРУ : сайт. URL: <https://www.vesti.ru/article/2670221>

References

1. "This is not a menu": Ryabkov urged to consider all security proposals // RIA Novosti: site. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20211217/bezopasnost-1764241078.html>. Publication date: 17 December, 2021.
2. Ternovaya L. O. Gastronomic geopolitics. Moscow: INFRA-M; 2020. 243 p. (In Russ.).
3. Ternovaya L. O. International life in culinary details. *Mezhdunarodnaya zhizn'. Spetsial'nyy vypusk "Istoriya bez kupyur" = International life. Special issue "History without cuts"*. 2013. P. 217–240. (In Russ.).
4. The concept of "American exceptionalism": Ideology, politics, culture / ed. by Yu. K. Melville, E. F. Yazkova. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1993. 304 p. (In Russ.).
5. E. Scribe. A glass of water, or causes and effects: e-book. Moscow: Eksmo, 2007. 480 p. // LibreBook: site. (In Russ.). Available from: https://librebook.me/stakan_vody_ili_prichiny_i_sledstviia
6. Crane V. W. The Southern Frontier in Queen Anne's War. *The American Historical Review*. 1919;24(3):379–395.
7. Hene H. Black Order of the SS. History of the security forces. Moscow: Olma-press; 2003. 542 p.
8. Polak-Springer P. 'Jammin' with Karlik': The German-Polish 'Radio War' and the Gleiwitz 'Provocation', 1925–1939. *European History Quarterly*. 2013;43(2):279–300.
9. Montagu I. The man who was not / abbr. per. from English. By E. M. Mednikova and A. Yurovsky. Moscow: Military Publishing House; 1960. 127 p. (In Russ.).
10. Ternovaya L. O. Geopolitical culture. Moscow: INFRA-M; 2021. 340 p. (In Russ.).
11. Operation "Compote". From the notes of a lawyer. Names of Bratsk: site. (In Russ.). Available from: <http://bratsk.org/blog/show/234.html>
12. Forrest A. What is the 'pork pie plot'? Tory bid to oust Boris Johnson explained. *The Independent*. January 19, 2022.
13. Popova A. In Ukraine, they are waiting for anti-vaxxers who will change power. VESTIRU: site. (In Russ.). Available from: <https://www.vesti.ru/article/2670221>

Информация об авторе

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about the author

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 21.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 32–41.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):32–41.

Научная статья

УДК 378

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-32-41

СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА В «БОЛОНСКОМ» ИЗМЕРЕНИИ

Татьяна Александровна Миронова^{1✉}, Людмила Олеговна Терновая²

^{1,2}Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

¹tanyarss@mail.ru✉

²89166272569@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ситуация в области отечественного высшего образования, возникшая в связи с санкционной политикой стран Запада и окончанием участия российских университетов в Болонском процессе, который знаменует продвижение к единому пространству высшего образования. В статье раскрывается положение, что образовательное пространство, как и любое пространство, создаваемое усилиями людей и поддерживаемое их активным участием, является частью более широкого коммуникативного пространства и выступает продуктом коммуникативной культуры. В университетской среде эта культура имеет глубокие истоки и придерживается строящихся на их основе традиций. Авторы выделяют этапы формирования этой культуры и дают развернутые характеристики каждого из них.

Ключевые слова: высшее образование, коммуникативная культура, академическая мобильность, личностная траектория, современные студенты

Для цитирования: Миронова Т. А., Терновая Л. О. Стадии формирования коммуникативной культуры студенчества в «болонском» измерении // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 32–41. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-32-41>.

Research article

STAGES OF FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE CULTURE IN THE "BOLOGNA" DIMENSION

Tatyana A. Mironova^{1✉}, Lyudmila O. Ternovaya²

^{1,2}Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

¹tanyarss@mail.ru✉

²89166272569@mail.ru

Abstract. The article analyzes the situation in the field of domestic higher education, which arose in connection with the sanctions policy of Western countries and the end of the participation of Russian universities in the Bologna process, which marks the progress towards a single space of higher education. The article reveals the provision that the educational space, like any space created by the efforts of people and supported by their active participation, is part of a wider communicative space and is a product of a communicative culture. In the university environment, this culture has deep roots and adheres to the traditions built on their basis. The authors identify the stages of the formation of this culture and give detailed characteristics of each of them.

Keywords: higher education, communicative culture, academic mobility, personal trajectory, modern students

For citation: Mironova T. A., Ternovaya L. O. Stages of formation of students' communicative culture in the "bologna" dimension. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):32–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-32-41>.

Современное общество часто называют «обществом знаний». В этом определении отразился колоссальный вклад образования в целом и высшей школы, в частности, в развитие экономики, культуры, изменение образа и качества жизни значительной части людей на нашей планете. Накопление такого гигантского образовательного ресурса можно представить в виде пирамиды. В ней мы будем находиться на подступах к вершине, которая будет становиться все более завораживающей и труднее доступной. Платформой этой пирамиды станет тот период Средневековья, который будет означать вступление Европы в совершенно новое качество бытия, когда любой серьезный шаг человека был немислим без принятия решения и его фиксации уже не варварами, а думающими, грамотными и отвечающими за свои поступки людьми.

Естественно, помимо лиц, умеющих читать, писать, вести учет, нужны были и те, что был готов разбираться в становящихся все более сложными хозяйственных отношениях. Так возникла потребность в юристах, появились знатоки римского права, преподаватели и комментаторы свода законов Юстиниана, который называли глоссаторами. В конце XI столетия одним из наиболее выдающихся среди них был Ирнерий, преподававший в Болонье, и к которому стекалось множество учеников. Школа Ирнерия и явилась местом основания в 1088 году Болонского университета (итал. *Università di Bologna*) [1, с. 493–514].

Его создание знаменовало решающий вклад в процесс выхода образования за рамки католической церкви и патронируемых ею соборных школ. При этом требуется признать заслуги данных учебных заведений в первичной систематизации учебного процесса и разделения «семи свободных искусств» (лат. *Septem Artes Liberales*) на тривиум (лат. *trivium*), состоящий из грамматики, риторики, диалектики, и квадриум (лат. *quadrivium*), включающий арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Их изучение позволяло перейти к дальнейшей специализации в богословии, философии, каноническом праве и иных науках. Такой подход заложил базу и для территориального профилирования этих средневековых учреждений образования. В том же XI веке математику

было предпочтительно изучать в Камбре, медицину — в Туре, а музыке лучше всего было учиться в Меце.

Благодаря наличию таких образовательных уклонов стало формироваться то, что в наши дни назовут академической мобильностью. Выдающийся литературовед и переводчик М. Л. Гаспаров, комментируя лирику вагантов, которые в XII столетии являлись отнюдь не представителями культурных низов, а, наоборот, культурных верхов, подчеркивает то обстоятельство, что первые европейские университеты не были прямыми потомками соборных школ. Стекавшаяся со всех концов Европы в новые учебные заведения масса молодежи была настолько пестрой и многолюдной, что для ее обучения необходимы были иные формы организации. Но тех же молодых людей отличала еще и разборчивость, проявляющаяся в том, что они ценили не столько место обучения, сколько — личность преподавателя. Гаспаров пишет, что «и учителя и ученики были обычно пришельцы, люди бесправные; чтобы оградить свое право на существование, они должны были соединиться в корпорацию и испросить у папы привилегию о своих правах, которую тот охотно давал. Такие корпорации учителей-магистров и учеников-школяров и были первыми европейскими университетами: в XII веке так сложились старейшие среди них, Парижский и Болонский, в XIII веке за ними последовали Оксфордский, Кембриджский, Тулузский, Саламанкский и целый ряд других. Университеты были, таким образом, изъяты из-под власти местных светских и даже духовных властей... Такая корпоративная организация (подкрепляемая наличием землячеств и коллегий разного рода) крепко сплачивала этот сбродный люд в единое ученое сословие» [2, 445–446].

Постольку история такой модели университетского образования началась с Болоньи, то, отдавая дань родоначальнику европейских университетов, можно говорить о том, что и сама стилистика учебной организации, и дух студенческого корпоративизма формировали первый исторический этап того процесса, который на рубеже II и III тысячелетий станут называть Болонским [3]. Фактически этот период длился до середины XX века. И хотя по-

степенно университеты уходили от ограниченности специальностей и догматизма преподавания, а само университетское пространство при сохранении его разрозненности выходило за границы Старого Света (в Северной Америке Гарвардский университет (англ. *Harvard University*) в городке с символическим топонимом «Кембридж» был основан переселенцами 8 сентября 1636 г.), они во многом сохраняли приверженность изначальным порядкам и основанным на них традициям.

Началом второго этапа общеуниверситетского процесса можно считать учреждение 4 декабря в 1948 г. Свободного университета Берлина (нем. *Freie Universität Berlin, FU Berlin* или *FUB*) в берлинском районе Далем, расположенном в американском секторе оккупации. Создание университета разворачивалось в фоне эскалации Берлинского кризиса и сопровождающих его ограничений передвижения берлинцев между советской зоной оккупации и зонами союзников. Это затрудняло обучение студентов, проживающих в зонах союзников, в основанном в 1809 году Берлинском университете Гумбольдта (нем. *Humboldt-Universität zu Berlin, HU Berlin*, лат. *Alma Mater Berolinensis*). Он находился в советском секторе и возобновил процесс обучения студентов в 1946 году. В западных зонах высказывались претензии и к характеру учебного процесса, который вводился на территориях, подконтрольных Советскому Союзу. Летом 1948 г. в зонах союзников начинаются студенческие волнения, формируется комитет, обращающийся к общественности с манифестом об учреждении Свободного университета Берлина. В восточной зоне студенты, обучающиеся в Берлинском университете, выступили против появления нового учебного заведения из-за острой политизации этого процесса. Мунципалитет Большого Берлина предоставил новому учебному заведению беспрецедентно широкие права самоуправления, в том числе с участием студентов. Кроме того, университету был присвоен статус субъекта публичного права и установлено подчинение университета исключительно попечительскому совету, в который вошли шесть представителей земли Берлин и три представителя самого университета, включая обучающихся в нем студентов.

По сути, новая модель университетской коммуникации, получившая название «берлинской», была очень далеким продвижением вперед по сравнению с изначальной «болонской» университетской системой. Это выразилось и в расширении смыслов девизов университетов. Девиз Свободного университета включил в себя девиз Гарварда «*Veritas*» («Истина»), но добавил к ней идеи справедливости и свободы и стал звучать, как «*Veritas — Iustitia — Libertas*». Среди преподавателей Свободного университета можно найти фамилию философа и социолога, идейного вдохновителя «новых левых» Герберта Маркузе, а среди студентов — Руди Дучке, одного из организаторов студенческих протестов в странах Запада в 1960-х годах.

В целом, характер второго этапа университетских коммуникаций был определен несколькими важнейшими процессами, имеющими противоположную направленность. Первый из них касается активного влияния на суть обучения, жизненные планы выпускников научно-технической революции. Этот процесс размыкал рамки высшей школы, требовал ее большей открытости, быстрого реагирования на инновации. Второй процесс был обратным, он укупоривал вуз в рамках, установленных миропорядком холодной войны. А компенсацией отсутствию беспрепятственного передвижения студентов стран Запада и Востока явилась активная подпитка и западных университетов, и экономики талантливыми молодыми людьми из стран Азии, Африки, Латинской Америки, известная как «утечка мозгов» (англ. *brain drain*), в то время не заменяемая эвфемизмом «интеллектуальная миграция».

Третий этап уже собственно Болонского процесса (англ. *Bologna Process*) был открыт в 1999 году подписанием министрами образования 29 европейских государств Болонской декларации об обеспечении сопоставимости стандартов и качества квалификации высшего образования [4]. Среди объективных факторов, вызвавших такое стремление к сближению национальных высших школ и формирование общего пространства высшего образования, главным было развитие идеи научно-технического прогресса. Под влиянием инфор-

мационных трансформаций кардинально преобразовывались практически все компоненты обучения в высшей школе. Если данный фактор имел общемировое, глобальное наполнение, то второй был следствием региональных процессов. В Европе после окончания холодной войны ускоренными темпами шло расширение Европейского союза: в 1995 году его членами стали Австрия, Финляндия и Швеция, а на пороге уже находились государства Восточной Европы и Балтии. Общее пространство образования представлялось необходимым условием для повышения конкурентоспособности Старого Света. Организационно такое пространство — Единое пространство высшего образования (ЕПВО, англ. *European Higher Education Area, EHEA*) — было оформлено в марте 2010 г. на конференции министров образования Европы «Будапешт — Вена».

Когда в сентябре 2003 г. на Берлинской встрече министров образования европейских стран Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу, то данный шаг расценивался как важнейший шаг отечественной университетской системы в европейское пространство высшего образования, открытие перед российскими высшими учебными заведениями и научными учреждениями завораживающих перспектив международного сотрудничества не только на европейском региональном, но и на глобальном уровне. Безусловно, этот шаг нельзя было назвать опрометчивым и неподготовленным. Для его осуществления был проанализирован некоторый опыт, произведено сравнение диалектики европейского и российского, в значительной части советского и в меньшей части дореволюционного, высшего образования, услышаны мнения отечественных специалистов и европейских экспертов из Германии, Франции, Италии, Нидерландов и других государств, которые представляли исключительно позитивные цели структурных реформ европейского высшего образования в свете реализации Болонского соглашения. На этом основании доказывалась объективная необходимость интеграции России в европейское и мировое образовательное пространство, перехода к многоуровневому высшему образованию, изменения требований, предъявляемых к качеству подготовки выпускников

вузов, технологий и оценочных средств аттестации студентов [5].

За два десятилетия пребывания в Болонском процессе его российские участники пережили несколько стадий, свидетельствующих о постепенной переоценке его значимости. В отечественных образовательных реалиях в условиях западных санкций, когда обнаружилась реальная угроза утечки наиболее творческих выпускников, преподавателей и исследователей. Стала понятной лишь видимость желания признания российских дипломов за рубежом. Также возросла опасность окончательно потерять несколько, казалось бы, не истрепанных ни временем, ни реформами фрагментов отечественной системы высшего образования.

Критика Болонского процесса шла сверху, т. е. от политиков и чиновников, но не менее резко высказывались и сами студенты и их родители. Весной 2022 г. результаты исследования, проведенного аналитиками компании SuperJob, показали, что более половины опрошенных являются сторонниками возвращения к классической пятилетней системе высшего образования. А всего в ходе исследования было опрошено более полутысячи студентов и их родителей из 381 населенного пункта страны [6]. В итоге 66 % участников опроса высказались против двухступенчатой системы получения высшего образования, состоящей из бакалавриата и магистратуры. Противоположную позицию о сохранении Болонской системы выразили лишь 10 % опрошенных. Наибольшее число сторонников традиционной пятилетней системы образования обнаружилось среди респондентов старше 45 лет (72 % в данной группе), а также среди тех, кто имеет высшее образование (73 %). Идею отмены Болонской системы поддержали 44 % опрошенных студентов, а за сохранение данной системы высказались только 29 %. И при этом именно за отказ от двухступенчатой системы высшего образования выступает подавляющее большинство родителей учащихся выпускных классов (93 %), собирающихся подать документы в вузы.

Безусловно, и без присоединения к Болонскому процессу в российском высшем образовании за эти два десятилетия происходили бы

серьезные изменения. Причем вектор перемен был бы выстроен в том же самом русле, что и нацеленность на трансформацию Болонского процесса. Это диктовалось теми социально-экономическими, политическими и духовными потребностями, которые формировались в условиях создания новой модели экономики, кардинально иного качества коммуникаций, выстраивания национальной системы ценностей.

Во-первых, любая современная образовательная система должна включать множество разнородных элементов. Чем больше форм обучения и его уровней, тем шире возможности у каждого человека любого возраста реализовывать собственные образовательные, а с ними и жизненные профессии [7, с. 176–192]. Одновременно с этим государство также получает достаточно мощный инструмент придания всей системе образования большей гибкости и адаптивности к переменам. Сейчас мало кто помнит, что в России реализация принципа «бакалавриат — магистратура — аспирантура», составляющего одну из опор многоуровневой системы высшего образования, началась даже до формального старта Болонского процесса в Европе [8]. Основанием для нововведений явилось заявление Международного бюро просвещения (англ. *International Bureau of Education*), сделанное в 1988 году, о недопустимости признания пятилетних дипломов выпускников советских вузов на уровне магистров из-за того, что их подготовке не предшествовал уровень бакалавра. Поскольку иного, чем специалитет, уровня подготовки в стране не было, то выпускники советских вузов автоматически лишались возможности работать за рубежом, а, следовательно, иностранные студенты оказывались незаинтересованными учиться в СССР. Данное заявление структуры ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, англ. *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, UNESCO*) большее всего сказалось на практике привлечения зарубежных учащихся в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (УДН), ибо в этом документе даже содержалось прямое указание на непризнание дипломов его иностранных выпускников

вследствие отсутствия в нем бакалавриата. После обращения ректора УДН В. Ф. Станиса в связи с текстом этого заявления Международного бюро просвещения в Министерство высшего и среднего специального образования СССР в 1989 году был издан приказ, разрешающий в порядке эксперимента обучение в Университете дружбы народов по системе «бакалавр — магистр 4 + 2 года». Вскоре после распада СССР Государственным комитетом по науке и высшей школе Российской Федерации (ГКНВШ) было разработано временное Положение о бакалавриате и магистратуре в Российской Федерации, действовавшее до 2008 года. Многоуровневая структура высшего образования была зафиксирована в Законе «О высшем и послевузовском образовании в Российской Федерации», принятом в 1996 году [9]. К 2000 году в почти двух сотнях вузов России наравне со специалитетом реализовывались программы бакалавриата и магистратуры.

Поэтому можно утверждать, что мы имеем не только зарубежный, но и отечественный опыт многоуровневой подготовки выпускников высшей школы. И более того, он дает основание утверждать, что к выбору модели обучения по программам бакалавриата и магистратуры российские университеты подходили вдумчиво, учитывая все особенности будущей профессии. Например, в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) обучение в специалитете предлагается по таким направлениям подготовки, как: «Автомобильная техника в транспортных технологиях», «Военные гусеничные и колесные машины», «Наземные транспортные комплексы ракетной техники», «Наземные транспортные средства и комплексы аэродромно-технического обеспечения полетов авиации», «Подъемно-транспортные, строительные, дорожные средства и оборудование», «Строительство автомагистралей, аэродромов и специальных сооружений», «Тампоженная логистика». Легко понять, что получение образования по перечисленным специальностям требует не только приобретения весьма широких знаний, но и коммуникативных навыков, которые студент развивает с каждым новым курсом, проходя практику,

становясь старше и лучше понимая свое место в социуме.

Во-вторых, для функционирования любой эффективной системы важно не только наличие в ней необходимых элементов, но и условий для их развития. Ход этого процесса не может быть одинаковым для всех участников. Так, в модели европейской интеграции предусматривался ее разноскоростной характер [10]. Показательно, что этот процесс имел разные названия: «Европа разных скоростей», «Европа меняющейся геометрии», «Европа *a la carte*» и прочие, которые в совокупности очень точно передавали необходимость подстройки каждого элемента системы под действие всех остальных. Суть «гибкой интеграции» обнаруживается и в образовании, в первую очередь высшем. Здесь, сравнивая российский опыт с европейским в контексте возможностей участников Болонского процесса унифицировать свои образовательные стандарты, добиться гармонии понимания разнородных компетенций выпускников высшей школы, сформировать устойчивые каналы академической мобильности и т. д., следовало помнить о тех самых разных скоростях. Хотя в забег к знаниям отправляются все участники, их тактики по достижению цели могут не совпадать. Не случайно афоризм Льюиса Кэрролла, озвученный посредством его Черной Королевы из «Алисы в Зазеркалье», что приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, в англоязычном варианте дал основание сформулировать «Гипотезу Красной Королевы» по тому цвету, что был в английских шахматах времени Кэрролла ближе к красному, а в русском варианте королева и отмеченное ей правило оставались, как и шахматные фигуры, черными.

Такая игра цветов этого сказочного персонажа метафорично передает напоминание о том, что как всякое отдельное явление, помещенное в новую среду, система высшего образования любого государства будет реагировать на нее не так, как другие подобные системы. Продвижение к «обществу знания» в русле Болонского процесса изначально должно было оставлять не только больше свободы выбора для национальных систем и даже конкретных университетов, но и было необходи-

мо не просто определить это своеобразие как норму, но и сформировать культуру изучения национальной специфики. Это бы помогло наладить межуниверситетские обмены, вовлечь студентов, распространить практику общения обучающихся, преподавателей и исследователей разных стран не только во время учебного процесса, но и в неаудиторное время. Вместо этого Болонский процесс стал превращаться в подобие Прокрустова ложа, отсекая части целого от несовпадающих с его лекалами образовательных моделей.

В-третьих, в числе главных идей и, более того, ценностей Болонского процесса выступает увеличение скорости и амплитуды академической мобильности, ее насыщение новыми участниками. Она была своеобразным двигателем университетского движения с самого его зарождения. То, что на стадии формализации Болонского процесса такая мобильность была не просто декларирована, но и закреплена в его основополагающих документах, стало особенно привлекательным для российской высшей школы. Несмотря на возросшее число научных конференций с участием российских специалистов, их публикаций в зарубежных изданиях, числа российских студентов, обучающихся в зарубежных университетах, заметной отдачи от этих действий ни для реального сектора экономики России, ни для ее университетов, ни для самих студентов и преподавателей не наблюдалось. Все эти мелкие результаты расширения контактов с иностранными учебными заведениями не способствовали повышению места российских университетов в мировых рейтингах, в частности, по версии британского издания *Times — Higher Education Education World Reputation Ranking*. К сожалению, данные глобальных рейтингов в сфере высшего образования рассматриваются в качестве своеобразного сертификата успеха учебного заведения, служа основанием для развития с ним взаимовыгодных контактов, инвестиций, выбора как места учебы, завязывания и укрепления научных и деловых связей, а территории университета — как центра культурных и спортивных мероприятий не только для местного сообщества, но и для региона, государства.

Следует обратить внимание на позитивное наполнение самой идеи академической мобильности. Поэтому ее важно развивать не только на международном уровне, чему некоторое время будут препятствовать санкции коллективного Запада, но и на внутрirosсийском. В этом плане академическая мобильность может брать пример с внутреннего туризма, который в условиях санкционных ограничений получил новые импульсы для развития. Поскольку образовательный туризм представляет собой одну из наиболее привлекательных для обучающихся новейших педагогических технологий, то его можно вписать в программы академической мобильности, соединив задачи обучения студентов и расширения их кругозора, знакомства с культурой других регионов России, что будет способствовать не только формированию представлений об истории, обычаях, традициях этих территорий, но и развивать коммуникативную культуру, включая в нее элементы как профессионального общения, так и общекультурного.

В-четвертых, сам переход на многоуровневую систему образования стал ответом на запрос общества в специалистах, прежде всего владеющих практическими навыками, умеющих быстро подстроиться под задачи конкретного производства. Бакалавриат отвечал этому запросу, оставляя за рамками учебных программ множество теоретических дисциплин и настраивая студентов на ускоренную адаптацию на работе. Но возникало множество издержек этой модели подготовки, которые стали обнаруживаться на достаточно длинном сроке ее реализации. Больше всего обеспокоенности не только у педагогов, но и у значительной части общества стала вызывать девальвация знания [11].

Первый проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» В. В. Радаев эту обеспокоенность выразил в названии своей монографии «Преподавание в кризисе» [12]. Одной из ключевых проблем высшего образования он называет неготовность студентов читать и разбирать сложные академические тексты, что особенно негативно проявляется в социальных и гуманитарных науках. В советской системе преподавания почти весь учебный процесс

строился на изучении текстов. Это давало основание не только видеть весь мир как текст, но и применять инструментарий герменевтики к его анализу [13, с. 156–176; 14, с. 180–185]. Та часть коммуникативной культуры, которую составляла культура книжная, сжимается наподобие шагреновой кожи в одноименном романе Оноре де Бальзака. Знания студентов становятся более поверхностными, а вслед за этим пропадает стремление задавать сложные вопросы.

В своей книге Радаев также обозначает болезненную коммуникативную проблему, которая выводит преподавателя из поля внимания студента, где господствуют всяческие гаджеты, а воздействие педагога блокируется таким явлением, которое в мае 2012 г. на съезде литературоведов, писателей и поэтов, устроенном рекламным агентством McCann в Университете Сиднея, было названо фэббингом (англ. *phone* — телефон и *snubbing* — пренебрежительное отношение), означающее привычку постоянно отвлекаться на гаджеты во время разговора с собеседником, а в данном случае с преподавателем или однокурсниками, вовлеченными в выполнение учебного задания.

То, что наличие магистратуры позволяет прерывать ход обучения, не является ни преимуществом, ни трагедией. Этот перерыв дает возможность индивидуализировать обучение. Для многих выпускников бакалавриата период между этими двумя формами образования, посвященный приобретению практических умений и навыков, исключительно полезен. Он позволяет сделать выбор специальности, по которой предстоит продолжить обучение в магистратуре, более осознанным. Но в то же время отдаление этого выбора по модели героини книги Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Скарлетт О'Хары «Подумаю об этом завтра» может отодвинуть его на столь долгую перспективу, что продолжения и не последует.

В-пятых, выше отмечались сложности нового порядка, с которыми приходится сталкиваться преподавателю высшей школы в общении со студентами. Частично их преодолению может способствовать изменение самого характера педагогической деятельности, умень-

шение формализма в подаче материала, использование новых технологий, визуализация передаваемой информации. все это уже достаточно прочно вошло в арсенал современных преподавателей. Но при этом должен меняться и сам стиль преподавания, а педагог в одном лице должен совмещать преподавательские функции с компетенциями коуча, тренера, эд-вайзера (куратора) [15].

Можно задать вопрос, а где среди этих ролей находится роль ученого? В ответе на этот вопрос раскрывается еще одно несовпадение российской модели организации науки и высшего образования с той практикой, которая сложилась в государствах, входящих в Болонский процесс, а также той позицией, которая позволяет зарубежным университетам за счет ведомых ими научных исследований занимать высокие позиции в международных рейтингах. Исторически в Российской империи, а затем и в Советском Союзе основной научный потенциал концентрировался внутри и вокруг Академии наук. Многие выдающиеся ученые, работающие в структурах Академии, параллельно преподавали в университетах, но чаще эта учебная активность ограничивалась специальными курсами, руководством аспирантов и консультированием докторантов, работой в диссертационных советах. Такую же практику развивали отраслевые научно-исследовательские институты, выступающие флагманами научных инноваций, востребованных реальной экономикой.

Когда Россия заявила о приверженности ценностям Болонского процесса, оказалось, что от университетских преподавателей помимо их профессиональных педагогических компетенций требуются еще и научные компетенции, подтверждаемые публикациями в высокорейтинговых изданиях. Это имело, как минимум, два отрицательных последствия. Первое: резко возросла нагрузка преподавательского состава высшей школы часто в ущерб совершенствованию педагогического мастерства. Второе: продвижение по пути науки требует колоссальной энергии, сосредоточения на исследуемой проблеме. Если речь идет о преподавателе, то при этом он вынужден ограничивать те коммуникации, которые у него устанавливаются со студентами. А именно они составляют

одну из основных ценностей университетской жизни.

После того, как в апреле 2022 г. государства-участники Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) выступили с заявлением о приостановке прав России на участие во всех его мероприятиях, приостановив этим пребывание российских высших учебных заведений в Болонском процессе, все шлюзы, перекрывающие открытое течение дискуссии о плюсах и минусах участия России в нем, перестали сдерживать поток накопившихся претензий. При этом признаются положительные стороны этого процесса, которые не должны быть изъяты при создании «постболонской» модели высшего образования.

Выделим среди них лишь те, которые касаются формирования коммуникативной культуры студенчества. Прежде всего, обращаясь к истории первых университетов, следует отдать дань тем корпоративистским началам, которые помогали поддерживать достаточно сложную жизнь и студентов, и преподавательского корпуса. Одним из важнейших элементов этого корпоративизма было университетское самоуправление с активным участием обучающихся. В российских университетах эти корпоративистские основы провозглашались Университетским уставом 1863 года, но уже следующим таким документом — Уставом 1884 года — были упразднены. Функции органов студенческого самоуправления в советские годы брал на себя комсомол, но это была идеологическая организация, а не профессиональная. Сейчас функционируют студенческие профсоюзы, однако, их сложно назвать эффективными институтами коммуникации. Поэтому то, что подпитывало дух студенческого корпоративизма первых европейских университетов, должно быть изучено и адаптировано к современным российским реалиям. Также важно содействовать поддержанию вертикальных связей молодых людей, желающих поступить в тот или иной университет и обучающихся в нем в настоящее время, с его выпускниками, популяризировать опыт действующих во многих университетах ассоциаций выпускников.

Далее, в основе Болонского процесса лежит свобода выбора обучающимися не толь-

ко жизненного пути, но и модели получения образования, необходимого для реализации этого выбора. Вокруг отечественных университетов требуется создать такое коммуникационное поле, которое помогало бы в таком выборе еще на стадии поступления в высшую школу. Если брать опыт МАДИ, то можно выделить практику организации «Университетских суббот», когда преподаватели читают открытые лекции по наиболее острым темам.

Выше уже отмечались достижения Болонского процесса в продвижении идеи академической мобильности. Отметим, что мобильность может иметь самый разный характер и реализовываться в различные сроки. Поэтому возможны межуниверситетские проекты не только по обмену студентами и преподавателями, но и по организации совместных проектов: летних и зимних лагерей, экспедиций, поисковых отрядов, фестивалей исторической реконструкции и пр.

За годы пребывания российской высшей школы в Болонском процессе произошло понимание того, что достичь успехов в решении задач национального масштаба невозможно без создания реальных условий для студентов, преподавателей и исследователей вузов по расширению своих знаний и познанию мира во всем его многообразии, в том числе многообразии социального, экономического, политического, духовного опыта.

Найденные на этом пути инструменты интеграции в мировое пространство выпускников вузов будут способствовать формированию сети контактов, как межрегиональных, так и международных, на уровне профессиональных связей в самых разных областях. Как отечественный, так и мировой опыт убедительно подтверждают, что личные связи содействуют реализации любых проектов, в том числе интеграционных, столь важных для современной и будущей России.

Список источников

1. Покровский И. А. Болонский университет и глоссаторы // История римского права. М. : Статут, 2004. С. 493–514.
2. Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М. : Наука, 1975. С. 421–514.
3. Терновая Л. О. Студенческий корпоративизм: испытания на прочность. М. : ИНФРА-М, 2019. 383 с.
4. Болонский процесс. Основополагающие материалы / пер. с англ. А. К. Бурцева ; составители: А. К. Бурцев, В. В. Звонова. М. : Финансы и статистика, 2007. 86 с.
5. Гретченко А. И., Гретченко А. А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М. : Кнорус, 2009. 432 с.
6. Исследование: отказ от Болонской системы поддерживают 66% россиян // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: <https://ria.ru/20220411/obrazovanie-1782847809.html>. Дата публикации: 11.04.2022.
7. Вознесенский И. С. Бабушки тоже хотят учиться: Как быть? // Практики развития 1.0.: вызовы, концепции, смыслы : сборник / ред.-сост. М. Кукушкин. М. : Смысл, 2018. С. 176–192.
8. Емельяненко А. Взять лучшее: Президент РУДН Владимир Филиппов о новых моделях высшего образования // Российская газета. 2022. 7 июня.
9. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» : Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446
10. Багаева А. В., Терновая Л. О. Правовые основы европейской интеграции : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. 295 с.
11. Герасимова Е. Книжная культура уходит из высшего образования // Независимая газета. 2022. 8 июня.
12. Радаев В. В. Преподавание в кризисе. М. : ИД Высшей школы экономики, 2022. 200 с.
13. Багаева А. В., Терновая Л. О. Герменевтический подход к пониманию международных отношений // Герменевтика как метод социального познания : учебное пособие / ред. Э. Д. Коркия, И. Н. Чудновская, А. К. Мамедов и др. М. : КДУ, Университетская книга, 2021. С. 156–176.
14. Терновая Л. О. Международные отношения как текст // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 180–185.
15. Вознесенский И. С. Учим персональной эффективности : пособие для педагогов и тренеров. М. : Изд-во МАДИ, 2019. 216 с.

References

1. Pokrovsky I. A. University of Bologna and glossators. *Istoriya rimskogo prava = History of Roman law*. Moscow: Statut; 2004. P. 493–514. (In Russ.).
2. Gasparov M. L. Poetry of vagants. *Poe`ziya vagantov = Poetry of vagants*. Moscow: The science; 1975. P. 421–514. (In Russ.).
3. Ternovaya L. O. Student corporatism: strength tests. Moscow: INFRA-M; 2019. 383 p. (In Russ.).
4. Bologna process. Fundamental materials / transl. from English by A. K. Burtsev; compilers: A. K. Burtsev, V. V. Zvonova. Moscow: Finance and statistics; 2007. 86 p. (In Russ.).
5. Gretchenko A. I., Gretchenko A. A. Bologna Process: Integration of Russia into the European and World Educational Space. Moscow: Knorus; 2009. 432 p. (In Russ.).
6. Research: 66% of Russians support the rejection of the Bologna system. RIA NEWS: site. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20220411/obrazovanie-1782847809.html>. Publication date: 11 April, 2022.
7. Voznesensky I. S. Grandmothers also want to learn: How to be? *Praktiki razvitiya 1.0.: vy`zovy`, koncepcii, smy`sly` : sbornik / red.-sost. M. Kukushkin = Development practices 1.0.: challenges, concepts, meanings: collection / editor-compiler M. Kukushkin*. Moscow: Meaning; 2018. P. 176–192. (In Russ.).
8. Emelyanenko A. Take the best: RUDN University President Vladimir Filippov on new models of higher education. *Rossijskaya gazeta = Russian newspaper*. June 7, 2022. (In Russ.).
9. "On higher and postgraduate professional education": Federal Law dated August 22, 1996 No. 125-FL: last. ed. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446
10. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Legal foundations of European integration: the textbook for undergraduate and graduate students. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt; 2020. 295 p. (In Russ.).
11. Gerasimova E. Book culture is leaving higher education. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. June 8, 2022. (In Russ.).
12. Radaev V. V. Teaching in crisis. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 200 p. (In Russ.).
13. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Hermeneutic approach to understanding international relations. *Germenevtika kak metod social`nogo poznaniya : uchebnoe posobie / red. E`. D. Korkiya, I. N. Chudnovskaya, A. K. Mamedov i dr. = Hermeneutics as a method of social cognition: textbook / ed. by E. D. Korkiya, I. N. Chudnovskaya, A. K. Mamedov et al*. Moscow: KDU, University book; 2021. P. 156–176. (In Russ.).
14. Ternovaya L. O. International relations as a text. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014;(2):180–185. (In Russ.).
15. Voznesensky I. S. We teach personal effectiveness: a guide for teachers and trainers. Moscow : MADI publishing house; 2019. 216 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Миронова — старший преподаватель кафедры социологии и управления;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Mironova — Senior Lecturer of the Department of Sociology and Management;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 42–47.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):42–47.

Научная статья

УДК 338.2

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-42-47

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Эльвира Наилевна Ямалова^{1✉}, Николай Анатольевич Евдокимов²

^{1,2}Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

¹yamalovaen@gmail.com✉

²rodina_kirovo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются модели характерные для современного политического управления в российских регионах. Авторы исходят из того, что ключевыми субъектами управленческого процесса являются губернаторы, каждый из которых выбирает определенную модель позиционирования и исходя из этого выстраивает собственный имидж. Делается вывод о том, что региональная модель управления сегодня чаще определяется субъективными качествами руководителя, чем объективными обстоятельствами существования региона.

Ключевые слова: политическая система, региональное управление, модель управления, субъекты Российской Федерации, политическая элита

Для цитирования: Ямалова Э. Н., Евдокимов Н. А. Современные модели регионального управления: основные тенденции // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 42–47. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-42-47>.

Research article

MODERN MODELS OF REGIONAL MANAGEMENT: MAIN TRENDS

Elvira N. Yamalova^{1✉}, Nikolai A. Evdokimov²

^{1,2}Bashkir State University, Ufa, Russia

¹yamalovaen@gmail.com✉

²rodina_kirovo@mail.ru

Abstract. The article examines the models characteristic of modern political governance in Russian regions. The authors proceed from the fact that the key subjects of the management process are governors, each of whom chooses a certain positioning model and builds his own image based on this. It is concluded that the regional management model today is more often determined by the subjective qualities of the head than by the objective circumstances of the existence of the region.

Keywords: political system, regional governance, governance model, subjects of the Russian Federation, political elite

For citation: Yamalova E. N., Evdokimov N. A. Modern models of regional management: main trends. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):42–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-42-47>.

Развитие современного политического процесса в России характеризуется формированием управленческой специфики региональных политических систем. Парадокс механиз-

ма взаимодействия центра и регионов состоит в том, что, с одной стороны, наблюдается укрепление вертикали власти, выстраивание жесткой системы, в рамках которой федераль-

ный центр полностью подчиняет себе региональные элиты. А с другой — региональная политическая элита имеет относительную свободу в выборе моделей управления регионом. Она свободна в реализации внутренней экономической политики и сама определяет способ собственного позиционирования в местном информационном пространстве (естественно, при условии, что это не вступает в конфликт с интересами центра). Этот феномен требует отдельного изучения.

Выделение различных моделей регионального управления может основываться на нескольких ключевых критериях.

1. Информационное сопровождение деятельности главы региона. Придя к власти, губернаторы стараются максимально быстро сформировать собственный медийный образ. У тех губернаторов, которые находятся у власти достаточно долгое время, такой образ, как правило, уже сформирован, но тоже нуждается в сопровождении и, ряде случаев, корректировке. Полагаем, что информационное сопровождение — ключевой критерий при определении модели управления регионом, так как внутри региональной политической элиты господствует убеждение, что технологические приемы, нацеленные на создание и эксплуатацию имиджа, способны решить многие вопросы внутренней повестки субъекта.

2. Основные направления работы региональной администрации. Выбор той или иной модели управления зависит не только от субъективных качеств руководителя, но и от социально-экономических возможностей субъекта, типа политической культуры, доминирующей у населения региона. Отсутствие мощного экономического потенциала не позволяет многим руководителям использовать управленческие модели, так или иначе основанные на развитии производственного комплекса, что подталкивает к консервативным (аграрным) моделям управления с характерными для них типами управленческих отношений.

3. Взаимодействие с региональной политической элитой, политика в отношении государственных служащих. Управленческая модель в российском обществе традиционно ассоциируется с фигурой губернатора как ключевого субъекта развития региональных систем.

Это справедливо, но важно помнить, что непосредственными исполнителями остаются многочисленные региональные государственные служащие. Здесь важна модель поведения, как публичного, так и внутрикорпоративного, которую выбрал в отношении этой социальной группы руководитель региона. Конфликт с региональной политической элитой часто ведет к развалу системы управления, «итальянским забастовкам» региональных и муниципальных чиновников.

4. Роль федерального центра в механизме функционирования региональной политической системы. В последнее время крупные чиновники неоднократно выделяли самые проблемные регионы, фактически подразумевая, что там будут введены элементы внешнего управления. Именно так можно рассматривать отдельные заявления о том, что самым слабым регионам, в число которых вошли Калмыкия, Мордовия, Республика Алтай и ряд других субъектов, необходимо назначить «кураторов» из федерального правительства. Естественно, это ведет к формированию особой модели управления в таких регионах.

Основными моделями регионального управления, сформировавшимися в России на данный момент, можно назвать следующие:

1. «Хозяйственник» («хозяин»). Данная модель характеризуется высоким уровнем включенности руководителя в процессы, происходящие в регионе. В информационном пространстве у него формируется образ жесткого, но справедливого руководителя, как правило, авторитарного типа. Такая модель предполагает построение монолитной иерархии региональной элиты, которая представляется как полностью подконтрольная «хозяину». Внутриполитическая система выстроена таким образом, что оппозиция отсутствует или носит номинальный характер, протестные акции слабы и маргинальны. Отношения с федеральным центром в информационном пространстве, как правило, камуфлируются, регион представляется в значительной мере как самодостаточный.

2. «Новатор». Данная модель исходит из опоры главы региона на развитие инновационных отраслей. Близкой, но не идентичной моделью можно было бы назвать модель «менеджер», но в привычном понимании она более не ис-

пользуется в региональном политическом пространстве. Новатор — не просто эффективный управленец, но человек, способный придать региону новые импульсы, перезагрузить прежнюю костную систему. Неслучайно, что данная модель наиболее часто встречается в сложных региональных системах, имеющих как сильные элементы консервативных (аграрных) социумов, так и достаточный потенциал для привлечения инвестиций и перезагрузки. Важно отметить, что данная модель часто используется для отстройки от предыдущего регионального руководителя.

3. «Спасатель». Данная модель используется в случае, когда необходимо показать способность руководителя и его команды оперативно реагировать на сложные вызовы, с которыми сталкивается регион. Как и предыдущая модель, «спасатель» предполагает отстройку от предшественника, который, собственно, по версии новой власти и довел дело до кризиса. Особенностью данной модели является то, что ее нельзя эксплуатировать достаточно долгое время, так как невозможно «спасать» вечно. Нужно заниматься и повседневной, рутинной работой.

4. «Слуга». Модель управления «слуга» предполагает, что глава региона и его команда осознанно в процессе управления дают понять, что выполняют волю иного субъекта. Этим субъек-

том могут быть как Президент России, так и жители самого региона. Данная модель апеллирует к тому, что управление осуществляется во имя некой глобальной цели и губернатор позиционирует себя как служитель этой цели («слуга народа», «государев человек» и т. п.). Так как данная модель опирается на интересы народа, то неудивительно, что данную модель выбрали большинство губернаторов, представляющих оппозицию.

5. «Стратег». Наиболее сложная и амбициозная модель управления. В ее рамках руководитель не просто выполняет некий необходимый набор управленческих функций, но и выступает в качестве лидера, ставящего амбициозные задачи перед своим регионом, лидером, имеющим представление о том, как должна развиваться региональная система. Реализация этой модели предполагает, что руководитель хорошо осознает свою политическую субъектность.

Ниже представлена условная таблица с принадлежностью того или иного региона и его руководителя одной из описанных нами моделей. Конечно, любая типологизация носит условный характер. Тем не менее, полагаем, что представленные данные могут быть использованы как одна из характеристик системы управления региональных политических систем.

Таблица 1 — Модели регионального управления по регионам России

Регион	Губернатор	Модель
Республика Адыгея	Мурат Кумпилов	Хозяйственник
Республика Алтай	Олег Хорохордин	Новатор
Республика Башкортостан	Радий Хабиров	Новатор
Республика Бурятия	Алексей Цыденов	Спасатель
Республика Дагестан	Сергей Меликов	Слуга
Республика Ингушетия	Махмуд-Али Калиматов	Хозяйственник
Кабардино-Балкарская Республика	Казбек Коков	Слуга
Республика Калмыкия	Бату Хасиков	Хозяйственник
Карачаево-Черкесская Республика	Рашид Темрезов	Хозяйственник
Республика Карелия	Артур Парфенчиков	Слуга
Республика Коми	Владимир Уйба	Слуга
Республика Крым	Сергей Аксенов	Хозяйственник
Республика Марий Эл	Юрий Зайцев	Хозяйственник

Регион	Губернатор	Модель
Республика Мордовия	Артем Здунов	Хозяйственник
Республика Саха (Якутия)	Айсен Николаев	Новатор
Республика Северная Осетия-Алания	Сергей Меняйло	Хозяйственник
Республика Татарстан	Рустам Минниханов	Стратег
Республика Тыва	Владислав Ховалыг	Хозяйственник
Удмуртская Республика	Александр Бречалов	Новатор
Республика Хакасия	Валентин Коновалов	Слуга
Чеченская Республика	Рамзан Кадыров	Стратег
Чувашская Республика	Олег Николаев	Хозяйственник
Алтайский край	Виктор Томенко	Спасатель
Забайкальский край	Александр Осипов	Спасатель
Камчатский край	Владимир Солодов	Хозяйственник
Краснодарский край	Вениамин Кондратьев	Хозяйственник
Красноярский край	Александр Усс	Новатор
Пермский край	Дмитрий Махонин	Новатор
Приморский край	Олег Кожемяко	Спасатель
Ставропольский край	Владимир Владимиров	Хозяйственник
Хабаровский край	Михаил Дегтярев	Слуга
Амурская область	Василий Орлов	Спасатель
Архангельская область	Александр Цыбульский	Слуга
Астраханская область	Игорь Бабушкин	Слуга
Белгородская область	Вячеслав Гладков	Хозяйственник
Брянская область	Александр Богомаз	Спасатель
Владимирская область	Александр Авдеев	Слуга
Волгоградская область	Андрей Бочаров	Спасатель
Вологодская область	Олег Кувшинников	Хозяйственник
Воронежская область	Александр Гусев	Слуга
Ивановская область	Станислав Воскресенский	Новатор
Иркутская область	Игорь Кобзев	Слуга
Калининградская область	Антон Алиханов	Новатор
Калужская область	Владислав Шапша	Новатор
Кемеровская область	Сергей Цивилев	Хозяйственник
Кировская область	Александр Соколов	Новатор
Костромская область	Сергей Ситников	Слуга
Курганская область	Вадим Шумков	Новатор
Курская область	Роман Старовойт	Новатор
Ленинградская область	Александр Дрозденко	Слуга
Липецкая область	Игорь Артамонов	Новатор
Магаданская область	Сергей Носов	Новатор
Московская область	Андрей Воробьев	Слуга

Регион	Губернатор	Модель
Мурманская область	Андрей Чибис	Новатор
Нижегородская область	Глеб Никитин	Новатор
Новгородская область	Андрей Никитин	Новатор
Новосибирская область	Андрей Травников	Спасатель
Омская область	Александр Бурков	Слуга
Оренбургская область	Денис Паслер	Спасатель
Орловская область	Андрей Клычков	Слуга
Пензенская область	Олег Мельниченко	Хозяиственный
Псковская область	Михаил Ведерников	Новатор
Ростовская область	Василий Голубев	Хозяиственный
Рязанская область	Павел Малков	Слуга
Самарская область	Дмитрий Азаров	Новатор
Саратовская область	Роман Бусаргин	Хозяиственный
Сахалинская область	Валерий Лимаренко	Новатор
Свердловская область	Евгений Куйвашев	Хозяиственный
Смоленская область	Алексей Островский	Слуга
Тамбовская область	Максим Егоров	Хозяиственный
Тверская область	Игорь Руденя	Хозяиственный
Томская область	Владимир Мазур	Слуга
Тульская область	Алексей Дюмин	Хозяиственный
Тюменская область	Александр Моор	Новатор
Ульяновская область	Алексей Русских	Хозяиственный
Челябинская область	Алексей Текслер	Спасатель
Ярославская область	Михаил Евраев	Новатор
Москва	Сергей Собянин	Стратег
Санкт-Петербург	Александр Беглов	Спасатель
Севастополь	Михаил Развожаев	Слуга
Еврейская АО	Ростислав Гольдштейн	Хозяиственный
Ненецкий АО	Юрий Бездудный	Слуга
Ханты-Мансийский АО	Наталья Комарова	Хозяиственный
Чукотский АО	Роман Копин	Хозяиственный
Ямало-Ненецкий АО	Дмитрий Артюхов	Новатор

На основании вышесказанного можно сделать следующие основные выводы:

1. Частая смена региональных руководителей в российских субъектах привела к тому, что осталось крайне небольшое число регионов со стабильно существующей моделью управления. В большинстве субъектов модели меняются, что связано с желанием новой администра-

ции отстроится от прежней власти. Такая черхарда не способствует выстраиванию прочной системы управленческих отношений, мешает стабильному развитию региональных политических систем.

2. Общество четко транслирует запрос на изменения в составе политической элиты. Ответом власти на этот запрос является

омоложение губернаторского корпуса. Молодые губернаторы чаще всего используют модели «новатор», «слуга» и «спасатель». Модель «хозяин» предполагает наличие элементов политической харизмы и существенный управленческий опыт. По этой причине ее использование снижается. В еще большей степени это относится к модели «стратег», предполагающей наличие у руководителя политических амбиций и самостоятельности мышления.

3. Региональная модель управления все чаще определяется субъективными качествами руководителя и все реже объективными обстоятельствами существования региона. Это приводит к тому, что модель управления чаще представляет собой совокупность политических и социальных технологий, используемых властью в своей деятельности, чем разработанные и готовые к реализации стратегии и планы управления различными сферами жизни общества.

Информация об авторах

Э. Н. Ямалова — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и связей с общественностью;

А. Е. Евдокимов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью.

Information about authors

E. N. Yamalova — Doctor of Science (Political), Professor, Head of the Department of Political Science and Public Relations;

A. E. Evdokimov — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of Political Science and Public Relations.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 48–53.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022; 3(56): 48–53.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 334.7

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-48-53

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Лилия Закировна Буранбаева^{1✉}, Альбина Фатиховна Гарифуллина²,
Екатерина Валерьевна Жилина³**

¹Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия, blz05101969@mail.ru✉

^{2,3}Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета, Уфа, Россия

²Albina.garifullina.86@bk.ru

³Ekaterina-zhilina@inbox.ru

Аннотация. Предмет исследования — государственно-частное партнерство. Цель исследования — анализ динамики развития механизма государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан. Задачи исследования — выявление сущности и значимости государственно-частного партнерства в развитии экономики регионов и страны в целом. Новизна исследования: раскрыта сущность механизма государственно-частного партнерства, особенности его применения в Республике Башкортостан. Выводы: в эффективности функционирования механизма государственно-частного партнерства заинтересованы представители бизнес-сообщества и власти различных уровней. Частные инвестиции способствуют стимулированию процессов развития территорий и хозяйствующих субъектов, основанных на нововведениях.

Ключевые слова: бизнес, государственно-частное партнерство, ГЧП-проект, концессионные соглашения, регион, региональное управление

Для цитирования: Буранбаева Л. З., Гарифуллина А. Ф., Жилина Е. В. Государственно-частное партнерство в системе регионального управления // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 48–53. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-48-53>.

REGIONAL ECONOMY

Research article

PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIP IN THE SYSTEM OF REGIONAL MANAGEMENT

Lilia Z. Buranbaeva^{1✉}, Albina F. Garifullina², Ekaterina V. Zhilina³

¹Bashkir Academy of Public Administration and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, blz05101969@mail.ru✉

^{2,3}Institute of History and Public Administration, Bashkir State University, Ufa, Russia

²Albina.garifullina.86@bk.ru

³Ekaterina-zhilina@inbox.ru

Abstract. The subject of the study is public-private partnership. The purpose of the study is to analyze the dynamics of the development of the mechanism of public-private partnership in the Republic of Bashkortostan. The objectives of the study are to identify the essence and significance of public-private

partnership in the development of the economy of the regions and the country as a whole. The novelty of the research: the essence of the mechanism of public-private partnership, the features of its application in the Republic of Bashkortostan are revealed. Conclusions: representatives of the business community and authorities at various levels are interested in the effectiveness of the functioning of the public-private partnership mechanism. Private investments contribute to stimulating the development of territories and economic entities based on innovations.

Keywords: business, public-private partnership, PPP project, concession agreements, region, regional management

For citation: Buranbaeva L. Z., Garifullina A. F., Zhilina E. V. Public-private partnership in the system of regional management. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):48–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-48-53>.

Одним из способов привлечения частных инвестиций в создание и эксплуатацию объектов общественной инфраструктуры является механизм сотрудничества государства и частного предпринимательства, основанный на долгосрочном характере соглашений, распределении рисков между публичной и частной сторонами, использованием частных инвестиций [1].

Мировая практика раскрывает экономическое содержание категории «государственно-частное партнерство» (ГЧП) с двух позиций: во-первых, как систему договорных отношений государства и бизнеса для международного, регионального, муниципального, экономического и социального развития; во-вторых, как конкретные проекты различных государственных органов и бизнеса по развитию объектов государственной и муниципальной собственности [2].

Россия обладает не менее ценной исторической практикой, позволяющей выявить закономерности и взаимосвязи в развитии партнерства, которые имели гибкий и устойчивый характер и соответствовали условиям эпохи и целям совершенствования государства. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия продолжается и сегодня [3].

В качестве приоритетных установок государственно-частного взаимодействия необходимо выделить повышение инвестиционной привлекательности экономики страны и обеспечение роста качества товаров [4].

Для каждого участника (государства и бизнеса) долгосрочное взаимодействие привлекательно. Так, по отношению к государству данный механизм позволяет сокращать издержки по созданию и поддержанию объектов соци-

альной и иной общественной инфраструктуры, снижать бюджетные и иные риски благодаря их распределению с частным бизнесом, получать новые источники инвестиций. Для представителей бизнеса ГЧП/МЧП представляет защиту инвестиций, административное и политическое содействие государства в реализации проекта, относительную автономность в принятии решений, а также возможность выхода на другие рынки, пользования государственным имуществом без торгов, получения дохода от оказания дополнительных услуг.

Законодательство предусматривает применение на практике различных форм ГЧП в виде концессионных соглашений, соглашений о ГЧП, а также квази-ГЧП, представленных контрактами жизненного цикла, фондируемыми договорами с инвестиционными обязательствами, инвестиционными договорами, договорами аренды с инвестиционными обязательствами, энергосервисными контрактами, специальными инвестиционными контрактами).

В 2021 году из представленных форм реализации на концессии приходилось 2855 проектов, где размер вложений частных предпринимателей составил 1927 млрд руб., а на соглашения о ГЧП, соответственно, 99 проектов в сумме 565,6 млрд рублей.

Подписанных соглашений о ГЧП/МЧП и концессионных соглашений в 2021 году меньше на 22,7 % в сравнении с предыдущим годом.

Совокупный размер капиталовложений в ГЧП-проекты увеличивается в динамике: если в 2020 году совокупный размер вложений был в пределах 363,9 млрд руб. (58,06 % частных), то в 2021 году рост произошел на 113,99 % (из них частных — на 162,85 %) [5].

Видно, что рынок ГЧП-проектов после пандемии начинал восстанавливаться благодаря применению эффективных инструментов поддержки в рамках государственных программ и усилению роли институтов развития.

В качестве оценки опыта работы региональных органов власти с представителями бизнеса рассмотрены результаты реализации на территории Республики Башкортостан инвестиционных проектов ГЧП.

Рейтинговая оценка регионов учитывает динамические процессы реализации программ, имеющийся опыт и состояние законодательно-нормативной основы функционирования ГЧП.

В 2020 году по результатам оценки эффективности инвестиционных проектов в ТОП-10 вошли Московская область, Республика Саха-Якутия, Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тульская, Омская, Нижегородская и Свердловская области. В тройку отстающих вошли Северная Осетия, Калмыкия и Ингушетия.

По уровню развития ГЧП, согласно данным Минэкономразвития России, Республика Башкортостан по итогам 2020 года занимала 11-е место против 20-го места в 2019 году.

По оценке нормативной базы (инвестиционная открытость, готовность оказывать консультативную и финансовую поддержку проектам ГЧП) Республика Башкортостан в 2020 году была лидером (100 баллов) [6]. Однако по общим данным республика имела оценку в 13,6 баллов. Наибольшие баллы приходились на Москву (85,3 балла) и Якутию (56,8 баллов).

Ярким примером активности власти и бизнеса в вопросах применения механизма ГЧП, безусловно, является Москва. Так, в течение девяти лет заключено ГЧП-проектов на сумму свыше 1,1 трлн руб., в том числе за 2021 год 47 проектов на 88,7 млрд рублей. Данный механизм позволил привлечь частный капитал в транспортную инфраструктуру (на обновление подвижного состава метрополитена, парка наземного транспорта, покупку электробусов), систему здравоохранения (на закупку медицинского оборудования) [7].

По итогам 2020 года в Республике Башкортостан заключены для реализации 39 проек-

тов (в том числе на муниципальном уровне — 32) в рамках ГЧП на сумму почти 42,8 млрд руб., из них 26 проектов в сфере ЖКХ, 2 — на развитие спорта и туризма, 1 — автодорожной инфраструктуры, 6 — социального обслуживания населения, 2 — водного хозяйства, 1 — сельского хозяйства, 1 — системы образования [6]. 2020 год характеризуется заключением пяти соглашений республиканского уровня на сумму 4,5 млрд руб. и четырех соглашений муниципального значения: на строительство Восточного выезда, здания «Спортакадемия» в г. Стерлитамак, водопроводов в г. Белебей, поселке городского типа Прикутово, с. Стерлибашево, полигонов твердых бытовых отходов в г. Благовещенск, г. Туймазы и Мишкинском районе [8]. Также на условиях ГЧП планировалось возвести одиннадцать школ на 15 тыс. ученических мест в городах Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск и Уфимском районе.

«Стройкой века» в республике называют строительство Восточного выезда из столицы, соединяющего ее центр с трассой М-5 «Урал». Его финансирование в объеме 33 млрд руб. осуществляется Банком ВТБ и строительным холдингом Limak Group (Турция). Ввод объекта предусмотрен в 2024 году.

За счет объединения усилий региональной власти с бизнесом в рамках цифровизации малых населенных пунктов оптические связи появились в 267 селах и деревнях республики, бесплатный доступ к услугам цифровых сервисов получили более 100 тыс. чел. в 50 муниципалитетах [9].

В рамках проведенного в 2021 году III Всероссийского инвестиционного сабантуя в г. Сибай были отмечены новые ГЧП-проекты по строительству молочного завода на территории особой экономической зоны «Алга» мощностью 150 т в сутки с планируемым объемом инвестиций в размере 1,7 млрд руб., ледовый дворец в г. Уфа с ледовыми площадками, бассейном и спортивными залами (2,0 млрд руб.), детский оздоровительный лагерь в г. Уфа на 35–500 детей (2,1–2,3 млрд рублей) [10]. В 2022 году предусмотрено начало реализации ГЧП, связанных со строительством детской поликлиники на 200 посещений в смену и взрослой поликлиники на 400 посещений в с. Иглино, поликлиники на территории ГБУЗ

РБ Демского района г. Уфа, здания травматолого-хирургического корпуса ГБУЗ РБ Туймазинская ЦРБ, поликлиники в с. Zubovo МР Уфимский район РБ, поликлиники в западном микрорайоне 4«Б» г. Стерлитамак, пансионата стационарного обслуживания пожилых и инвалидов в с. Теперишево МР Чишминский район, негосударственных пансионатов стационарного обслуживания для пожилых и инвалидов в д. Ирсаево МР Мишкинский район РБ и в д. Пушкинское МР Иглинский район РБ. Кроме того, предусмотрена реконструкция здания стационарного обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов в с. Шарипово МР Кушнаренковский район РБ [6]. Инвестиционный сабантуй «Зауралье — 2022», проведенный в июне 2022 года, обозначил подписание 28 соглашений на сумму 107 млрд руб., самым значимым из которых является соглашение с предприятием «ИнгФуд» на сумму 4,9 млрд рублей [11].

Республикой Башкортостан в 2021 году заключен офсетный контракт на сумму 1 млрд руб. в машиностроении по производству троллейбусов при условии их покупки регионом.

В марте 2022 года в индустриальном парке «Белкам» (г. Нефтекамск) совместно с турецким партнером Sanica Pipe Ltd начато производство пластиковых труб, акриловых ванн и душевых кабин, комбинированных котлов и отопительных батарей. Размер капиталовложений турецкой компанией составляет 1,5 млрд руб. и обеспечит более 100 чел. ра-

бочими местами. Дополнительно инвестор предусматривает возможность производить электроподъемники на территории особой экономической зоны «Алга» [12].

В перспективе предусматривается формирование в г. Уфа единой транспортной сети, единого тарифного меню, ИТ-платформы по управлению транспортом и полное обновление парка подвижного состава [13].

Таким образом, развитие системы управления на региональном уровне представляет собой сложный процесс, предусматривающий использование различных инструментов, методов и механизмов. ГЧП — это наиболее эффективная форма взаимовыгодного сотрудничества государства и частного предпринимательства [14].

Структура потенциальных и реализуемых ГЧП-проектов на территории Республики Башкортостан имеет схожие с общероссийской тенденцией черты. Значительное число заключаемых проектов связаны с финансированием объектов общественной инфраструктуры. В будущем выделяются две основные сферы реализации принципов ГЧП на территории региона: туризм и информационные технологии.

Механизм ГЧП имеет положительный эффект как для государства в целом, так и для каждого региона в частности. Его дальнейшее развитие выступает одним из важных направлений реализации региональной политики.

Список источников

1. Buranbayeva L. Z. Public-private partnership as a tool for interaction between the state and cooperatives / Buranbayeva L. Z., Sabirova Z. Z., Mukhamedyanova A. F. [at al.] // Cooperation and Sustainable Development : Conference proceedings (Москва, 15–16 декабря 2020 г.). Т. 245. Cham : Springer Nature Switzerland, 2022. С. 661–666.
2. Перегудов С. П., Семенов И. С. Корпоративное гражданство. Концепции, мировая практика и российские реалии. М. : Прогрес-традиция, 2008. С. 209–255.
3. Ганжа И. В., Набиев Р. А. Эволюция государственно-частного партнерства на различных этапах развития государства // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2012. № 2. С. 9–20.
4. Российская Федерация. Законы. О ГЧП, МЧП в Российской Федерации : Федер. закон № 224-ФЗ : принят Государственной Думой 1 июля 2015 : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 : посл. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660
5. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2021 года : аналитический обзор // Национальный центр государственно-частного партнерства : электр. версия. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/5b4/5b4d97fb08864dd525b2923a2b14b415.pdf>
6. Государственно-частное партнерство // Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан : офиц. сайт. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/21905>

7. Ефимов: с начала 2021 года сумма ГЧП-контрактов увеличилась на 88,7 млрд рублей // Радио Business FM : сайт. URL: <https://www.bfm.ru/news/478616>
8. Башкирия вышла на 11-е место в стране по уровню развития ГЧП // РБК : сайт. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/26/08/2021/61272e6c9a79478180ee4ca0>. Дата публикации: 26.08.2021.
9. В Башкортостане за год благодаря проекту ГЧП обеспечены оптикой 267 сел и деревень // Правительство Республики Башкортостан : офиц. сайт. URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/press-office/news.php?ELEMENT_ID=54075. Дата публикации: 16.12.2021.
10. В Башкирии озвучили новые инструменты поддержки проектов ГЧП // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2021/09/10/reg-pfo/v-bashkirii-ozvuchili-novye-instrumenty-podderzhki-proektov-gchp.html>. Дата публикации: 10.09.2021.
11. На IV Всероссийском инвестиционном сабантуе «Зауралье-2022» подписано соглашений на сумму более 107 млрд рублей // Правительство Республики Башкортостан : офиц. сайт. URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/press-office/news.php?ELEMENT_ID=56242. Дата публикации: 04.06.2022.
12. Турецкая Sanica Pipe выбрала площадки под завод в Башкирии за ₺1,5 млрд // РБК : сайт. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/28/03/2022/6241436c9a7947c278524abc>. Дата публикации: 28.03.2021.
13. В рамках государственно-частного партнерства в Башкирии реализуют 39 проектов // Московский комсомолец : сайт. URL: <https://ufa.mk.ru/economics/2022/03/02/v-ramkakh-gosudarstvennochastnogo-partnerstva-v-bashkirii-realizuyut-39-proektov.html>. Дата публикации: 02.03.2022.
14. Самылов П. В., Волков А. И. Государственно-частное партнерство как механизм развития государственного управления на региональном уровне // Вестник Евразийской науки : науч. журн. : электр. версия. 2020. Т. 12, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/73ECVN320.pdf>

References

1. Buranbayeva L. Z. Public-private partnership as a tool for interaction between the state and cooperatives / Buranbayeva L. Z., Sabirova Z. Z., Mukhamedyanova A. F. [at al.]. Cooperation and Sustainable Development: Conference proceedings (Moscow, December 15–16, 2020). Vol. 245. Cham: Springer Nature Switzerland; 2022. P. 661–666.
2. Peregudov S. P., Semenenko I. S. Corporate citizenship. Concepts, world practice and Russian realities. Moscow: Progress-tradition; 2008. P. 209–255. (In Russ.).
3. Ganzha I. V., Nabiev R. A. Evolution of public-private partnership at various stages of state development. *Vestnik AGTU. Ser.: Ekonomika = Bulletin of ASTU. Ser.: Economics*. 2012;(2):9–20. (In Russ.).
4. Russian Federation. Laws. About PPP, MCHP in the Russian Federation: Feder. Law No. 224-FL : adopted by the State Duma on July 1, 2015 : approved by the Federation Council on July 8, 2015 : last. ed. ConsultantPlus : site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660
5. Main trends and statistics of the PPP market in 2021: analytical review / National Center for Public-Private Partnership: electronic version. (In Russ.). Available from: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/5b4/5b4d97fb08864dd525b2923a2b14b415.pdf>
6. Public-private partnership. Ministry of Economic Development and Investment Policy of the Republic of Bashkortostan : official site. (In Russ.). Available from: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/21905>
7. Efimov: since the beginning of 2021, the amount of PPP contracts has increased by 88.7 billion rubles. Radio Business FM : site. (In Russ.). Available from: <https://www.bfm.ru/news/478616>
8. Bashkiria ranks 11th in the country in terms of PPP development. RBC : site. (In Russ.). Available from: <https://ufa.rbc.ru/ufa/26/08/2021/61272e6c9a79478180ee4ca0>. Publication date: August 26, 2021.
9. In Bashkortostan, thanks to the PPP project, 267 villages and villages were provided with optics during the year. Government of the Republic of Bashkortostan : official site. (In Russ.). Available from: https://pravitelstvorb.ru/ru/press-office/news.php?ELEMENT_ID=54075. Publication date: December 16, 2021.
10. New tools to support PPP projects announced in Bashkiria. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper* : site. (In Russ.). Available from: <https://rg.ru/2021/09/10/reg-pfo/v-bashkirii-ozvuchili-novye-instrumenty-podderzhki-proektov-gchp.html>. Publication date: September 10, 2021.
11. Agreements worth more than 107 billion rubles were signed at the IV All-Russian Investment Sabantuy "Trans-Urals-2022". Government of the Republic of Bashkortostan : official site. (In Russ.). Available from: https://pravitelstvorb.ru/ru/press-office/news.php?ELEMENT_ID=56242. Publication date: June 04, 2022.
12. Turkish Sanica Pipe has chosen sites for a plant in Bashkiria for ₺1.5 billion. RBC : site. (In Russ.). Available from: <https://ufa.rbc.ru/ufa/28/03/2022/6241436c9a7947c278524abc>. Publication date: March 28, 2021.

13. Within the framework of public-private partnership, 39 projects are being implemented in Bashkiria. *Moskovskij komsomolecz = Moscow's comsomolets* : site. (In Russ.). Available from: <https://ufa.mk.ru/economics/2022/03/02/v-ramkakh-gosudarstvennochastnogo-partnerstva-v-bashkirii-realizuyut-39-proektov.html>. Publication date: March 02, 2022.

14. Samylov P. V., Volkov A. I. Public-private partnership as a mechanism for the development of public administration at the regional level. *Vestnik Evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal* [online], 2020;12(3). (In Russ.). Available from: <https://esj.today/PDF/73ECVN320.pdf>

Информация об авторах

Л. З. Буранбаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики;

А. Ф. Гарифуллина — кандидат политических наук;

Е. В. Жилина — кандидат экономических наук.

Information about authors

L. Z. Buranbayeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Socio-Economic Policy;

A. F. Garifullina — Candidate of Science (Political);

E. V. Zhilina — Candidate of Science (Economics).

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 54–62.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):54–62.

Научная статья

УДК 330.012:338.2

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-54-62

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КАТЕГОРИЙНОМ АСПЕКТЕ

Земфира Назиповна Идрисова^{1✉}, Айдар Талгатович Ситдигов²

¹Институт экономики и управления Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия, Idrisowa_ZN@mail.ru✉

²Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия, ast90@mail.ru

Аннотация. Представлено уточнение сущности категории эффективности в современных условиях. Подчеркнута сохраняющаяся эволюционность развития понятия, что в современном толковании требует учета баланса интересов всех участников, рационального взаимодействия организации с внешней средой, развития социализации бизнеса. Предлагается коррекция управленческих решений по развитию бизнеса под влиянием усиления давления внешних факторов на эффективность. Констатируется общественная значимость категории, что определяет приоритет социального содержания эффективности, наиболее важный для деятельности нефтегазодобывающих предприятий. Систематизирована классификация видов эффективности. Акцентируется для социальной эффективности значение внешней и внутренней эффективности.

Ключевые слова: категории, эффективность, нефтегазовый комплекс, системный подход, рыночная коррекция, управленческая детерминация, общественная значимость, социальное содержание понятия, воспринимаемая ценность, классификация

Для цитирования: Идрисова З. Н., Ситдигов А. Т. Эффективность деятельности нефтегазовых предприятий в категорийном аспекте // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 54–62. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-54-62>.

Research article

EFFICIENCY OF OIL AND GAS ENTERPRISES IN THE CATEGORY ASPECT

Zemfira N. Idrisova^{1✉}, Aydar T. Sitdikov²

¹Institute of Economics and Management, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, Idrisowa_ZN@mail.ru✉

²Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, ast90@mail.ru

Abstract. A refinement of the essence of the category of efficiency in modern conditions is presented. It is emphasized that the development of the concept remains evolutionary, which in the modern interpretation requires taking into account the balance of interests of all participants, the rational interaction of the organization with the external environment, and the development of business socialization. A correction of managerial decisions on business development under the influence of increased pressure of external factors on efficiency is proposed. The social significance of the category is stated, which determines the priority of the social content of efficiency, the most important for the activities of oil and gas producing enterprises. Classification of types of efficiency is systematized. The importance of external and internal efficiency for social efficiency is emphasized.

Keywords: categories, efficiency, oil and gas complex, systemic approach, market correction, managerial determination, social significance, social content of the concept, perceived value, classification

For citation: Idrisova Z. N., Sitdikov A. T. Efficiency of oil and gas enterprises in the category aspect. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x tehnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):54–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-54-62>.

Уточнение сущности категории эффективности в современных условиях требует применения научных способов познания, что определяется одновременно сложностью и многоуровневостью, открытостью и эволюционной историчностью развития предприятия как источника и базы возникновения эффективности. Применительно к таким объектам более целесообразным становится использование системного подхода как специфического способа познания объективной реальности, использующего научно-методологические (гносеологические, концептуальные). Среди методологических проблем системного исследования категории эффективности следует указать:

- многообразие элементов и факторов, что усложняет процесс исследования и требует реализации системного подхода;

- взаимовлияние и взаимопроникновение экономических и социальных процессов для крупного бизнеса, что вынуждает учитывать в исследовании приоритетность социальных явлений;

- потребность изучения явлений и процессов в динамике, что определяет вероятностный характер изменений, усложняет количественное их определение и предполагает коррекцию на риск.

Изложенное позволяет идентифицировать эффективность в рамках системного подхода в совокупности следующих аспектов:

- системно-элементного, с подразделением на материальные (средства производства, предметы труда, сам труд), процессные (экономические, социальные, политические и т. д.), нематериальные (носящие имиджевую окраску) и идеологические элементы исследования с вектором удовлетворения интересов общества;

- системно-структурного, когда внутренние взаимосвязи между элементами способствуют достижению заданного уровня эффективности;

- системно-функционального с идентификацией и диагностикой функционального уровня пределов эффективной работы системы;

- системно-ресурсного, определяющего ресурсное наполнение и оптимальное их распределение в рамках системы;

- системно-коммуникационного, способствующего установлению рациональных взаимосвязей организации с окружающей средой.

Согласно эволюционной динамике стремление к эффективности есть условие обеспечения долгосрочной выживаемости любой экономической системы, экономического объекта, предприятия. Другими словами, до тех пор, пока видима тенденция ускоренного роста ресурсной эффективности, предприятие как экономическая система сохраняет свою жизнеспособность.

Основными признаками эффективности как системного понятия выступают:

- целостность, когда в результате искусства объединения элементов эффективность приобретает окончательное выражение своего содержания;

- открытость как влияние на эффективность внешних потоков материи, финансов, информации. Так возникает возможность условной дифференциации внутренней и внешней эффективности на основе факторов воздействия. Изучение таких факторов определяет возможность целенаправленной корректировки адаптивных возможностей системы;

- динамизм, предполагающий временной вектор непрерывных или дискретных изменений содержания категории;

- управляемость как возможность изменения элементов системы в соответствии с целью исследования.

Развитие понятия связано с работами многих исследователей, результаты которых актуализированы нами в таблице 1.

Приведенные данные указывают на сохраняющуюся эволюционность развития понятия. Восприятие эффективности изменяется вместе с изменением самого общества, то есть носит исторический характер.

На базе ранее сформированных происходит актуализация совершенно новых определений понятия эффективности применительно к дея-

Таблица 1 — Результаты исследований, повлиявших на раскрытие содержания понятия «эффективность»

Результаты исследований	Авторы
Пределы эффективности определяет зависимость равновесия экономической системы от рационального эгоизма человека (маржиналистское течение)	К. Менгер, У. С. Джевонс, Л. Вальрас [1]
Определяет возможность наложения институциональных ограничений на любые экономические явления социума	Т. Веблен, Г. Адамс, Дж. Гелбрейт [2]
Определяется оптимальным распределением ресурсов	Л. В. Канторович, Т. Купманс [3]
Связана с рациональным распределением полученного результата в интересах всех участников с учетом удовлетворения их целям (стейкхолдерский подход)	Н. А. Шibaева, О. В. Глазков [4]
Определяющим образом зависит от правильной организации управления и компетентности руководителя	Г. Эмерсон [5]
Отражается в результативности хозяйствования	А. Файоль, В. В. Максимова [6]
Требует учета вектора результативности (направления развития производства). Включает в себя три элемента: а) «итог» как абсолютный показатель характеристики хозяйственной деятельности субъектов экономики в конкретный момент времени; б) «результат» как интегральная характеристика состояния одной и/или нескольких областей деятельности в конкретный момент времени; в) «эффект» — результат, характеризующий положительные тенденции в развитии хозяйствующих субъектов	Н. П. Болдырева [7]

тельности производственного предприятия, сгруппированных нами в таблице 2.

Большинство авторов склоняются к понятию эффективности как относительного показателя соотношения эффекта и результата. Современные западные авторы [14] рассматривают понятие «эффективность» в трех аспектах:

а) эффективность как степень достижения целей организации;

б) эффективность как степень согласования интересов;

в) эффективность как степень гибкости, выживаемости, адаптации к внешней среде.

Американские экономисты вводят несколько терминов, обозначающих эффективность:

– *efficiency* означает экономичность как соотношение необходимого и фактического расходов ресурсов;

– *effectiveness* означает степень достижения целей системы в отношении качества продукции и выполнения плана;

– *productivity* — продуктивность (соотношение объема продукта с соответствующими затратами ресурсов);

– *profitability* — прибыльность;

– *innovation* — нововведения;

– *quality of work life* — качество трудовой жизни.

Критический анализ представленных определений выявляет эволюционные изменения в толковании содержания понятия эффективности и позволяет выделить рассмотрение эффективности как показателя:

– баланса интересов всех участников (стейкхолдерский подход);

– рационального взаимодействия организации с внешней средой;

– соответствия управленческих решений целям развития организации;

– интенсивности и экономичности хозяйствования.

При исследовании динамики эффективности как системы на основе современной тео-

Таблица 2 — Определение категории «эффективность» в исторической ретроспективе

Определение	Автор
Отношение результата к затратам	Мак Конелл, Брю [8]
Производство с наименьшими затратами, наилучшее использование ресурсов — экономичность	М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [9]
Способность организации достигать максимальные результаты при фиксированных затратах или способности минимизировать затраты при достижении требуемых результатов	А. Н. Асаул и др. [10]
Показатель фактического достижения результата в объемах, достаточных для установления баланса системы	Ы. Э. Ташбаев, Л. Б. Миротин [11]
Аллокационно определяется эффективностью сделок по продаж продукции	Е. М. Мерзликина [12]
Характеристика качества управленческих решений	И. А. Слободняк, А. О. Таровых [14]

рии организации и управления обнаруживаются некоторые закономерности в управленческой детерминации:

- длительный период неустойчивости снижает возможности адаптивности и выстраивания прогнозной модели управления;

- сложность объекта как источника эффективности определяет потребность в большем количестве ресурсов на поддержание, или установление устойчивости требует обработки большего объема новой информации;

- управленческий каркас должен соответствовать сложности и многоярусности управляемой и управляющей систем;

- рост разнообразия на верхнем уровне управления требует первичной унификации процессов предыдущих уровней, в противном случае — чреват разрушением систем;

- конструктивные преобразования неравновесной системы оптимальны в условиях достаточности ресурсов внутреннего разнообразия.

Важность современного этапа определяется сложившейся экономической ситуацией, когда возрастает давление внешних факторов на эффективность. События последних лет с усилением давления геополитических факторов вынуждают менеджмент компаний серьезнее учитывать общерыночные тенденции (рис. 1).

Рыночные отношения повышают требования к согласованности и концептуальной определенности развития, прежде всего, ведущих секторов экономики и делают актуаль-

ной и жизненно важной комплексную оценку эффективности их функционирования. Осознание проявляющихся закономерностей, динамики их развития позволяет в условиях цикличности экономики прогнозировать будущее состояния экономических объектов. Поэтому неудивительно, что отдельные исследователи акцентируют внимание на социальной сущности категории эффективности, достижение которой возможно во взаимодействии по обеспечению оптимального распределения ресурсов. Приоритет социального содержания эффективности наиболее важен для деятельности нефтегазодобывающих предприятий, что связано как со стратегической значимостью данного вида деятельности для страны в целом, так и большими масштабами, диверсификацией направлений и видов деятельности, наличием множества структурных подразделений, а также сильнейшей зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры.

В современном понимании эффективность (в переводе с латинского — действенность, производительность, результативность) выступает стимулом и индикатором развития организации, является целевым ориентиром управленческой деятельности с акцентом на принципы разумной обоснованности, необходимой достаточности, целеполагающей оправданности, оптимальной сбалансированности. То есть априори выделяется значимость управленческой составляющей в обеспечении вектора развития

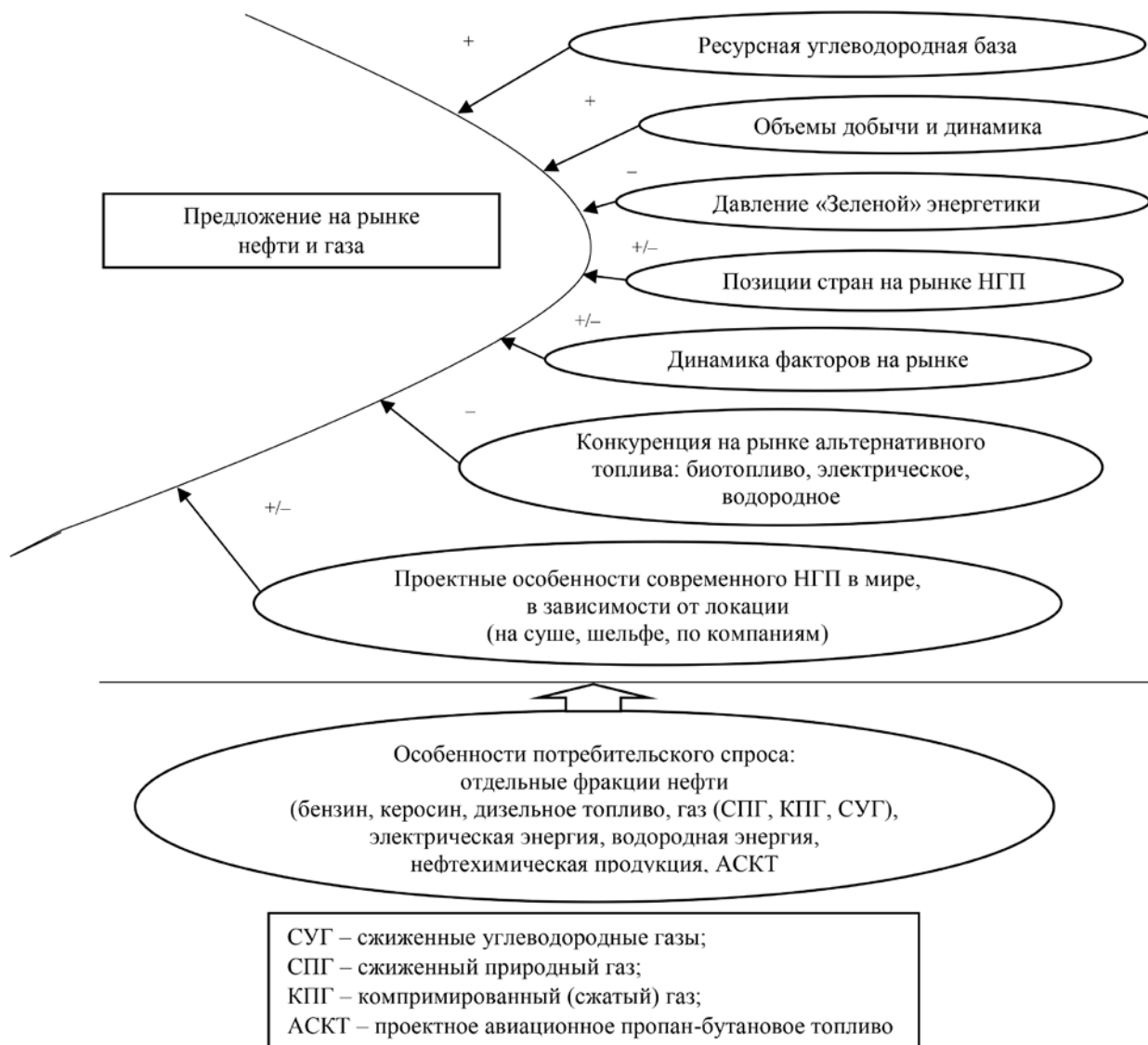

Рисунок 1 — Коррекция предложения на рынке нефти и газа под влиянием рыночных факторов
Figure 1 — Correction of supply in the oil and gas market under the influence of market factors

эффективности. Ограничивающими рост эффективности факторами в сбалансированной системе выступают ограниченность ресурсов, с одной стороны, и постоянное стремление к росту результативности, с другой.

Применительно к нефтегазовому сектору баланс интересов органов государственной власти и хозяйствующих структур всегда был первичен перед интересами потребителей продукции (других секторов экономики и населения), а рост эффективности ориентирован на соответствие деятельности и качества продукции мировым стандартам. Рыночная составляющая усиливает разделение эффективности на внешнюю и внутреннюю с учетом сферы субъектов воздействия, а также на об-

щезономическую, отраслевую, внутрихозяйственную, исходя из уровня факторов воздействия.

С учетом изложенного становится возможным классифицировать виды эффективности в зависимости от критериальных составляющих следующим образом (рис. 2).

В зависимости от целей организации выделяются различные виды эффективности:

- с учетом длительности проявления — стратегическая и тактическая;
- по отношению к внешней среде — внешняя и внутренняя;
- по содержанию — технологическая, экономическая, производственная, научно-техническая, экологическая и социальная;

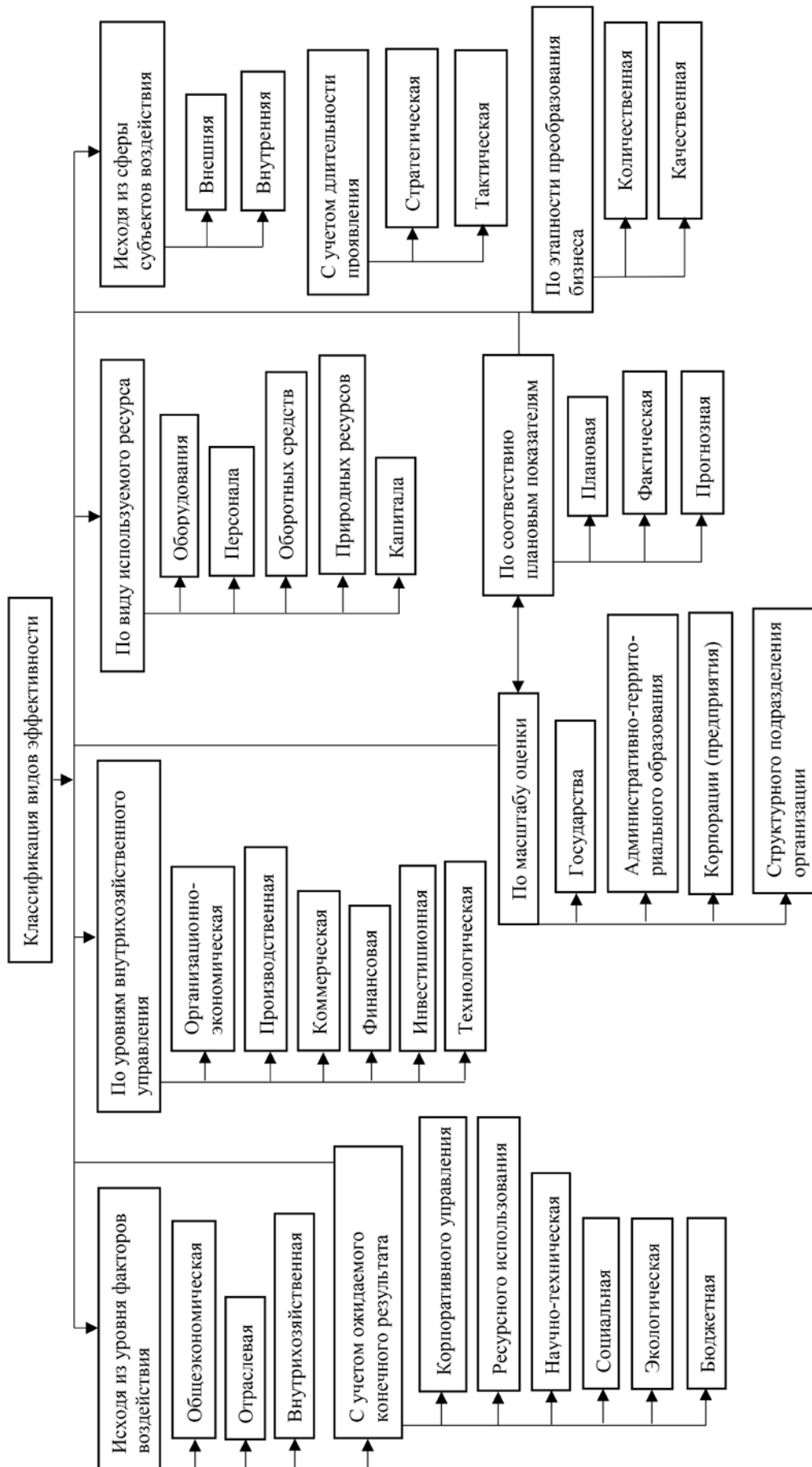

Рисунок 2 — Классификация видов эффективности
 Figure 2 — Classification of types of efficiency

– по отношению к объекту и субъекту управления — эффективность производства и эффективность управления;

– по общественным характеристикам — общефирменная, внутрифирменная, групповая и индивидуальная эффективность; эффективность организационной структуры и эффективность механизма управления.

С учетом ожидаемого конечного результата целесообразным представляется разделение на эффективность корпоративного управления, ресурсного использования, бюджетную, финансовую, экологическую, научно-техническую, социальную.

Внешним проявлением социальной эффективности является ситуация на рынке M&A, в том числе через систему участия в капитале и контроль зарубежных активов. Нижний предел такого участия признается ЮНКТАД для ТНК в 10% акционерного капитала.

Внутри организации предлагается разделение эффективности на составляющие элементы:

– по уровню внутрихозяйственного управления на: организационно-экономическую, производственную, технологическую, коммерческую, финансовую, инвестиционную;

– по виду используемого ресурса: оборудования, персонала, оборотных средств, капитала, природных ресурсов;

– по соответствию плановым показателям: плановая, фактическая, прогнозная.

В нефтегазовой отрасли производственная эффективность — это систематическое управление основными направлениями деятельности в целях достижения результатов на уровне мировых показателей.

Приоритетной для целей долгосрочного развития и социальной составляющей является стратегическая эффективность. Потенциал роста эффективности компаний нефтегазового комплекса (НГК) определяется потенциалом:

- собственных активов;
- слияний и поглощений;
- увеличения рыночной доли.

Потенциал собственных активов ориентирован на техническое, технологическое и организационное преимущество при реализации основных бизнес-процессов в деятельности НГК. Внутренняя социальная привлекатель-

ность в таком аспекте реализуется через ускоренную социальную интеграцию деятельности нефтегазовых компаний с экономическим уровнем развития территорий местонахождения, государства в целом.

Мир изменился и требует социальной переориентации деятельности бизнеса. Первичным уровнем ее проявления выступают условия организации и производительность труда работающего персонала.

Показатели производительности труда в НГК российской экономики отстают от аналогичных показателей ведущих мировых компаний данной сферы в связи с устаревающими технологиями, недостаточными темпами модернизации, более сложными условиями добычи, высокими рисками. По данным Л. В. Санковой [15] в 2017 году в компании «ExxonMobil» выручка на одного работника составляла \$3,5 млн, «Royal Dutch Shell» порядка \$3,3 млн, «ЛУКОЙЛ» около \$1 млн, «Газпром нефть» \$0,52 млн, «Роснефть» менее \$0,34 млн. Дифференциация внутри российских компаний определяется долей и уровнем переработки зарубежных активов компании.

По трудовым показателям численность занятых на работах с вредными и опасными условиями труда превышает 30% при формирующемся тренде на рост интенсификации труда при общем сохранении индекса трудоемкости. То есть социальная составляющая бизнеса и внутренняя социальная эффективность сектора нефти и газа в динамике ослабевают. Отсюда возникает потребность в разделении содержания эффективности по этапности развития бизнеса с отслеживанием ситуации, когда количественные изменения неизбежно приводят к качественному преобразованию в эффективности.

Во внешней социальной эффективности императивный ориентир экономической глобализации крупных компаний (в особенности, нефтегазового сектора) выступает драйвером наращивания стратегической эффективности компании. Эффективность есть публичное общественное признание предпринимательской активности организации, отражаемая в показателях инвестиционной привлекательности бизнеса. Стоит заметить, что с точки зрения внутренних инвесторов социальная эффектив-

ность нефтегазовых компаний очень низка. А иностранные инвесторы, опасаясь санкций, стараются продавать свои российские активы. Влияние геополитической ситуации на рынке, безусловно, прослеживается, поскольку эффективность как индикативная характеристика отражается в воспринимаемой ценности бизнеса со стороны потенциальных инвесторов. Именно стоимостной и нематериальный эффект можно считать преобразованием количественной стороны эффективности в совершенно новое качество бизнеса, отражаемое во внешней социальной его эффективности. Следовательно, с точки зрения иностранных инвесторов социальная эффективность деятельности НГК также не соответствует продекларированным мировым стандартам.

Таким образом, понятие эффективности имеет разноплановый, многоуровневый характер. Сложность и интегративность определяющих ее факторов исходит из сложности самого объекта исследований — крупного

НГК и предполагает использование системного подхода при исследовании. Классификация категории исходит из многочисленных признаков. В связи с высокой общественной значимостью деятельности НГК для страны в целом предложено оценивать показатель социальной эффективности при исследовании сектора. Предложено также проводить анализ по двум направлениям: с оценкой внутренней и внешней социальной эффективности. Индексными показателями внутренней социальной эффективности предложено считать соотношение производственных показателей и показателей по труду. Для внешней социальной эффективности целесообразно оценивать инвестиционную привлекательность бизнеса и анализировать ситуацию на рынке M&A, динамику капитализации, рыночной стоимости акций компаний и изменение стоимости нематериальных активов, определяющих признание мировым сообществом качества управления компаниями.

Список источников

1. Гродский В. С., Чечик Е. А. Леон Вальрас у истоков современной теории общего экономического равновесия // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 4 (105). С. 126–136.
2. Черковец В. Н. «Новый социализм» Дж. К. Гэлбрейта // Вестник Московского университета. 2018. № 1. С. 18–44.
3. Наследие Леонида Канторовича, Тьяллинга Купманса: теория оптимального распределения ресурсов / А. А. Шестакова, О. С. Забродова, Л. И. Уфимцева, Е. А. Безгласная. Самара : Самарский ГЭУ, 2016. С. 261–265.
4. Шибаева Н. А., Глазков О. В. Системообразующие элементы анализа и оценки эффективности управления инвестиционными ресурсами // Региональная экономика: теория и практика. Инновации и инвестиции. 2008. № 8 (65). С. 24–32.
5. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности / пер. с англ. 2-е изд. М. : Экономика, 1992. 224 с.
6. Файоль А., Эмерсон Г., Тэйлор Ф., Форд Г. Управление — это наука и искусство : сборник / сост. Г. Л. Подвойский. М. : Республика, 1992. 349 с.
7. Болдырева Н. П. Сущность эффективности развития промышленных предприятий в рыночных условиях и ее основные виды // Наукovedenie : интернет-журнал. 2015. Т. 7. № 6. 11 с. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/31EVN615.pdf>
8. Макконелл К., Брю С. Экономика: принципы, проблемы и политика. Т. 1. М. : Республика, 1992. 431 с.
9. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Классическое издание. М. : Вильямс, 2020. 672 с.
10. Теория и практика разработки принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве / А. Н. Асаул, В. П. Грахов, О. С. Коваль, Е. И. Рыбнов. СПб. : АНО «ИПЭВ», 2014. 304 с.
11. Миротин Л. Б., Ташбаев Ы. Э., Порошина О. Г. Эффективная логистика. М. : Экзамен, 2003. 159 с.
12. Мерззликина Е. М. Методология оценки эффективности деятельности организации : дис. ... д-ра экон. наук. М. : Московский гос. ун-т печати, 2008. 241 с.
13. Слободняк И. А., Таровых А. О. К вопросу о сущности категории «эффективность» // Международный Бухучет. 2014. № 19 (313). С. 56–64.
14. Гибсон Д. Л., Иванцевич Д., Доннели Д. Х. Организации : Поведение. Структура. Процессы : учебник для вузов / пер. с англ. М. З. Штернгарца. 8-е изд. М. : ИНФРА-М, 2000. 660 с.

15. Санкова Л. В. Производительность труда в нефтегазовом комплексе в условиях формирования новой модели его развития // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы : сборник материалов VII Международной научной конференции (Саратов, 15 апреля 2019 г.). Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 1042–1047.

References

1. Grodsky V. S., Chechik E. A. Leon Walras at the origins of the modern theory of general economic equilibrium. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara State University*. 2013;4(105):126–136. (In Russ.).
2. Cherkovets V. N. "New Socialism" by J. K. Galbraith. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. 2018;(1):18–44. (In Russ.).
3. Legacy of Leonid Kantorovich, Tjalling Koopmans: the theory of optimal resource allocation / A. A. Shestakova, O. S. Zabrodova, L. I. Ufimtseva E. A. Bezglanaya. Samara: Samara GEU; 2016. P. 261–265. (In Russ.).
4. Shibaeva N. A., Glazkov O. V. System-forming elements of analysis and evaluation of the effectiveness of investment resource management. *Regional`naya e`konomika: teoriya i praktika. Innovacii i investicii = Regional economy: theory and practice. Innovations and investment*. 2008;8(65):24–32. (In Russ.).
5. Emerson G. The Twelve Principles of Productivity / transl. from engl. Moscow : Economics; 1992. 224 p. (In Russ.).
6. Fajol` A., E`merson G., Te`jlor F., Ford G. Management is a science and an art: collection / comp. by G. L. Podvoisky. Moscow: Respublika; 1992. 349 p. (In Russ.).
7. Boldyreva N. P. Essence of efficiency of development of industrial enterprises in market conditions and its main types. *Naukovedenie: Internet-zhurnal = Naukovedenie: Internet journal*. 2015;7(6):1–11. (In Russ.). Available from: <https://naukovedenie.ru/PDF/31EVN615.pdf>
8. McConnell K., Bru S. Economics: principles, problems and politics. Vol. 1. Moscow: Respublika; 1992. 431 p. (In Russ.).
9. Meskon M. H., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of Management. Classic edition. Moscow: Williams; 2020. 672 p. (In Russ.).
10. Theory and practice of developing the adoption and implementation of managerial decisions in entrepreneurship / A. N. Asaul, V. P. Grakhov, O. S. Koval, E. I. Rybnov. St. Petersburg: ANO "IPEV"; 2014. 304 p. (In Russ.).
11. Mirotin L. B., Tashbaev Y. E., Poroshina O. G. Efficient Logistics. Moscow: Exam; 2003. 159 p. (In Russ.).
12. Merzlikina E. M. Methodology for assessing the effectiveness of the organization: diss. ... Dr. Econ. Sciences. Moscow: Moscow State Printing University; 2008. 241 p. (In Russ.).
13. Slobodnyak I. A., Tarovykh A. O. On the question of the essence of the category "efficiency". *Mezhdunarodny`j Buxuchet = International Accounting*. 2014;19(313):56–64. (In Russ.).
14. Gibson D. L., Ivantsevich D., Donnelly D. H. Organizations : Behavior. Structure. Processes: Proc. for universities / transl. from English by M. Z. Shterngarts. 8th ed. Moscow: INFRA-M; 2000. 660 p. (In Russ.).
15. Sankova L. V. Labor productivity in the oil and gas complex in the context of the formation of a new model of its development. *Aktual`ny`e problemy` social`no-gumanitarny`x nauk i obrazovaniya: sushhnost`, koncepcii, perspektivy` : sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = Actual problems of social sciences and humanities and education: essence, concepts, prospects: proceedings of the VII International Scientific Conference (Saratov, April 15, 2019)*. Saratov: Saratov source; 2019. P. 1042–1047. (In Russ.).

Информация об авторах

З. Н. Идрисова — кандидат биологических наук, доцент;
А. Т. Ситдилов — магистрант.

Information about authors

Z. N. Idrisova — Candidate of Science (Biological), Associate Professor;
A. T. Sitdikov — Master's student.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 63–71.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):63–71.

Научная статья
УДК 330.012:338.2
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-63-71

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Земфира Назиповна Идрисова^{1✉}, Айдар Талгатович Ситдииков²

¹Институт экономики и управления Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия, Idrisowa_ZN@mail.ru✉

²Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия, ast90@mail.ru

Аннотация. Показана значимость критериев оценки эффективности управления в многофакторной и многовариантной корпоративной структуре. Подчеркивается потребность учета отраслевой специфики при определении критериев и критериальных показателей эффективности. Определены условия возникновения синергетического эффекта на стыке совпадения результативности организации в двух проявлениях: как производственной структуры и социального образования. Разработана структурно-логическая схема соответствия критериев и показателей эффективности организации, определяющая доминантные показатели управления по производственному и социальному блоку эффективности организации. Выделены ключевые показатели управления эффективностью предприятия нефтегазового комплекса.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, критерии эффективности, производственная эффективность, социальная эффективность, критериальные показатели, индикаторы, статус, подходы к управлению

Для цитирования: Идрисова З. Н., Ситдииков А. Т. Критерии оценки эффективности деятельности нефтегазовых предприятий // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 63–71. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-63-71>.

Research article

CRITERIA FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF OIL AND GAS ENTERPRISES

Zemfira N. Idrisova^{1✉}, Aydar T. Sitdikov²

¹Institute of Economics and Management, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, Idrisowa_ZN@mail.ru✉

²Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, ast90@mail.ru

Abstract. The significance of the criteria for evaluating the effectiveness of management in a multifactorial and multivariate corporate structure is shown. It emphasizes the need to take into account industry specifics when defining criteria and criteria for performance indicators. The conditions for the emergence of a synergistic effect at the intersection of the coincidence of the organization's performance in two manifestations are determined: as a production structure and social education. A structural and logical scheme of correspondence between the criteria and indicators of the organization's efficiency has been developed, which determines the dominant indicators of management in the production and social block of the organization's efficiency. The key performance management indicators of an oil and gas complex enterprise have been identified.

Keywords: oil and gas complex, performance criteria, production efficiency, social efficiency, criteria indicators, indicators, status, management approaches

For citation: Idrisova Z. N., Sitdikov A. T. Toolkit for assessing and increasing the efficiency of oil and gas enterprises. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):63–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-63-71>.

В процессе управления интегрированными экономическими системами, крупными производственными комплексами решается комплекс задач, связанных с обоснованием и выбором инструментария, способного обеспечить оптимальный уровень корпоративного управления и разработку механизма эффективного его использования. Обеспечение эффективности означает комбинацию результативности, экономичности, сопоставимого роста, прогрессивных тенденций, достижения уровня удовлетворенности деятельностью всех стейкхолдеров.

При решении подобного рода вопросов немаловажным является определение критериев оценки эффективности управления в многофакторной и многовариантной корпоративной структуре, что и составляет предмет исследований в данной статье.

Большинством авторов [1–6] утверждается, что критерий эффективности определяется качеством управленческих решений и должен устанавливать соответствие между эффектом и требуемым результатом. Справедливым представляется тезис необходимости учета особенностей деятельности организации.

С учетом мнения А. А. Васильевой [7] специфика объекта наших исследований — нефтегазового комплекса (НГК) определяется:

1) длительными сроками реализации проектов: 15–30 лет и более;

2) значительным объемом необходимых капитальных вложений (\$ 100–1000 млн США и более) и эксплуатационных затрат (на практике в среднем 3–5% ежегодно от суммы освоенных капитальных вложений);

3) особенностями существующей лицензионной системы недропользования, согласно которой компания приобретает не нефтегазовый участок недр, а право на разведку и добычу нефти или газа с лицензионного участка. То есть существует вероятность потери лицензии на месторождение в случае невыполнения условий по срокам ввода в эксплуатацию, объемам проведения геологоразведочных ра-

бот и утвержденному уровню добычи, а следовательно — вероятность потери вложенных средств в нефтегазовый проект;

4) постоянным ростом налоговой нагрузки (налог на добычу полезных ископаемых (на единицу добытого сырья), экспортная пошлина на нефть);

5) отсутствием гарантии уровня запасов месторождений.

Среди важнейших критериев эффективности развития организации Е. О. Белова [8], С. В. Кочетков [9] и др. считают:

– общую эффективность работы организации как степень достижения ее целей;

– выполнение программы социально-экономического развития и ее соответствие с общегосударственной;

– финансовую обеспеченность организации в пределах ожидаемой результативности;

– соответствие продаж и технологического уровня организации современному укладу и требованиям рынка;

– соответствие работ (услуг) мировым стандартам;

– удовлетворение социальных требований работников;

– соответствие деятельности экологическим требованиям общества.

Поэтому критерии оценки эффективности таких значимых для развития государства технологических комплексов формируются с учетом следующих позиций:

– наличие четко сформулированной цели производственного развития с установлением количественных прогнозных показателей деятельности;

– соответствием цели НГК приоритетам и целям, определенным в прогнозах и программах социально-экономического развития Российской Федерации, государственной программе освоения недр, концепциям и стратегиям отраслевого развития на среднесрочный и долгосрочный периоды;

– сформулированном и документально закреплённом положении о неотрицательном

влиянии и последствиях разработки месторождений соответствующей территории, наличии природоохранных мер.

Для достижения поставленных целей предприятия должны [10]:

- обеспечивать производство продукции (услуг) запланированного качества;
- рационально использовать производственные ресурсы с учетом их взаимозаменяемости;
- следовать разработанной стратегии и корректировать тактику поведения предприятия адаптивно изменениям ситуации на рынке;
- использовать инновационный инструментарий в производстве, организации труда и управлении;
- формировать благоприятный социально-психологический климат в коллективе;
- использовать современные технологии роста конкурентоспособности бизнеса.

В. К. Дедков считает, что для сложных технических систем (к каковым, безусловно, можно отнести НГК) существует три группы критериев эффективности [11]:

- функциональные, характеризующие степень приспособленности систем к выполнению своих обязанностей в соответствии с целями;
- экономические, определяющие стоимость достижения запланированных показателей;
- временные, оценивающие вероятность достижения запланированных результатов в заранее определенные сроки.

При любом раскладе повышение эффективности может означать получение:

- максимального эффекта при неизменных затратах;
- заданного эффекта при минимальных затратах;
- максимального эффекта при минимальных затратах.

Синергия формируется на стыке совпадения результативности применяемых критериев и показателей деятельности анализируемой организации в двух проявлениях: как производственной структуры и социального образования. В практической деятельности синергия оценивается технико-экономическими (финансовыми и квалиметрическими) и социально-психологическими методами (удовлет-

воренность потребителей) с расчетом соответствующих показателей, таких как [12–13]:

– прибыльность (доходы/расходы) (*profitability/benefitburden*) — соотношение между валовыми доходами (или сметой) и суммарными издержками (или фактическими расходами). Традиционно измеряется показателем рентабельности;

– производительность (*productivity*) — соотношение количества продукции и количества затрат труда на выпуск соответствующей продукции (в его числителе содержится элемент действенности, а в знаменателе присутствует элемент экономичности);

– качество трудовой жизни (*quality of work life*) — престижность работы, чувство безопасности, уверенности, удовлетворенности работников, включая управленческий персонал;

– инновации (*innovation*) — использование новых достижений в области современной техники и технологии производства и управления в организациях для достижения поставленных целей.

Ранее исследованиями Н. И. Берзона и Д. И. Дорошиной выделена возможность объединения критериев эффективности в две группы [14]:

1) критерии эффективности организации как производственной структуры: действенность, экономичность, интенсивность и качество труда, оптимальное распределение ресурсов, гибкость, предпринимательская деловая активность, согласованность со стратегией и целями, скорость развития организации и соответствие тенденциям развития рынка;

2) критерии эффективности организации как социального образования: рациональное взаимодействие с внешней средой, социальная адаптация к меняющимся требованиям рынка, соблюдение баланса интересов всех участников, соответствие этике рынка.

Проведенный анализ инструментов управления компаниями позволил нам сформировать структурно-логическую схему соответствия критериев и целевых показателей эффективности организации с рассмотрением деятельности организации как производственной структуры и социального образования (рис. 1). За основу взяты исследования, проведенные Bain & Company с 1993 года и презентованные Дарреллом Ригби [15].

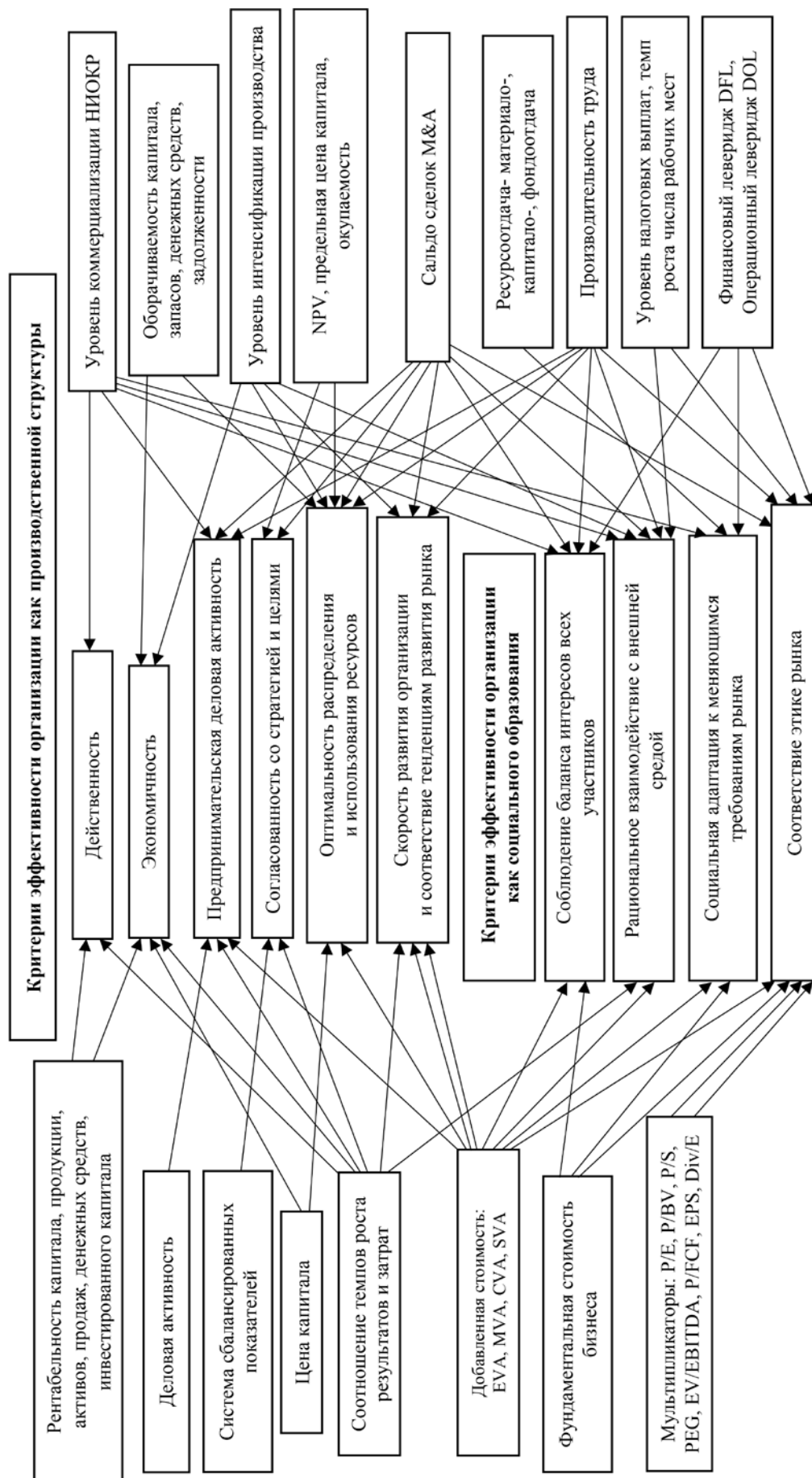

Рисунок 1 — Структурно-логическая схема соответствия критериев и показателей эффективности организации
Figure 1 — Structural and logical diagram of the compliance criteria and performance indicators of the organization

Каждому критерию соответствуют определенные показатели. Так критерию действенности соответствуют показатели рентабельности капитала, продукции, активов, продаж, денежных средств, инвестированного капитала, с одной стороны, а в стратегическом плане — уровень коммерциализации НИОКР, с другой стороны.

По отдельным производственным критериям идет сильное переплетение показателей с показателями, отражающими в большей степени эффективность по социальным критериям. Наиболее сильным и множественным является такое взаимовлияние по критерию «Рациональное взаимодействие с внешней средой».

По значимости выделены три уровня инструментов: первый-второй — границей служит средневзвешенное количество баллов из всей совокупности, второй-третий — границей является резкий переход балльной оценки. По рисунку 1, наибольшее число связей, проявляющееся как в производственной так и социальной структуре бизнеса выявлено для показателей «Соотношение темпов роста результатов и затрат», «Добавленной стоимости», «Производительность труда», «Сальдо сделок M&A» и «Уровень коммерциализации НИОКР». То есть для оценки эффективности организации наиболее информативными выступают именно выделенные показатели.

Все показатели синергетически объединяются по критерию «Скорость развития организации и соответствие тенденциям развития рынка» в производственном блоке, а первые четыре показателя — по критерию «Рациональное взаимодействие с внешней средой» в социальном блоке.

По показателям «Уровень коммерциализации НИОКР», «Сальдо сделок M&A» и «Производительность труда» синергия в производственном блоке совпадает по критерию «Предпринимательская деловая активность» с показателем «Соотношение темпов роста результатов и затрат», по критерию «Оптимальность распределения ресурсов» синергия в производственном блоке совпадает с показателем «Добавленная стоимость» для показателей «Уровень коммерциализации НИОКР» и «Производительность труда».

По этому же показателю «Уровень коммерциализации НИОКР» синергия в социальном блоке с показателями «Добавленная стоимость» и «Производительность труда» по критериям «Соблюдение баланса интересов всех участников», «Рациональное взаимодействие с внешней средой» и «Социальная адаптация к меняющимся требованиям рынка». Добавление по социальному блоку удовлетворения по критерию «Социальная адаптация к меняющимся требованиям рынка» повышает возможности последующего более гибкого эффективного управления бизнесом через воздействие на показатели «Уровень коммерциализации НИОКР», «Производительность труда» и «Добавленная стоимость».

Показатель «Сальдо сделок M&A» требует также соответствия по показателю этики рынка, то есть обозначенный показатель является более волатильным и предъявляет повышенные требования к личностям собственников и топ-менеджмента.

Обобщенная логически обработанная информация по критериям и индикативным показателям с выделением статуса критериев для деятельности компаний НГК представлена в таблице 1.

Наибольшее количество связей по производственному блоку и социальному блоку критериев выявлено для показателя «Производительность труда». Следовательно, именно показатель «Производительность труда» можно рассматривать в качестве объединяющего по двум критериям эффективности.

Наибольшее число связей по социальному блоку выделено для показателя «Добавленная стоимость». Следовательно, именно показатель «Добавленная стоимость» можно рассматривать в качестве обобщающего по социальному блоку.

Резюмируя, следует сказать, что методическим подходом к оценке эффективности НГК может быть подход к нему как к крупной промышленной структуре — территориально-производственному комплексу. Потребность в устойчивости и рациональности определяет вектор управления эффективностью в сторону формирования социально-экономического оптимума. То есть эффективность управления производством должна максимально сочетаться с социальной эффективностью.

Таблица 1 — Характеристичные критериальные показатели деятельности НГК и соответствующие им показатели-индикаторы

Критериальные показатели	Показатели индикаторы	Результат, статус
Производственный блок		
Скорость развития организации и соответствие тенденциям развития рынка	Добавленная стоимость: EVA, MVA, CVA, SVA	Ключевой
	Уровень интенсификации производства	
	Ресурсоотдача- материало-, капитало-, фондоотдача	
	Производительность труда	Ключевой
	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Сальдо сделок M&A	
	Соотношение темпов роста результатов и затрат	
Предпринимательская деловая активность	Соотношение темпов роста результатов и затрат	
	Ресурсоотдача- материало-, капитало-, фондоотдача	
	Производительность труда	Ключевой
	Уровень интенсификации производства	
	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Деловая активность	
	Оборачиваемость капитала, запасов, денежных средств и т. д.	
Оптимальное распределение ресурсов	Добавленная стоимость	Ключевой
	NPV, предельная цена капитала, окупаемость	
	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Ресурсоотдача- материало-, капитало-, фондоотдача	
	Производительность труда	Ключевой
Социальный блок		
Соблюдение баланса интересов всех участников	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Сальдо сделок M&A	
	Добавленная стоимость	Ключевой
	Уровень налоговых выплат, темп роста числа рабочих мест	
	Производительность труда	Ключевой
Рациональное взаимодействие с внешней средой	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Сальдо сделок M&A	
	Добавленная стоимость	Ключевой
	Уровень налоговых выплат, темп роста числа рабочих мест	
	Фундаментальная стоимость бизнеса	
	Производительность труда	Ключевой
Социальная адаптация к меняющимся требованиям рынка	Уровень коммерциализации НИОКР	
	Добавленная стоимость	Ключевой
	Мультипликаторы: P/E, P/BV, P/S, PEG, EV/EBITDA, P/FCF, EPS, Div/E	
	Ресурсоотдача- материало-, капитало-, фондоотдача	
	Производительность труда	Ключевой

Другими словами, системность подхода определяет необходимость двойственности трактовки категории эффективности в сочетании показателей по производственному и социальному блоку.

С одной стороны, как системное образование эффективность исходит из системы общественного производства и описывается комплексом производственных показателей.

С другой стороны, системный подход требует учета специфических социальных функций категории эффективности с отражением ценностной ориентации социальной (общественной) эффективности.

Более того, именно социальная эффективность, реализованная через описывающие ее показатели и основанная на производственной эффективности, должна выступать приоритетной основной целью развития НГК.

Синергетически оба блока организации — производственный и социальный — объединяются в значении отдельных показателей «Соотношение темпов роста результатов и затрат», «Производительность труда», «Добавленная стоимость», «Уровень коммерциализации НИОКР, «Сальдо сделок М&А».

По статусу и срочности значимость показателей эффективности различна.

Показатели «Добавленная стоимость», «Уровень коммерциализации НИОКР», «Сальдо сделок М&А» относятся к более долгосрочным, стратегическим показателям. Для своего наиболее эффективного проявления они требуют соответствия деятельности организации ре-

гламентам публичности и согласованности со стратегией и целями организации.

Показатели «Соотношение темпов роста результатов и затрат» и «Производительность труда» более характеризуют операционную деятельность организации и проявляются в краткосрочном периоде.

Наибольшее число связей выделено по обоим блокам в равной степени (по 4) для показателя «Производительность труда». Следовательно, именно этот показатель можно считать наиболее гармонично объединяющим показатели производственной и социальной эффективности в краткосрочной перспективе.

Наибольшее число связей, в целом, выделено для критериев «Скорость развития организации и соответствие тенденциям развития рынка», «Предпринимательская деловая активность» и «Согласованность со стратегией и целями». В социальном блоке это критерии «Рациональное взаимодействие с внешней средой», «Социальная адаптация к меняющимся требованиям рынка», «Соблюдение баланса интересов всех участников».

Таким образом, для эффективного функционирования приоритетами в краткосрочной перспективе в производственном блоке выступает интенсификация деятельности при рациональном использовании ресурсов, в долгосрочной в социальном блоке — гибкость, искусство управления. Отсюда следует, что совокупная синергия в социальном и производственном блоках возможна только по вектору интенсификации и гибкости управления.

Список источников

1. Афанасьева А. А. Оценка эффективности деятельности нефтегазодобывающего предприятия по системе ключевых показателей эффективности (KPI) // Молодой ученый. 2017. № 31 (165). С. 27–30.
2. Марр Б. Ключевые показатели эффективности. 75 показателей, которые должен знать каждый менеджер. М. : Бинوم. Лаборатория знаний, 2014. 344 с.
3. Курепова А. М., Юва Д. С. Обоснование выбора показателей оценки эффективности деятельности компаний на примере нефтегазовой отрасли // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2019. Т. 2, № 5. С. 257–265.
4. Болодурина М. П., Конышева К. А. Система показателей оценки эффективности деятельности предприятий в составе нефтегазового холдинга // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 35 (290). С. 48–59.
5. Филимонова И. В. Эффективность работы нефтегазового комплекса России // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2019. Т. 2, № 5. С.138–146.
6. Филимонова И. В., Комарова А. В. Факторный анализ экономической эффективности нефтегазовой отрасли России // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 204–217.
7. Васильева А. А. Использование ключевых показателей эффективности при проведении оценки инвестиционных проектов по добыче нефти и газа. СПб. : Изд-во СПб. гос. экон. ун-та, 2008. С. 143–145.

8. Белова Е. О. Методы оценки успешности развития организации // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 5-1. С. 121–125.
9. Кочетков В. В., Ратушняк Е. С. Показатели оценки эффективности управления // Управление экономическими системами : электрон. науч. журнал. 2017. № 3. 19 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28882276>
10. Кан Е. Д. Подходы и методы оценки эффективности деятельности предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 4. С. 123–128.
11. Дедков В. К. Принципы формирования критериев и показателей эффективности функционирования сложных технических систем // Надежность и качество сложных систем. 2013. № 4. С. 3–8.
12. Буренина И. В., Варакина В. А. Система единых показателей оценки эффективности деятельности вертикально-интегрированных нефтяных компаний // НАУКОВЕДЕНИЕ : интернет-журнал. 2014. Вып. 1 (январь–февраль). 23 с. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/12EVN114.pdf>
13. Шибаева Н. А. Методы оценки эффективности социальных инвестиций // Проблемы управления. 2008. № 3. С. 64–68.
14. Берзон Н. И., Дорошина Д. И. Особенности применения показателей эффективности финансовых инвестиций // Финансы и кредит. 2012. № 14 (494). С. 21–33.
15. Сиддл Р., Ригби Д. Какие управленческие механизмы наиболее популярны? // Экономические стратегии. 2002. Т. 4, № 3 (17). С. 68–75.

References

1. Afanas'eva A. A. Evaluation of the efficiency of an oil and gas producing enterprise according to the system of key performance indicators (KPI). *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2017;31(165):27–30. (In Russ.).
2. Marr B. Key performance indicators. 75 metrics every manager should know. Moscow: Binom. Knowledge Laboratory; 2014. 344 p.
3. Kurepova A. M., Yuva D. S. Substantiation of the choice of indicators for evaluating the effectiveness of companies' activities on the example of the oil and gas industry. *INTERE`KSPO GEO-SIBIR` = INTEREXPO GEO-SIBERIA*. 2019;2(5):257–265. (In Russ.).
4. Bolodurina M. P., Konyshva K. A. System of indicators for evaluating the effectiveness of enterprises as part of an oil and gas holding. *E`konomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2012;35(290):48–59. (In Russ.).
5. Filimonova I. V. Efficiency of the Russian oil and gas complex. *INTERE`KSPO GEO-SIBIR` = INTEREXPO GEO-SIBERIA*. 2019;2(5):138–146. (In Russ.).
6. Filimonova I. V., Komarova A. V. Factor analysis of the economic efficiency of the oil and gas industry in Russia. *Vestnik PNIPU. Social`no-e`konomicheskie nauki = Vestnik PSTU. Socio-economic sciences*. 2019;(4):204–217. (In Russ.).
7. Vasilyeva A. A. Use of key performance indicators in assessing investment projects for oil and gas production. Saint Petersburg: SPb. State Economic University; 2008. P. 143–145. (In Russ.).
8. Belova E. O. Methods for assessing the success of an organization's development. *Aktual`ny`e voprosy` e`konomicheskix nauk = Actual Issues of Economic Sciences*. 2009;(5-1):121–125. (In Russ.).
9. Kochetkov V. V., Ratushnyak E. S. Indicators of management efficiency assessment. *Upravlenie e`konomicheskimi sistemami: e`lektron. nauch. zhurnal = Management of Economic Systems: electronic scientific journal*. 2017. No. 3. 19 p. (In Russ.). Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28882276>
10. Kan E. D. Approaches and methods for assessing the effectiveness of an enterprise's activity. *E`konomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2018;(4):123–128. (In Russ.).
11. Dedkov V. K. Principles of formation of criteria and indicators of the effectiveness of the functioning of complex technical systems. *Nadezhnost` i kachestvo slozhny`x sistem = Reliability and Quality of Complex Systems*. 2013;(4):3–8. (In Russ.).
12. Burenina I. V., Varakina V. A. A system of unified indicators for evaluating the effectiveness of vertically integrated oil companies. *NAUKOVEDENIE : internet-zhurnal = Science of Science: internet journal*. 2014;1:1–23. (In Russ.). Available from: <https://naukovedenie.ru/PDF/12EVN114.pdf>
13. Shibaeva N. A. Methods for assessing the effectiveness of social investments. *Problemy` upravleniya = Problems of Management*. 2008(3):64–68. (In Russ.).
14. Berzon N. I., Doroshina D. I. Features of the application of indicators of the effectiveness of financial investments. *Finansy` i kredit = Finance and Credit*. 2012;14(494):21–33. (In Russ.).
15. Siddle R., Rigby D. What are the most popular management mechanisms? *E`konomicheskie strategii = Economic strategies*. 2002;4(3(17)):68–75. (In Russ.).

Информация об авторах

З. Н. Идрисова — кандидат биологических наук, доцент;
А. Т. Ситдилов — магистрант.

information about authors

Z. N. Idrisova — Candidate of Science (Biological), Associate Professor;
A. T. Sitdikov — Master's student.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 72–77.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):72–77.

Научная статья
УДК 338.242.1
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-72-77

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОСИСТЕМЫ

Юлия Викторовна Ходковская^{1✉}, Гузель Гизаровна Карачурина²,
Айгуль Эдуардовна Гилязова³

^{1,2,3}Уфимский государственный нефтяной технический университет

¹khodkovskiy@bk.ru✉, ORCID: 0000-0003-0112-9087

²karachurina@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0009-8998

³aigul_gilyazova7@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты устойчивого развития экосистемы региона на основе ценностно-ориентированного подхода, декларирующего обеспечение экономической и общественной ценности. Доказывается, что реализация целей устойчивого развития регионов требует учета межотраслевых процессов для обеспечения согласованности проводимой политики. Проведен критический анализ используемых в российской и зарубежной практике подходов к классификации и оценке регионов по уровню социально-экономического развития. Предложены модели регионального управления экосистемой с учетом императивов устойчивого развития, обозначены факторы и показатели, определяющие экономическую и общественную ценность равновесного развития экосистемы региона.

Ключевые слова: экосистема региона, концепция устойчивого развития, ценностно-ориентированный подход, экономическая и общественная ценность, управление

Для цитирования: Ходковская Ю. В., Карачурина Г. Г., Гилязова А. Э. Региональное управление устойчивым развитием экосистемы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 72–77. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-72-77>.

Research article

REGIONAL MANAGEMENT OF SUSTAINABLE ECOSYSTEM DEVELOPMENT

Yulia V. Khodkovskaya^{1✉}, Guzel G. Karachurina², Aigul E. Gilyazova²

^{1,2,3}Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

¹khodkovskiy@bk.ru✉, ORCID: 0000-0003-0112-9087

²karachurina@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0009-8998

³aigul_gilyazova7@mail.ru

Abstract. The article discusses aspects of sustainable development of the ecosystem of the region on the basis of a value-oriented approach declaring the provision of economic and social value. It is proved that the implementation of the sustainable development goals of the regions requires consideration of intersectoral processes to ensure policy coherence. A critical analysis of the approaches used in Russian and foreign practice to classify and evaluate regions according to the level of socio-economic development is carried out. The models of regional ecosystem management are proposed taking into account the imperatives of sustainable development, factors and indicators that determine the economic and social value of the equilibrium development of the ecosystem of the region are indicated.

Keywords: the ecosystem of the region, the concept of sustainable development, value-oriented approach, economic and social value, management

For citation: Khodkovskaya Y. V., Karachurina G. G., Gilyazova A. E. Regional management of sustainable ecosystem development. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-72-77>.

Шестой технологический уклад экономики как новая реальность жизнедеятельности обозначил приоритетность решения проблем экологической и социальной направленности над экономическими. Получившие распространение в предпринимательской среде цифровые технологии ускорили темпы производства, существенно сократили затраты компаний, сопряженные с финансово-хозяйственной деятельностью, обеспечили увеличение прибыли, рост капитализированной стоимости бизнеса. Одновременно возросли риски нарушения экосистемы, увеличилось число аварий, техногенных катастроф, последствия которых наносят невосполнимый ущерб экологии. Поэтому важным становится не только предотвращение негативного воздействия на экосистему, но и выстраивание взаимоотношений государства, общества и предпринимательской среды на основе ценностно-ориентированного управления, декларирующего новый подход в менеджменте в рамках обеспечения экономической и общественной ценности.

Потребность обеспечения экономической и общественной ценности объясняется переоценкой ценностей в обществе. Фокусом реализуемых концепций, программ стратегического развития регионов становится не только достижение индикаторов, максимизирующих экономическую прибыль, экономический рост, но и учет экологических ограничений, общественной значимости производимых благ.

Проблема экономической и общественной ценности освещается в рекомендациях «Предпочтительные элементы отчетности для систематических обзоров и метаанализов» (PRISMA), аналитическом подходе рекурсивной абстракции контента (RCA) и других руководящих документах Организации Объединенных Наций, Организации экономического сотрудничества и развития, в которых утверждается, что вся проблема устойчивого разви-

тия базируется на трехмерных отдельных, но взаимосвязанных столпах: окружающая среда, экономика и общество [1–2]. Соответственно, реализация целей устойчивого развития регионов требует учета межотраслевых процессов для обеспечения согласованности проводимой политики.

Ряд исследователей отмечают, что практическое достижение целей устойчивого развития регионов возможно при наличии дорожной карты региона, применимости ее к конкретным контекстам и полезности для разработки политических стратегий, согласованного планирования и реализации [3]. В этой связи научным сообществом выработана система индикаторов оценки устойчивости развития экономики, например, «Индикаторы мирового развития», «Краткий зеленый справочник» и др.

В настоящее время выделяют наиболее распространенные подходы к классификации регионов по уровню развития, опираясь на: 1) расчет агрегированного индикатора, учитывающего социальные, экономические и экологические критерии; 2) формирование системы индикаторов, оценивающих отдельные аспекты устойчивости региона (институциональный, экономический, социальный и др.). Однако отдельные индикаторы не учитывают ресурсную деградацию в регионах, истощение природного капитала, а методики определения ряда локальных индикаторов не содержат оценку саморазвития региональной инфраструктуры, экологического резерва региона.

Зарубежная практика регионального управления подтверждает нецелесообразность использования единого индикатора в получении достоверной оценки состояния региона в связи с тем, что многие экономические и социальные характеристики определяются, исходя из значений ВВП/ВРП [4–5]. Например, индекс устойчивого развития (FEEM-индекс), который рассматривает многомерную структуру устой-

чивого развития региона путем комбинирования соответствующих показателей, относящихся к экономическим, социальным и экологическим составляющим [6].

Следовательно, необходим адекватный научно обоснованный подход, учитывающий ключевые детерминанты регионального развития, измеряющие не только текущее состояние региона, но и поступательную динамику роста для одновременного рассмотрения многих индикаторов, их потенциального взаимодействия и компромиссов, а также в целом последствий экономического развития, управленческих решений. Важным остается измерение общей устойчивости при альтернативных сценариях по регионам и во времени [7].

Реализуемая концепция долгосрочного развития Российской Федерации «Стратегия 2030» содержит рекомендации по формированию региональных стратегий с учетом индивидуальных экономических, ресурсных и иных особенностей регионов по формированию безопасной экосреды, что подтверждают установленные индикаторы.

Анализ региональных тенденций устойчивого развития субъектов Российской Федерации за последние пять лет (2017–2021 годы) позволил установить, что рейтинг социально-экономического положения регионов, социальной ориентированности бюджетов возглавляют города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и др. [8]. Однако в Национальном экологическом рейтинге указанные выше субъекты Российской Федерации (кроме Москвы) не входят в топ-10, лидерами которого являются Тамбовская, Белгородская, Курская области, Республика Алтай, Чувашская Республика и др. [9]. Рейтинг социального благополучия регионов России демонстрирует, что в топ-10 входят Магаданская и Сахалинская области, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Москва [10]. Можно отметить, что формируемые рейтинги достаточно глубоко оценивают экономическую и экологическую составляющую регионов, однако социальный индекс базируется лишь на одном показателе — средней заработной плате и не позво-

ляет в полной мере обеспечить объективную оценку социальной составляющей региона. По мнению авторов, система рейтинговой оценки должна включать измерение экономической и общественной ценностей на уровне региона с учетом региональной специализации.

В стратегии «Европа 2030» вектором устойчивого развития экосистемы региона обозначена «умная региональная специализация», концепт которой традиционно имеет три измерения: «умный», устойчивый и «инклюзивный» экономический рост, что соответствует перспективным направлениям российской региональной экономики. Применяя «умную специализацию», региональная стратегия должна выстраиваться с учетом конкурентных преимуществ и недостатков, а также существующего потенциала того или иного региона [11–12]. Принимая во внимание множественность форм регионального управления, для измерения экономической и общественной ценности можно применять такие императивы устойчивого развития экосистемы региона, как «эколого-экономический», «природно-ресурсный», «социокультурный», включающие степень развития и потенциал экосистемы региона [7]. Авторами сформированы модели регионального управления экосистемой (рис. 1–3).

Представленные модели доказывают возможность реализации принципа равновесного развития экосистемы региона, при котором удовлетворение потребностей общества не нарушило бы экологическую среду и не ставился бы под сомнение вопрос о существовании человека как биологического вида, общественного, свободного и мыслящего субъекта [13]. Таким образом, предложенный подход к управлению региональной экосистемой на основе ценностно-ориентированного подхода позволит выделить приоритетность целей развития региона с учетом его ориентации, сформировать систему индикаторов, измеряющих экономическую и общественную ценность, сбалансировать составляющие устойчивого развития региона, определив стратегические направления сохранения и восстановления экосистемы.

Рисунок 1 — Региональное управление экосистемой с учетом «эколого-экономического» императива

Figure 1 — Regional management of the ecosystem, taking into account the "environmental-economic" imperative

Рисунок 2 — Региональное управление экосистемой с учетом «природно-ресурсного» императива

Figure 2 — Regional Ecosystem Management Taking into Account the "Natural Resource" Imperative

Рисунок 3 — Региональное управление экосистемой с учетом «социокультурного» императива

Figure 3 — Regional management of the ecosystem, taking into account the "socio-cultural" imperative

Список источников

1. Mensah J. Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action // Literature review. Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1.
2. Ranta V., Aarikka-Stenroos L., Väisänen J. Digital technologies catalyzing business model innovation for circular economy : multiple case study // Resources, Conservation and Recycling. 2021. Vol. 164. P. 105–155.
3. Breuer A, Janetschek H, Malerba D. Translating Sustainable Development Goal (SDG) Interdependencies into Policy Advice // Sustainability. 2019. No 11(7). P. 2092.
4. Brandsen T., Ecchia G., Eschweiler J. et al. Co-creating a Social Innovation Research Agenda for Europe, Social Innovation Europe/EMES Network. 2016. URL: <https://www.researchgate.net/publication/272566592>
5. Wu H., Shi Y., Xia, Q., Zhu W. (2014). Effectiveness of the policy of circular economy in China: A DEA-based analysis for the period of 11th five-year-plan // Resources, Conservation and Recycling. 2014. Vol. 83. P. 163–175.
6. Campagnolo L., Carraro C., Eboli F. The Ex-Ante Evaluation of Achieving Sustainable Development Goals // Social Indicators Research. 2018. Vol. 136. P. 73–116.
7. Ходковская Ю. В. Циркулярная экономика: императивы устойчивого развития экосистемы региона / Ю. В. Ходковская, О. Е. Малых, И. И. Фазрахманов и др. // ЦИТИСЭ. 2022. № 2. С. 507–518.
8. Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html>. Дата публикации: 16.05.2022.
9. Национальный экологический рейтинг регионов. Экологические итоги лета 2021 года // Зеленый патруль : сайт. URL: <https://www.greenpatrol.ru/ru/novosti/nacionalnyy-ekologicheskii-reyting-regionov-ekologicheskie-itogi-leta-2021-g> . Дата публикации: 15.09.2021.
10. Хорошо живут: ЯНАО, Москва и Магадан лидируют по благополучию // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1352170/natalia-bashlykova/khorosho-zhivut-ianao-moskva-i-magadan-lidriuiut-po-blagopoluchiiu>. Дата публикации: 20.06.2022.
11. Карачурина Г. Г. Факторы и условия обеспечения устойчивого развития региона в современной экономике // Инновации и инвестиции. 2011. № 1. С. 141–144.
12. Manolov G. A Smart specialization strategy for sustainable development of regions // Strategy for intellectual specialization of sustainable development of regions : collection of works of the 1st Conference on sustainable development: industrial future of territories, IFT (Yekaterinburg, September 28–29, 2020) /

G. Manolov, D. Orlova, J. Khodkovskaya [et al.]. EDP Sciences, 2020 : электр. версия. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/68/e3sconf_ift2020_08009.pdf

13. Кимова С. З., Бахаровская Е. В., Томских М. С. Качество жизни и экологические проблемы современного общества // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10(101). С. 38–46.

References

1. Mensah J. Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action. *Literature review. Cogent Social Sciences*. 2019;5(1).

2. Ranta V., Aarikka-Stenroos L., Väisänen J. Digital technologies catalyzing business model innovation for circular economy : multiple case study. *Resources, Conservation and Recycling*. 2021;164:105–155.

3. Breuer A, Janetschek H, Malerba D. Translating Sustainable Development Goal (SDG) Interdependencies into Policy Advice. *Sustainability*. 2019;11(7):2092.

4. Brandsen T., Ecchia G., Eschweiler J. et al. Co-creating a Social Innovation Research Agenda for Europe, Social Innovation Europe/EMES Network. 2016. Available from: <https://www.researchgate.net/publication/272566592>

5. Wu H., Shi Y., Xia, Q., Zhu W. (2014). Effectiveness of the policy of circular economy in China: A DEA-based analysis for the period of 11th five-year-plan. *Resources, Conservation and Recycling*. 2014;83:163–175.

6. Campagnolo L., Carraro C., Eboli F. The Ex-Ante Evaluation of Achieving Sustainable Development Goals. *Social Indicators Research*. 2018;136:73–116.

7. Khodkovskaya Yu. V. Tech. Circular Economy: Imperatives for Sustainable Development of the Region's Ecosystem / Yu. V. Khodkovskaya, O. E. Malykh, I. I. Fazrakhmanov [at al.]. *CITISE` = CITISE*. 2022;2:507–518. (In Russ.).

8. Rating of the socio-economic situation of the regions. RIA news : site. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html>. Publication date: May 16, 2022.

9. National ecological rating of regions. Ecological results of the summer of 2021. Green patrol : site. (In Russ.). Available from: <https://www.greenpatrol.ru/ru/novosti/nacionalnyy-ekologicheskij-reyting-regionov-ekologicheskie-itogi-leta-2021-g>. Publication date: September 15, 2021.

10. They live well: YaNAO, Moscow and Magadan are leading in terms of well-being. *Izvestiya = News : site*. (In Russ.). Available from: <https://iz.ru/1352170/natalia-bashlykova/khorosho-zhivut-ianaos-moskva-i-magadan-lidiruiut-po-blagopoluchiiu>. Publication date: June 20, 2022.

11. Karachurina G. G. Factors and conditions for ensuring sustainable development of the region in the modern economy. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2011;(1):141–144. (In Russ.).

12. Manolov G. A Smart specialization strategy for sustainable development of regions. Strategy for intellectual specialization of sustainable development of regions : collection of works of the 1st Conference on sustainable development: industrial future of territories, IFT (Yekaterinburg, September 28–29, 2020) / G. Manolov, D. Orlova, J. Khodkovskaya [et al.]. EDP Sciences, 2020 : electronic version. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/68/e3sconf_ift2020_08009.pdf

13. Kimova S. Z., Bakharovskaya E. V., Tomskikh M. S. Quality of life and environmental problems of modern society. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Transbaikalian State University*. 2013;10(101):38–46. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Ходковская — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития;

Г. Г. Карачурина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития;

А. Э. Гилязова — магистрант.

Information about authors

Yu. V. Khodkovskaya — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Strategic Development;

G. G. Karachurina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Strategic Development;

A. E. Gilyazova — Master's student.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 78–81.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):78–81.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Научная статья
УДК 349.41(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-78-81

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ГЕОПАРКАХ

Игорь Александрович Владимиров¹, Радмир Аузагиевич Иксанов²

¹Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, Россия, docentufa@mail.ru

²Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, iksanov333@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования обеспечения и сохранения геологического разнообразия в геопарках Российской Федерации. Исследуются отдельные вопросы правового режима геопарков, роль местного населения в развитии геологических объектов, расположенных на территории геопарков, сохранения геологического наследия на данных территориях. Раскрывается тезис о том, что высокий уровень геологического разнообразия Российской Федерации обуславливает трудности выработки конкретных критериев, связанные с действиями и масштабами сохранения геологического наследия в России. Вопрос геологического сохранения в геопарках является нерешенным вопросом. Имеющиеся правовые и административные инструменты могут предложить пути развития геологического сохранения, а также правильное применение стратегий, связанных с процессами планирования использования ресурсов геопарка.

Ключевые слова: геопарк, геотуризм, глобальный геопарк, законодательство, геологическое разнообразие, геологическое наследие

Для цитирования: Владимиров И. А., Иксанов Р. А. Проблемы правового обеспечения развития геологического разнообразия в геопарках // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 78–81. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-78-81>.

LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY

Research article

ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF THE DEVELOPMENT OF GEOLOGICAL DIVERSITY IN GEOPARKS

Igor A. Vladimirov¹, Radmir A. Iksanov²

¹Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia, docentufa@mail.ru

²Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, iksanov333@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation of the provision and conservation of geological diversity in geoparks of the Russian Federation. Some issues of the legal regime of geoparks, the role of the local population in the development of geological objects located on the territory of geoparks, and the preservation of the geological heritage in these territories are investigated. The thesis is revealed that the high level of geological diversity of the Russian Federation makes it difficult to develop specific criteria related to the actions and extent of the conservation of the geological heritage in Russia. The issue of geological conservation in Geoparks is an unresolved issue. Available legal and administrative instruments

can suggest ways to develop geological conservation, as well as the proper application of strategies related to planning processes for the use of Geopark resources.

Keywords: geopark, geotourism, global geopark, legislation, geological diversity, geological heritage

For citation: Vladimirov I. A., Iksanov R. A. Issues of legal support of the development of geological diversity in geoparks. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):78–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-78-81>

В настоящее время общественные отношения в сфере создания и функционирования геопарков оказывают значительное влияние на общество, цивилизацию и культурное разнообразие нашей планеты. Геопарки и иные геологические объекты привлекают внимание как самостоятельные объекты правовых отношений, представляющие ценность для сохранения и управления в рамках стратегий сохранения природы.

Многие международные инициативы направлены на управление и защиту георазнообразия с использованием целостного подхода к охране природы. Основная цель геопарков состоит в улучшении и расширении признания, защиты, сохранения и популяризации их геологических и геоморфологических особенностей. Интерес в создании и функционировании геопарков также касается содержащихся в них биологических элементов и культурных объектов.

Геопарки расширяют возможности местного населения, проживающего на сельских территориях, и предоставляют возможность сельскому населению развивать сплоченные партнерские отношения с общей целью продвижения важных геологических процессов, особенностей, периодов времени, исторических тем, связанных с геологией, или выдающихся геологических красот. Геопарки различного уровня создаются в рамках процесса повышения правового статуса с участием всех соответствующих местных и региональных заинтересованных сторон и органов власти на данной территории.

Процесс получения территорией статуса геопарка требует твердой приверженности со стороны местных сообществ, сильного местного многостороннего партнерства при долгосрочной общественной и политической поддержке, а также разработки всеобъемлющей стратегии, которая будет отвечать всем целям сообществ, демонстрируя и защищая геологическое наследие территории.

Цель геопарка связана с тем, чтобы реализовать комплексную концепцию сохранения, образования и устойчивого развития при активном участии местного сообщества в геотуристической деятельности [1]. К числу таких видов деятельности относится геотуристическая деятельность на геологических, экологических и культурных объектах, связанных с геологическими условиями.

Георазнообразие определяется как естественный ареал (разнообразие) геологических (горные породы, минералы, окаменелости), геоморфологических (формы рельефа, топография, физические процессы), почвенных и гидрологических особенностей и считается основой геонаследия и геосохранения. Геопарк развивает ценности георазнообразия посредством продвижения геообразовательной и геотуристической деятельности. Геотуризм в свою очередь является новой междисциплинарной областью, объединяющей науку о Земле и туризм и играющей важную роль в сохранении георазнообразия и содействии развитию устойчивого туризма.

Присоединение к сети геопарков является ключевым шагом для достижения целей, связанных с содействием местному населению, гражданскому обществу, должностным лицам и государственным учреждениям в целях разработки совместного подхода для укрепления сохранения геологического и биологического разнообразия и устойчивого использования нематериальных природных ресурсов (карьеры, ископаемые месторождения, геоматериалы и др.) путем обеспечения снижения рисков их полного исчезновения и экологических рисков в гармонии с экосоциальной деятельностью и мышлением о благополучии будущих поколений. Следующей целью присоединения к сети глобальных геопарков является разработка маршрутов для туристических, геологических, геоморфологических, археологических, научных и экологических маршрутов,

а также развитие отношений с населением и гражданским обществом и повышение привлекательности геопарков для отечественных и иностранных посетителей.

Продвижение туризма необходимо для сохранения геологического наследия и интеграции других основных туристических продуктов, таких как: ландшафтный, спелеологический, пеший, культурный, духовный, приключенческий туризм, компоненты ремесленного туризма, культурно-образовательный туризм (научное посредничество, популяризация туризма в геопарках).

В последние годы возросла осведомленность об охране геологического наследия в геопарках, и она становится центральной концепцией в дискуссиях об устойчивом развитии и планировании землепользования [2]. Землепользование в геопарках представляет собой составной элемент природного георазнообразия, который имеет не только научный интерес к пониманию истории Земли, но и эстетические, экономические, исторические, культурные и образовательные ценности.

Термин «сохранение геологического разнообразия» в основном ассоциировался с историческими, археологическими памятниками и местами исключительного биоразнообразия [3]. После провозглашения прав на память земли в 1990 году во Франции и развития крупных международных институтов и организаций (например, Европейская сеть геопарков, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Глобальная сеть геопарков), это понятие быстро расширилось и проявилось в десятках проектов и публикаций по инвентаризации, оценке и популяризации всемирного геологического наследия.

Несмотря на прогресс в процессах создания и функционирования геопарков по всему миру, геотуризм все еще недостаточно развит, неизвестен широкой публике и сдерживается рядом барьеров, в частности отсутствием инвентаризационных работ по геологическому наследию в на территории регионов, где располагается геопарк, а также отсутствием привлекательной для посетителей картографии и невозможностью перемещения по территории геопарков и отсутствием мер по совер-

шенствованию доступности туристических услуг, которые привлекают больше туристов.

Объекты, включенные в список ЮНЕСКО (включая объекты всемирного наследия, биосферные заповедники), должны стать образцовыми объектами для инклюзивного глобального подхода к экологическим, экономическим и социальным аспектам устойчивого развития. С этой целью установлены два показателя эффективности геопарков, связанных с использованием геопарков в качестве демонстрационных площадок для решений в области устойчивого развития с упором на продвижение и развитие слабозащищенных категорий местного населения, а также использование геопарков в качестве всеобъемлющей сети обсерваторий для обеспечения устойчивости к изменению климата и стихийным бедствиям.

Субъекты Российской Федерации, в частности Республика Башкортостан, имеют исключительную геотуристическую ценность. В регионах России существуют геопарки, которые обладают большими ценностями для развития туризма, а также дают возможность сохранить региональным ценностям геологического наследия [4]. На законодательном уровне необходимо закрепить возможности для развития туризма на территории геопарков в субъектах Российской Федерации, а также предусмотреть механизм размещения информации для осведомленности туристов о туристических услугах, предоставляемых в геопарках и порядка их использования в целях развития туризма в регионе.

Развитие туризма в геопарках представит новые возможности трудоустройства и рабочие места для жителей муниципальных районов субъектов Российской Федерации. Необходимо пересмотреть направления трансформации существующего туристического менеджмента и использования исследуемых геопарков местными жителями, а также деятельность органов власти по модификации существующих туристских продуктов за счет продвижения геопарков и улучшения их конкурентоспособности в развитии туризма.

Высокий уровень геологического разнообразия Российской Федерации обуславливает трудности выработки конкретных кри-

териев, связанных с действиями и масштабами сохранения геологического наследия в России. Вопрос геологического сохранения в геопарках является нерешенным вопросом. Имеющиеся правовые и административные инструменты могут предложить пути развития геологического сохранения, а также правильное применение стратегий, связанных с процессами планирования использования ресурсов геопарка. Геопарки играют важную роль

в этом процессе, поскольку они укрепляются в институциональном и территориальном масштабе, из-за масштаба и возможностей координации, которые могут быть созданы государственными структурами управления. Существуют серьезные ограничения для целостного развития геологического наследия в геопарках, однако тенденция и результаты, полученные в последние годы, направлены на улучшение этих условий.

Список источников

1. О геопарке // Геопарк «Янган-Тай»: сайт. URL: <https://geopark-yangantau.ru/o-geoparke/>
2. Лунева Е. В. Реализация права рационального природопользования в развитии экологического каркаса России // Экологическое право. 2021. № 5. С. 16–22.
3. Злотникова Т. В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4 (66). С. 28–46.
4. Лунева Е. В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима // Lex russica (Русский закон). 2021. № 9 (178). С. 32–43.

References

1. About the geopark. Geopark "Yangan-Tau": site. (In Russ.). Available from: <https://geopark-yangantau.ru/o-geoparke/>
2. Luneva E. V. Realization of the right of rational nature management in the development of the ecological framework of Russia. *E`kologicheskoe pravo = Ecological law*. 2021;(5):16–22. (In Russ.).
3. Zlotnikova T. V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal basis for changing environmental legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*. 2021;17(4(66)):28–46. (In Russ.).
4. Luneva E. V. Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime. *Lex russica (Russkij zakon) = Lex russica (Russian law)*. 2021;9(178):32–43. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Владимиров — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права;

Р. А. Иксанов — старший преподаватель кафедры политологии, истории и теории государства и права.

Information about authors

I. A. Vladimirov — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Environmental Law;

R. A. Iksanov — Senior Lecturer of the Department of Political Science, History and Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 82–86.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):82–86.

Научная статья
УДК 349.41(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-82-86

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ГЕОПАРКОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Игорь Александрович Владимиров¹, Радмир Аузагиевич Иксанов²

¹Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, Россия, docentufa@mail.ru

²Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, iksanov333@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности правового положения геопарков в Республике Башкортостан. Исследуются отдельные вопросы правового режима геопарков, роль предпринимательского сообщества в развитии сельских территорий и агротуристических объектов, расположенных на территории геопарков. Обосновывается идея о том, что комплексный подход к использованию природных ресурсов, расположенных на территории геопарков, к их рациональному использованию, исчерпывающая презентация археологического богатства Республики Башкортостан на международном уровне помогут сделать регион узнаваемым и комфортным для посещения.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, агротуризм, глобальный геопарк, законодательство, особо-охраняемые природные территории, туристско-рекреационные зоны

Для цитирования: Владимиров И. А., Иксанов Р. А. Особенности правового режима геопарков Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 82–86. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-82-86>.

Research article

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF GEOPARKS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Igor A. Vladimirov¹, Radmir A. Iksanov²

¹Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia, docentufa@mail.ru

²Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, iksanov333@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the features of the legal status of geoparks in the Republic of Bashkortostan. Some issues of the legal regime of geoparks, the role of the business community in the development of rural areas and agro-tourism facilities located on the territory of geoparks are investigated. The idea is substantiated that an integrated approach to the use of natural resources located on the territory of geoparks, to their rational use, an exhaustive presentation of the archaeological wealth of the Republic of Bashkortostan at the international level will help make the region recognizable and comfortable to visit.

Keywords: Republic of Bashkortostan, agritourism, global geopark, legislation, specially protected natural areas, tourist and recreational areas

For citation: Vladimirov I. A., Iksanov R. A. Features of the legal regime of geoparks in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):82–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-82-86>.

Геопарки являются управляемой территорией, на которой располагаются природные и историко-культурные объекты, подготовленной под различную рекреационную деятельность, для посещения туристов и для научных сотрудников. 4 апреля 2022 г. на официальном сайте Правительства Республики Башкортостан был опубликован законопроект Республики Башкортостан «О геопарках Республики Башкортостан» [1], в котором закрепляется понятие геопарка, а также порядок создания геопарков, основные задачи и направления деятельности по развитию геопарков в Республике Башкортостан.

В соответствии с Указом Главы Республики Башкортостан от 20 апреля 2021 г. [2] был создан Попечительский совет по геопаркам Республики Башкортостан. На заседаниях Попечительского совета по геопаркам обсуждаются ключевые направления дальнейшего развития и продвижения геопарков Республики Башкортостан. Республика Башкортостан, являясь субъектом Российской Федерации, принимает активное участие в целом ряде крупных проектов во всех областях деятельности ЮНЕСКО и вносит большой вклад в развитие образовательного, научного, культурного и духовно-нравственного потенциала Российской Федерации.

Геопарки Республики Башкортостан входят в число приоритетных кандидатов из разных стран мира, заявки которых принимаются для рассмотрения Советом по глобальным геопаркам. В Республике Башкортостан большое внимание уделяется взаимодействию с ЮНЕСКО. Важным направлением взаимодействия на международном уровне является создание и функционирование Центра компетенции по геопаркам, а также разработка мер поддержки туристической отрасли в геопарках.

В 2020 году Исполнительный совет организации на 209-й сессии утвердил решение о создании первого в Российской Федерации глобального геопарка ЮНЕСКО — геопарка Янгантау [3]. Благодаря международному статусу глобальный геопарк приобретает уникальную возможность развития и популяризации во всем мире.

Режим посещения территорий некоторых объектов геопарка, которые, согласно требо-

ваниям федерального законодательства, являются памятниками природы, предусматривает запрет коммерческой деятельности, в том числе разработки данных объектов. В определенной степени разрешена научная деятельность, например, отбор палеонтологических проб.

На территории геопарка действуют туристические базы, спортивные клубы, фермерские хозяйства, реализуются образовательные программы. По мере развития геопарка в обозримом будущем их количество будет увеличиваться.

Геопарк Торатау, расположенный в Республике Башкортостан, имеет площадь 4615 кв. км, то есть почти в два раза больше крупнейшего в Республике Башкортостан Южноуральского заповедника. На территории геопарка сконцентрировано 146 природных объектов, 25 из которых являются особо охраняемыми природными территориями и более 100 объектов археологического и культурного наследия. Некоторые из объектов, расположенных на территории геопарка, имеют статус памятника природы, некоторые, соответственно, не имеют защитного статуса.

Потенциальных субъектов предпринимательской деятельности на территории геопарков интересуют вопросы бюджетного участия в реализации определенных проектов и привлечения соответствующих инвестиций [4]. Стратегия развития геопарка отражает результаты обсуждения актуальных вопросов по развитию геопарков в Республике Башкортостан с участием представителей органов государственной власти и туристической сферы региона. Важные решения, принимаемые органами государственной власти, касаются вопросов туристической индустрии Ишимбайского, Гафурийского, Стерлитамакского, Мелеузовского районов Башкортостана.

На сегодняшний день зарегистрирован товарный знак Торатау, который могут использовать производители любой пищевой продукции в Республике Башкортостан.

Интерес представляет развитие медицинского и восстановительного туризма на территории геопарка.

Для управляющей компании геопарка определяющим является дисциплина управления и организованное проведение торгов

и всех конкурсных процедур [5]. На территории геопарков необходимо систематически проводить работу, связанную с маркировкой, информационными стендами, организацией конных троп, обеспечением безопасности для туристов, маломобильных групп населения. Так, например, на вершине горы Тратау установлены навигационные таблички, маркирующие путь по рекомендованной тропе с восточной и западной стороны геологического объекта. Каждому туристу предоставлена информация о безопасных подъемах на гору и иных маршрутах.

В геопарке Торатау функционирует многофункциональный визит-центр для туристического потока.

Открытие визит-центра у подножия Шиханов в геопарке Торатау предоставило возможность туристам заказать экскурсии в сопровождении гида, ознакомиться с ремесленной продукцией региона.

На территории геопарка проводятся археологические работы. Археологические исследования, проектные работы осуществляются для снижения антропогенной нагрузки на Шиханах.

Геопарк Торатау располагается на территории нескольких районов Республики Башкортостан: Стерлитамакского, Ишимбайского, Гафурийского и Мелеузовского. В каждом муниципальном районе ведутся активные работы по развитию туризма. Например, в селе Красноусольский установлены информационные стенды, возводится комплекс глэмпингов на берегу реки Зилим. Развитие туристического центра геопарка Торатау в селе Воскресенском осуществляется через благоустройство источников в селе Красноусольском и территории около башкирских Шиханов.

Сельские предприниматели, проживающие на территории геопарка, на собственные денежные средства построили гостевые домики, чтобы развивать туризм в сельской местности, расположенной на территории геопарка. Главная цель сельских предпринимателей заключается в развитии агротуризма на территориях, входящих в геопарк Торатау, известных своей природной красотой по всей России. Для того чтобы сделать отдых туристов более комфортным активные жители создают сельскохозяйственные кооперативы и занимаются строи-

тельством образовательного центра. Туристам предлагается широкая развлекательно-познавательная программа. Агротуризм предполагает развитие коневодства, сбора и сушки дикорастущих трав, выращивание сельскохозяйственных культур и другие виды сельскохозяйственных работ [6].

Понятие «агротуризма» многогранно, как и пути его развития. Агротуризм связан со строительством средств размещения, дорог, популярных агротуристических объектов, открытием музеев и проведением различных агротуров. Агротуризм сложно представить без хороших подъездных дорог к агротуристическим объектам и местам размещения туристов. Изменения в сфере строительства и ремонте дорог на территории геопарка предусмотрены в рамках разработанной Дорожной карты развития геопарка Торатау, в рамках реализации которой в геопарке Торатау ведутся работы по расширению подъездных дорог с устройством площадки для автотранспорта.

Органы исполнительной власти, эксперты в сфере туризма и археологии констатируют, что на данном этапе развития геопарков необходимо принятие мер, в том числе законодательных, в целях привлечения туристов в регион. На сегодняшний день фокус государственного и правового регулирования направлен на развитие геопарков, разработана концепция по развитию глэмпингов на территории геопарков, в том числе подготовлены предложения по поддержке предпринимательского общества.

Предпринимательское сообщество Республики Башкортостан демонстрирует готовность строительства глэмпингов и их размещения на территории геопарков. Информация о земельных участках для этих целей размещена на инвестиционном портале Республики Башкортостан [7]. На данном информационном ресурсе можно узнать, какая инфраструктура проложена, и, соответственно, поучаствовать в торгах на определение и размещение на данных земельных участках своих глэмпингов.

Отдельное направление работы — взаимодействие с местными жителями, без которых сложно развивать сельскую территорию.

Геопарки Янган-тау и Торатау сосредотачивают на своей территории множество па-

мятников природы и уникальных объектов. Туристический интерес представляют не только флора и фауна территории геопарков, но и информация о событиях, которые происходили на данной территории, о людях, проживавших в разные временные рамки, об объектах, расположенных на территории геопарков. Некоторые из объектов, расположенных на территории геопарков, имеют охранный статус. Это, в свою очередь, не означает, что данные объекты закрыты и недоступны для туристов.

На территории геопарков следует прокладывать экологические тропы для того, чтобы сделать туризм на сельских территориях еще доступнее. Необходимо изучать опыт организации и функционирования геопарков в зарубежных странах для рецепции положительно-го международного опыта в законодательство и правоприменительную практику в России и ее субъектах.

Охранный статус объектов, расположенных на территории геопарков предполагает работу по согласованию с федеральными и региональными органами исполнительной власти в сфере экологии и рационального природопользования. Геопарки являются зонами просвещения и археологического наследия, территориями, предназначенными для привлечения инвестиций, поскольку представляют собой пространственный базис, включающий в себя объекты природного и историко-культурного наследия и разнообразный ландшафт.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что только комплексный подход к использованию имеющихся ресурсов, расположенных на территории геопарков, и надлежащая презентация археологического богатства Республики Башкортостан на международном уровне помогут сделать регион узнаваемым и комфортным для посещения.

Список источников

1. О геопарках Республики Башкортостан : Законопроект Республики Башкортостан // Правительство Республики Башкортостан : офиц. сайт. URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/docs/projects.php?ELEMENT_ID=55589
2. О создании Попечительского совета по геопаркам Республики Башкортостан : Указ Главы Республики Башкортостан от 20.04.2021 № УГ-201 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202104280005>
3. О геопарке // Геопарк Янгантау : офиц. сайт. URL: <https://geopark-yangantau.ru/o-geoparke/>
4. Лунева Е. В. Реализация права рационального природопользования в развитии экологического каркаса России // Экологическое право. 2021. № 5. С. 16–22.
5. Злотникова Т. В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4 (66). С. 28–46.
6. Лунева Е. В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима // Lex russica (Русский закон). 2021. № 9 (178). С. 32–43.
7. Инвестиционный портал Республики Башкортостан. URL: <https://investrb.ru/ru/>

References

1. On Geoparks of the Republic of Bashkortostan: Draft Law of the Republic of Bashkortostan // Government of the Republic of Bashkortostan: official site. (In Russ.). Available from: https://pravitelstvorb.ru/ru/docs/projects.php?ELEMENT_ID=55589
2. On the establishment of the Board of Trustees for Geoparks of the Republic of Bashkortostan : Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated April 20, 2021 No. DH-201 // Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202104280005>.
3. About the geopark // Geopark Yangantau: official site. (In Russ.). Available from: <https://geopark-yangantau.ru/o-geoparke/>
4. Luneva E. V. Implementation of the right of rational nature management in the development of the ecological framework of Russia. *E`kologicheskoe pravo = Ecological law*. 2021;(5):16–22. (In Russ.).
5. Zlotnikova T. V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal basis for changing environmental legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*. 2021;17(4) (66):28–46. (In Russ.).

-
6. Luneva E. V. Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime. *Lex russica (Russkij zakon) = Lex russica (Russian law)*. 2021;9(178):32–43. (In Russ.).
7. Investment portal of the Republic of Bashkortostan. (In Russ.). Available from: <https://investrb.ru/ru/>

Информация об авторах

И. А. Владимиров — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права;

Р. А. Иксанов — старший преподаватель кафедры политологии, истории и теории государства и права.

Information about authors

I. A. Vladimirov — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Environmental Law;

R. A. Iksanov — Senior Lecturer of the Department of Political Science, History and Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 87–93.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):87–93.

Научная статья

УДК 330.322

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-87-93

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Наиля Альфритовна Гареева^{1✉}, Амир Айдарович Гареев²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия, gareevana5@mail.ru✉

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, amir.gareev.1999@mail.ru

Аннотация. Коррупционные правонарушения в современных условиях в мировой практике представляют общественную опасность, так как нарушают принципы безвозмездной деятельности государственного аппарата, рыночной конкуренции, создают основу для развития «теневой экономики». Зачастую компании, особенно в регионах с высоким уровнем коррупции, не застрахованы от коррупционных правонарушений, например, могут осуществлять коммерческий подкуп для достижения своих целей в предпринимательстве. Цель исследования состоит в изучении влияния коррупционных правонарушений на экономическую деятельность компании и оценки их последствий для ее дальнейшего развития. Научная новизна исследования заключается в оценке эффекта правовых санкций за совершение коррупционного правонарушения (последствия наложения штрафа, репутационные издержки) и обосновании необходимости реализации антикоррупционного комплаенса в деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: коррупционное правонарушение, антикоррупционный комплаенс, противодействие коррупции, экономическая деятельность, финансовая отчетность, инвестиции, банкротство компании

Для цитирования: Гареева Н. А., Гареев А. А. Влияние коррупционных правонарушений на экономическую деятельность хозяйствующего субъекта // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 87–93. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-87-93>.

Research article

THE IMPACT OF CORRUPTION OFFENSES ON THE ECONOMIC ACTIVITY OF A BUSINESS SUBJECT

Nailya A. Gareeva^{1✉}, Amir A. Gareev²

¹V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan, Russia, gareevana5@mail.ru✉

²National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, amir.gareev.1999@mail.ru

Abstract. Corruption offences are socially dangerous in today's global context because they violate the principles of uncompensated public administration and market competition and create the basis for the development of a "shadow economy". Companies, especially in regions with high levels of corruption, are often not immune to corruption offences, for example, they may engage in commercial bribery to achieve their business goals. The aim of the study is to examine the impact of corruption offences on the economic activities of a company and to assess their consequences for its further development. The scientific novelty of the study lies in the assessment of the effect of legal sanctions for corruption offences (consequences of imposing fines, reputational costs) and justification of the need to implement anti-corruption compliance in the activities of business entities.

Keywords: corruption offense, anti-corruption compliance, anti-corruption, economic activity, financial reporting, investments, company bankruptcy

For citation: Gareeva N. A., Gareev A. A. The impact of corruption offenses on the economic activity of a business subject. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):87–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-87-93>.

Многие современные компании в настоящее время сталкиваются с большим количеством ограничений в своей деятельности. Данные ограничения в основном обусловлены национальным законодательством стран, где предполагается развиваться хозяйствующий субъект. Более того, национальные обычаи, традиции часто очень разнообразны и их незнание может привести к негативным последствиям. Так, например, в Казахстане недопустимо вообще дарить подарки государственным служащим, так как это может повлиять на их решение в отношении компании (скрытая коррупция) [1], а в Великобритании разрешены подарки стоимостью до 140 фунтов стерлингов [2]. Экономическая деятельность компаний в разных странах имеет множество нюансов в антикоррупционной сфере, которыми необходимо правильно и грамотно управлять.

В круг рассматриваемых вопросов данного исследования входит анализ влияния коррупционных правонарушений на экономические показатели и траекторию развития компании.

Степень научной разработанности темы на данный момент невысока, поскольку крупные штрафы, налагаемые на компании за нарушение антикоррупционного законодательства, в России стали налагать относительно недавно, лишь в последние 15–20 лет, когда нормы законов о борьбе с коррупцией за рубежом перестали быть «спящими».

Актуальность данной темы заключается в том, что многие компании в погоне за большой прибылью осознанно нарушают закон, зачастую не думают о последствиях и не выстраивают должным образом систему контроля за действиями руководства компании, не создают специальные отделы, которые могут заранее предотвратить негативные последствия и минимизировать риски.

За последние годы многие национальные компании, а также многие российские компании пытались активно выйти на международный рынок товаров и услуг. Это обусловлено и желанием получить большую прибыль, и уве-

личить активы бизнеса, а также необходимостью конкурировать за лучших специалистов и емкие рынки сбыта. При этом очень часто приходится взаимодействовать с компаниями из юрисдикций с высоким коррупционным риском, например, в Азии и Африке. Однако не все компании правильно оценивают коррупционные риски, многие недооценивают их негативные последствия. В результате крупные компании из стран первой десятки по ВВП были оштрафованы американскими и иными регуляторами за коррупцию за рубежом [3]. Данная тенденция наблюдается последние 15 лет и почти нет оснований полагать, что это временное явление, поскольку ежегодно растут число и размер коррупционных штрафов. В рамках рассматриваемой темы целесообразно рассмотреть понятийный аппарат, в частности раскрыть правовую и экономическую природу базовых понятий, используемых в настоящей работе.

Под коррупционными правонарушениями понимаются деяния физических и юридических лиц, направленные на совершение правонарушений в различных сферах права, в первую очередь, в области уголовного и административного права. В частности, это злоупотребление служебным положением, дача взятки, коммерческий подкуп (коммерческий подкуп — это незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера [4]) и иные правонарушения, которые направлены на получение выгоды/необоснованного обогащения и на иные незаконные цели. Данные правонарушения совершаются не только государственными служащими, но и компаниями в ходе своей деятельности. В Российской Федерации нормы о запрете коррупции содержатся в «Уголовном Кодексе Российской Федерации» (Далее — УК РФ) [4], Федеральном законе «О противодействии коррупции» [5], «Кодексе Российской Федерации

об административных правонарушениях» (Далее — КоАП РФ) [6]. Именно о влиянии коррупционных правонарушений на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов речь пойдет далее.

Долгое время коррупция наказывалась только национальным законодательством, а международные компании часто избегали ответственности за коррупцию в странах с высоким уровнем коррупции. Данная ситуация положительно влияла на их деятельность, поскольку директора таких компаний не несли ответственность за совершенные коррупционные действия, компании не платили огромные штрафы, а бизнес-цель при этом чаще всего достигалась. В частности, выбирались «нужные» поставщики, таможенный контроль проходил быстрее, чиновники не препятствовали незаконной деятельности по загрязнению заводами окружающей среды и др. Многие компании в сложившихся условиях имели миллиардные прибыли и поэтому могли платить взятки чиновникам в большом размере, так как последние часто имели не очень высокую заработную плату. На первый взгляд может показаться, что все идеально — цели обеих сторон достигнуты, управленческие процессы идут быстрее, а препятствия на пути к бизнес-цели, к еще большей прибыли минимальны и носят неформальный характер. Однако негативных последствий от коррупции больше, чем пользы. Это и негативное воздействие на окружающую среду, нарушение механизмов рыночной конкуренции, потеря качества товара, неэффективное использование средств налогоплательщиков, повышение стоимости товаров и услуг для конечного потребителя и так далее [7].

В 1972 году на весь мир прогремел Уотергейтский скандал, в котором были замешаны крупные международные компании, например, Exxon, Mobil, которые подкупали должностных лиц с целью получения выгоды [8]. Скандал, связанный с установлением и использованием прослушивающих устройств в ходе предвыборной кампании Президента в США, побудил власти США принять экстратерриториальный закон о противодействии коррупции за рубежом (The Foreign Corrupt Practices Act — FCPA), предполагающий большие материальные штрафы [9]. Подобные скандалы несут

наибольший экономический урон для компании, поскольку влияют на стоимость компании, на ее деловую репутацию, на возможность заключать выгодные сделки с контрагентами (в случае совершения коррупционного нарушения это будет сделать труднее), уменьшают прибыль.

Многие крупные компании получили штрафы за нарушение FCPA. Начиная с 1977 года, когда был принят закон, компании начали получать штрафы за коррупционные правонарушения. Однако в первые годы число таких кейсов было небольшим, регуляторы часто закрывали глаза на нарушения закона и не придавали ему большого значения. Но, начиная с 2007 года, число штрафов, а также их размер резко возросло [10]. Например, компания Ericsson заплатила штраф более \$1 млрд за подкуп менеджерами компании чиновников из Вьетнама, Джибути, Индонезии [11]. Величина штрафных санкций сопоставима с ежегодной прибылью компании за период 2006–2016 гг., именно в это время были подкупы. Кроме того, на три года в компании был введен внешний контроль, курс акций снизился более чем на 10%, сократились инвестиционные вложения, в результате компания не смогла активно развиваться в Азии, как изначально планировала.

Среди российских компаний наибольший размер штрафных санкций получила компания ПАО «МТС». В 2019 году она заплатила штраф в размере \$850 млн. Причиной тому стал выход компании на рынок сотовой сети в Узбекистане. Для ПАО «МТС» открывались большие перспективы в плане расширения бизнеса и завоевания нового рынка сбыта, поскольку на тот момент было лишь несколько компаний, которые предоставляли услуги на сопоставимом уровне эффективности, например, компания UCell. Однако для развития бизнеса в Узбекистане менеджеры компании использовали фальшивые договоры о якобы консультационных услугах и тем самым давали взятки местным чиновникам, в связи с чем на МТС было заведено дело по закону FCPA, и компания понесла огромные репутационные и материальные убытки [12]. Во-первых, МТС вышел из Узбекистана и продал государству контрольный пакет акций своей дочерней компании за \$1. То есть данная сделка была мнимой, и МТС не

получил прибыли от выхода на рынок Узбекистана. Во-вторых, в бюджете компании было зарезервировано около 66 млрд руб. для урегулирования данного вопроса. В-третьих, МТС заплатил штраф в размере \$850 млн за нарушение FCPA. И наконец, в-четвертых, в компании был введен антикоррупционный мониторинг, предполагающий дополнительные затраты на сотрудников, введение новых антикоррупционных процедур, а также внешний контроль за деятельностью компании.

Сравнивая и прогнозируя примерный доход МТС в Узбекистане, можно в качестве примера взять еще одну страну СНГ — Беларусь, где МТС в 2019 году получил выручку в размере \$35 млн [13]. И несмотря на то, что покупательная способность населения в Беларуси выше, чем в Узбекистане, численность населения ниже более чем в 3 раза. Поскольку использование мобильного оператора — это необходимая составляющая расходной части личного финансового бюджета, то можно предположить, что выручка в Узбекистане была бы, очевидно, не ниже белорусской. Для подтверждения данной позиции можно использовать показатели выручки компании Mobius, которая в 2019 году получила выручку в размере \$72 млн [14]. Данная компания стала преемником МТС в Узбекистане, поскольку получила от государства долю МТС. То есть МТС из-за коррупционных правонарушений лишился огромного рынка в Узбекистане и выручки в десятки млн долларов ежегодно, а также понес большие убытки при попытке выйти на данный рынок.

Кроме того нередки случаи, когда нарушения в области антикоррупционного комплаенса и подделка финансовой отчетности приводят к прекращению деятельности фирмы, ее ликвидации. Это наиболее серьезные последствия для компании, поскольку она прекращает свою деятельность, работники теряют работу, инвесторы теряют вложенные средства. Например, подобная ситуация произошла с компанией Enron. Менеджеры и руководство компании напрямую получали денежные средства — прибыль от нефтяной торговли — благодаря подделкам бухгалтерской отчетности. Так, нефтяные брокеры украли у компании около \$4 млн прибыли. Руководство компании злоупотреби-

ло своим положением, знало о махинациях с отчетностью, однако продолжало обкрадывать свою же компанию [15]. Более того, на банкротство компании Enron повлияли и действия трейдеров, которые неверно сделали прогноз на котировки, и у компании появились огромные долги. В итоге акции компании перестали торговаться на бирже, а 20 000 сотрудников из 40 стран мира остались без работы. Безусловно, в данном случае, не только внутренняя коррупция и мошенничество привели к банкротству, но и смежные правонарушения, в основном связанные с подделкой отчетности и введение инвесторов в заблуждение [16].

Данная ситуация доказывает, что такого рода правонарушения могут самым серьезным образом повлиять на экономическое состояние компании, и не просто уменьшить ее прибыль, но и вовсе уничтожить компанию с серьезными последствиями для сотрудников, инвесторов, клиентов.

В основном вследствие данных проблем в США был принят Sarbanes-Oxley Act, который ужесточил требования к финансовой отчетности компании и к процессу ее подготовки [17]. Одно из обязательных нововведений компаний — это принятие кодекса корпоративного поведения для компаний, ценные бумаги которых зарегистрированы Комиссией по ценным бумагам и биржам США. Безусловно, данный кодекс не искореняет коррупционные правонарушения компании полностью, однако способствует минимизации рисков в области антикоррупционного комплаенса в компании. «Антикоррупционный комплаенс — это процесс управления, позволяющий определять применимые правовые нормы, выявлять и оценивать коррупционные риски, создавать локальные акты компании с учетом этических принципов, а затем принимать меры, направленные на соблюдение организацией и взаимодействующими с ней лицами правовых норм, локальных норм организации и профилактику коррупционных рисков» [18]. Каждой компании целесообразно принимать кодекс деловой/корпоративной этики, а также создавать комплаенс-программу, где одним из аспектов является создание карты коррупционных рисков и найм комплаенс-специалистов, ответственных за анализ и выявление коррупцион-

ных рисков. Например, в упоминаемом нами примере с компанией МТС можно отметить, что у нее в настоящее время существует кодекс делового поведения, где указано, что «мы не получаем конкурентных преимуществ за счет незаконных и неэтичных способов, в том числе, посредством сговоров и коррупционных практик» [19]. В ходе антикоррупционного мониторинга компании МТС регуляторы изучали данный кодекс, корректировали его с целью пресечения рисков коррупционных правонарушений.

Несмотря на обязательство принять данный кодекс, многие компании или вовсе отказываются от него или используют лишь общие фразы и принципы, которые ни к чему не призывают и ни к чему не обязывают, то есть создают кодекс лишь для соблюдения требований законодательства США и экстраэриториальных законов. Очевидно, это делается с целью экономии бюджета. Однако такая комплаенс-программа не считается эффективной, и коррупционные риски по-прежнему остаются высокими. Поэтому важно, чтобы комплаенс-программа была выстроена должным образом с проработкой деталей. Это, безусловно, увеличит бюджет на комплаенс-функцию, но позволит избежать в будущем штрафных санкций. Таким образом, с экономической точки зрения гораздо целесообразнее потратить меньшую сумму на создание комплаенс-функции, чем впоследствии платить огромные штрафы и иметь сомнительную репутацию на рынке.

Траты на создание и поддержание комплаенс-функции структурируются следующим образом [20]. Во-первых, это прямые трудозатраты, то есть затраты на комплаенс-офицеров и их подчиненных. Если компания крупная и международная, то двумя-тремя сотрудниками будет трудно ограничиться, а учитывая, что объем работ ежегодно растет, а задачи стано-

вятся более сложными, то и их зарплаты также будут расти. Во-вторых, это накладные расходы на аренду офисов, коммунальные платежи и иные вытекающие из этого расходы. В-третьих, это затраты на оборудование [21]. В-четвертых, это затраты на внешних консультантов в случае появления сложного юридического/экономического вопроса. В-пятых, это расходы на различные базы, необходимые для комплаенс-отдела, например, СПАРК, x-compliance, Refinitiv и другие. Безусловно, это большие затраты, которые могут достигать десятков млн руб. в год в России. Однако риски, которые можно предотвратить в разных аспектах комплаенса, а не только в антикоррупционном комплаенсе, гораздо более опасны для компании и могут стоить ей собственного существования.

Таким образом, выстраивание системы антикоррупционного комплаенса и комплаенса в целом позволит компаниям минимизировать риски наложения штрафов согласно FCPA и другим применимым законам. Изначально расходы будут действительно немалые, так как эффективная комплаенс-программа требует больших вложений в сотрудников, автоматизацию, обучение. Однако в долгосрочной перспективе эффективная и правильно интегрированная комплаенс-программа позволит уберечь бюджет компании от многомиллионных штрафов. Более того, это позитивно повлияет и на репутацию компании, так как контрагенты при прочих равных условиях будут отдавать предпочтение организациям, которые пресекают коррупцию и ее негативные последствия. Антикоррупционный комплаенс хозяйствующего субъекта — это один из самых эффективных способов инвестирования средств в защиту и развитие бизнеса, который не позволит компании стать участницей коррупционных правонарушений и будет позитивно влиять на ее экономические показатели.

Список источников

1. О противодействии коррупции»: Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V : с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2021 г.) // Информационно-правовая система нормативно правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>
2. Чиновники, получившие подарки дороже 3000 рублей, должны сдавать их государству // Газета.ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/01/10/5843157.shtml>. Дата публикации: 10.01.2014.
3. 2021 FCPA Year in Review // sullcrom.com : сайт. URL: <https://www.sullcrom.com/files/upload/2021-fcpa-year-in-review.pdf>

4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : посл. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. «О противодействии коррупции» : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 г. : одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г. : посл. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : посл. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М. : Логос, 2003. 343 с.
8. Уотергейтское дело. Досье // ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/info/1368731?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Дата публикации: 09.08.2014.
9. The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, as amended, 15 U.S.C. §§ 78dd-1, et seq. ("FCPA") // The United States Department of Justice : official site. URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>
10. DOJ and SEC Enforcement Actions per Year // Stanford Law School. Foreign Corrupt Practices Act : official site. URL: <https://fcpa.stanford.edu/statistics-analytics.html>
11. Ericsson Agrees to Pay Over \$1 Billion to Resolve FCPA Case // The United States Department of Justice : official site. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/ericsson-agrees-pay-over-1-billion-resolve-fcpa-case>
12. МТС заплатит \$850 млн за коррупцию в Узбекистане // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/03/07/795839-mts>. Дата публикации: 07.02.2019.
13. Финансовая отчетность компании ПАО «МТС» // МТС : офиц. сайт. URL: <https://moskva.mts.ru/about/investoram-i-akcioneram/korporativnoe-upravlenie/raskritie-informacii/godovaya-otchetnost>
14. Финансовая отчетность компании Mobiuz // Mobiuz : офиц. сайт. URL: https://company.mobi.uz/ru/history/fin_pokazateli/22126/
15. Дело Enron // Википедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_Enron
16. Chevalier J. M. Enron: l'épopée et la faillite // Futuribles. 2002. No. 276. P. 55–60.
17. Public Law 107–204–JULY 30, 2002 : Sarbanes-Oxley Act of 2002 // PCAOB : site. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1883/pdf/COMPS-1883>
18. Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. О формировании антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106–128.
19. Кодекс делового поведения и этики Публичного акционерного общества «МобильныеТелеСистемы» : утвержден Решением Совета директоров ПАО «МТС» Протокол № 317 от 29.07.2021 г. URL: https://moskva.mts.ru/upload/contents/608/Code_of_Business_Conduct_and_Ethics_200722.pdf
20. Better Regulation. Framework Manual: Practical Guidance for UK Government Officials. March 2015 // Government UK. Department for Innovation, Business & Skills : official site. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/583871/bis-13-1038-Better-regulation-framework-manual.pdf
21. Трунцевский Ю. В. Оценка издержек по соблюдению стандартов и правил регулирования (комплаенса) хозяйствующими субъектами // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). С. 45–55.

References

1. On combating corruption: Law of the Republic of Kazakhstan dated November 18, 2015 No. 410-V: with amendments and additions as of December 29, 2021 // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. (In Russ.). Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>
2. Officials who received gifts worth more than 3,000 rubles must hand them over to the state. Gazeta.ru: site. (In Russ.). Available from: <https://www.gazeta.ru/business/2014/01/10/5843157.shtml>. Publication date: October 1, 2014.
3. 2021 FCPA Year in Review // sullcrom.com: website. Available from: <https://www.sullcrom.com/files/upload/2021-fcpa-year-in-review.pdf>
4. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FL: adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996: last ed. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. "On Combating Corruption": Federal Law dated December 25, 2008 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on December 19, 2008: approved by the Federation Council on December 22, 2008: last ed. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

6. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 No. 195-FL: adopted by the State Duma on December 20, 2001: approved by the Federation Council on December 26, 2001: last ed. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (In Russ.).
7. Rose-Ackerman S. Corruption and the state. Moscow: Logos, 2003. 343 p. (In Russ.).
8. Watergate case. Dossier. TASS: site. (In Russ.). Available from: https://tass.ru/info/1368731?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Publication date: 08/09/2014.
9. The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, as amended, 15 U.S.C. §§ 78dd-1, et seq. ("FCPA"). The United States Department of Justice: official site. Available from: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>
10. DOJ and SEC Enforcement Actions per Year. Stanford Law School. Foreign Corrupt Practices Act: site. Available from: <https://fcpa.stanford.edu/statistics-analytics.html>
11. Ericsson Agrees to Pay Over \$1 Billion to Resolve FCPA Case. The United States Department of Justice: official site. Available from: <https://www.justice.gov/opa/pr/ericsson-agrees-pay-over-1-billion-resolve-fcpa-case>
12. MTS will pay \$850 million for corruption in Uzbekistan. Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/03/07/795839-mts>. Publication date: July 2, 2019.
13. Financial statements of the company PJSC "MTS". MTS: official. Website (In Russ.). Available from: <https://moskva.mts.ru/about/investoram-i-akcioneram/korporativnoe-upravlenie/raskritie-informacii/godovaya-otchetnost>
14. Financial statements of the company Mobiuз. Mobiuз: official site. (In Russ.). Available from: https://company.mobi.uz/ru/history/fin_pokazateli/22126/
15. The Enron case. Wikipedia: site. (In Russ.). Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_Enron
16. Chevalier J. M. Enron: l'épopée et la faillite. Futuribles. 2002 No. 276. P. 55–60. (In Fr.)
17. Public Law 107–204–JULY 30, 2002: Sarbanes-Oxley Act of 2002. PCAOB: site. Available from: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1883/pdf/COMPS-1883>
18. Garmaev Yu. P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. On the formation of anti-corruption compliance in the Russian Federation. *Pravo. Zhurnal Vy`sshejshkoly`e`konomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(4):106–128. (In Russ.).
19. Code of Business Conduct and Ethics of Public Joint Stock Company MobileTeleSystems: approved by the Decision of the Board of Directors of MTS PJSC Minutes No. 317 dated July 29, 2021. (In Russ.). Available from: https://moskva.mts.ru/upload/contents/608/Code_of_Business_Conduct_and_Ethics_200722.pdf
20. Better Regulation. Framework Manual: Practical Guidance for UK Government Officials. March 2015. Government UK. Department for Innovation, Business & Skills: official site. Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/583871/bis-13-1038-Better-regulation-framework-manual.pdf
21. Truntsevsky Yu. V. Estimation of costs for compliance with standards and regulations (compliance) by business entities. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law*. 2017;4(244):45–55. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент;
А. Г. Гареев — магистрант.

Information about authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor;
A. G. Gareev — Master's student.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 94–101.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022; 3(56):94–101.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Научная статья
УДК 316.3(470.64)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-94-101

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2020–2021 ГОДАХ

Татьяна Юрьевна Пашко^{1✉}, Алим Магомедович Башиев²

^{1,2}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹pashko.tu@gmail.com✉

²amb.07@mail.ru

Аннотация. Вопросы социальной защиты приобретают особую актуальность в современном российском обществе, которое рыночные отношения все чаще приводят в социальный тупик. Возникает проблема формирования адекватной системы социальной защиты населения, которая в условиях нестабильных рыночных отношений находится под регулярным воздействием экономических шоков и социальных рисков. В настоящей статье анализируются организация экономической деятельности социальных служб и меры социальной защиты населения, предпринятые в Кабардино-Балкарской Республике в 2020–2021 годах.

Ключевые слова: социальный риск, социальная защита, социальное обеспечение, финансовые ресурсы, государственная социальная политика

Для цитирования: Пашко Т. Ю., Башиев А. М. Организационно-экономические аспекты социальной защиты в Кабардино-Балкарской Республике в 2020–2021 годах // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 94–101. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-94-101>.

SOCIAL ASPECTS OF SOCIETY DEVELOPMENT

Research article

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL PROTECTION IN THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC IN 2020–2021

Tatiana Yu. Pashko^{1✉}, Alim M. Bashiev²

^{1,2}Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹pashko.tu@gmail.com✉

²amb.07@mail.ru

Abstract. Issues of social protection are becoming particularly relevant in modern Russian society, which market relations are increasingly leading to a social impasse. There is problem of forming an adequate system of social protection of the population, which in conditions of unstable market regulations is under the regular influence of economic shocks and social risks. This article analyzes the organization of economic activity of social services and measures of social protection of the population taken in the Kabardino-Balkarian Republic in 2020–2021.

Keywords: social risk, social protection, social security, financial resources, state social policy

For citation: Pashko T. Yu., Bashiev A. M. Organizational and economic aspects of social protection in the Kabardino-Balkar Republic in 2020–2021. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):94–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-94-101>.

Пандемия COVID-19 кардинально изменила ситуацию на глобальном и национальных рынках труда, сложившуюся к началу 2020 года. Внешние экономические шоки привели к экономическому кризису во всех странах и обострили социальное неравенство. Следствием пандемии в России явились стремительная трансформация региональных рынков труда, снижение занятости во всех возрастных группах экономически активного населения и увеличение безработицы. В трудной жизненной ситуации оказалось значительное количество трудоспособных граждан, семей с детьми, одиноких родителей. Указанные социально уязвимые группы, в первую очередь, нуждались в обеспечении им социальной защиты [1].

Проблема роли и структуры социальной защиты населения России как системы управления социальными рисками в российском обществе приобретает особую актуальность в условиях ограниченности природных ресурсов, изменения климата на планете и ухудшения общей социально-экономической ситуации. Особого внимания требует вопрос создания финансовых резервов для поддержания достигнутого уровня материальной защиты.

В целях настоящего исследования применены общенаучные методы комплексного и системного подхода, анализа и синтеза, логического, исторического и сравнительного анализа.

Понятия «социальная политика» и «социальная защита» тесно взаимосвязаны друг с другом. Социальная защита представляет собой механизм реализации государственной социальной политики. Вместе с тем социальная защита определяет цели и методы социальной политики, являясь формой государственного социального обеспечения, которая гарантирует гражданам поддержку в случае трудной жизненной ситуации в виде пенсий, социальных пособий и услуг, которая включает в себя различные мероприятия по профилактике и предотвращению социальных рисков.

Социальная защита населения как механизм, обеспечивающий государственное ре-

гулирование общественных отношений в условиях рыночной нестабильности, имеет экономический, социальный, правовой, политический и организационный аспекты. Социальная защита в определенной степени является функцией государства, но также предприятий, учреждений и организаций, общественных объединений граждан, органов, действующих от лица государства и непосредственно самих граждан. Граждане в силу своих конституционных прав и обязанностей располагают свободой выбора места проживания, работы, обучения и т.д. В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на социальную защиту.

В широком смысле слова социальная защита обеспечивает трудоспособным гражданам оптимальные условия для жизни и поддержания их благосостояния, а социально уязвимым группам — гарантирует социальную поддержку и защищенность. Конституция Российской Федерации устанавливает обязательное пенсионное страхование, формирование фондов, являющихся источниками финансирования социального обеспечения, и принятие законов, гарантирующих права и свободы граждан.

В связи с вышесказанным авторы предлагают следующее определение понятия «социальная защита населения» — механизм распределения централизованных и децентрализованных финансовых ресурсов посредством использования дифференцированных форм и видов адресной социальной защиты.

В международной практике используются две модели социальной защиты:

1) социал-демократическая, с доминирующей ролью государства в вопросах создания и распоряжения источниками финансирования социального обеспечения;

2) неолиберальная, с минимальным вмешательством государства в социально-экономические процессы, где механизмы определяет рыночная экономика.

В соответствии с указанными подходами используются две системы социальной защиты:

1) государственная, базирующаяся на государственной заботе о гражданах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и сложившейся практике благотворительности;

2) частная, основанная на принципе ответственности всех участников общества за жизнь своих родных и близких, расходовании личных средств и сбережений.

Социальная защита в России представлена следующими формами:

1. установленными социальными гарантиями, достижение которых обеспечивается принимаемыми программами и стандартами;

2. регулированием расходов и доходов граждан;

3. социальным страхованием населения;

4. социальным вспомоществованием;

5. предоставлением социальных услуг;

6. разработкой социальных программ.

Система социальной защиты населения Российской Федерации является многоуровневой, включающей в себя межрегиональный (федеральный округ), региональный (субъект Российской Федерации), межотраслевой и отраслевой, локальный (предприятие) уровни.

Социальные службы представляют собой предприятия и учреждения различных форм собственности, оказывающие социальные услуги. В систему социального обслуживания также входят граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью по социальному обслуживанию населения. Основой организации деятельности социальных служб является Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2015 года. Действующая в России в настоящее время система социальной защиты ориентирована на поддержание отдельных категорий граждан. Данная система основана на принципах заявительности и патернализма. Принцип заявительности означает, что социальная поддержка осуществляется по мере обращения индивидов. Суть принципа патернализма состоит в защите государством самых незащищенных граждан.

Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) выявил, что наиболее пострадавшей от последствий пандемии COVID-19 оказались две социально уяз-

вимые группы, а именно: молодые женщины с детьми и молодежь в возрасте от 18 до 24 лет [2].

Рост уровня бедности среди всех типов семей в условиях пандемии составил в среднем от 12,5 до 20 %, при этом у семей с детьми бедность до пандемии, оцениваемая на уровне 21–26 % в зависимости от возраста детей, в условиях пандемии выросла до 31–35 % [3]. В соответствии с указами Президента Российской Федерации [4–6] семьям с детьми были оказаны меры государственной поддержки, которые частично компенсировали экономические потери. Сокращение доходов населения на 12 %, было компенсировано семьям с детьми в объеме одной десятой части потерь.

Вместе с тем в условиях минимальной поддержки субсидирования заработной платы, предпринятые меры не привели к существенному улучшению в силу традиционно складывающейся ситуации на рынке труда, когда женская часть населения имеет более низкий уровень занятости. Экспертный анализ на протяжении ряда десятилетий показывает, что разрыв в заработной плате мужчин и женщин при равных условиях труда составляет в среднем 28 %. Современное общество усиливает социальные стрессы и ролевые нагрузки на женщин, вследствие чего увеличивается риск возникновения у них психических заболеваний.

Активная цифровизация традиционных профессий в 2020 году привела к количественному выравниванию занятости мужчин и женщин в научно-технологической сфере. Наличие цифровых навыков и компетенций прямо пропорционально связывалось с более высоким уровнем заработной платы. Рост средних заработных плат при равных условиях труда наблюдался в профессиях с более высоким уровнем цифровизации. При этом различия отмечались в позициях, занимаемых женщинами (продавцы, менеджеры и операторы) и мужчинами (инженеры, программисты и системные администраторы). Следует подчеркнуть, что цифровизация не проявила себя в качестве дополнительного источника дискриминации женщин.

Пандемия в меньшей степени повлияла на занятость работников пенсионного возраста, которая различается по регионам, и с точ-

ки зрения характера (квотируемая, неполная, гибкая) имеет существенно меньшее негативное влияние на социальную ситуацию в обществе. Взамен аннуляции льготного проезда граждане пенсионного возраста получили возможности расширения социальных контрактов за счет региональных бюджетов. Сыграли свою роль законодательные ограничения увольнения сотрудников предпенсионного и пенсионного возраста. С точки зрения негативных последствий COVID-19 для здоровья, российские пенсионеры, безусловно, оказались наиболее уязвимыми, но при этом продемонстрировали лучшие показатели психической саморегуляции по сравнению с более молодыми возрастными группами.

Очевидно, что наиболее пострадавшей группой явилась молодежь в возрасте от 18 до 22 лет, получающая образование, впервые выходящая на рынок труда и отличающаяся большей уязвимостью по сравнению с другими социальными группами.

Введение термина «социальная защита» связано с принятием Закона о социальном обеспечении в рамках политики «нового курса» Ф. Д. Рузвельта в 1935 году. В соответствии с указанным законом началась реализация социальных программ помощи нетрудоспособным и престарелым гражданам США. С 1938 года термин «социальная защита» начал использоваться в законодательстве Новой Зеландии. С 1944 года этот термин получил распространение в большинстве документов Международной организации труда (МОТ), давая простое и понятное объяснение сути проблемы, возникающей у различных категорий населения.

В немногочисленных научных источниках имеется несколько подходов к определению термина «социальная защита». Ряд авторов используют комплексный подход, рассматривая термин с позиций права социального обеспечения в контексте трудового, семейного и гражданского права.

Термин «социальное обеспечение» в большей степени имеет исторический характер и ассоциируется с субъективным правом граждан на получение помощи со стороны государства. Сложность толкования указанных терминов обусловлена отсутствием нормативно-

правовой базы и подтверждает сложность общественных отношений.

Категория «социальная защита населения» отсутствовала в советской практике ввиду того, что государство заботилось о получении гражданами основных социальных благ и услуг на бесплатной основе по мере возникновения в них потребности. В российской экономической теории термин «социальная защита населения» появился в период формирования рыночной экономики в 1992 году. При переходе к принципиально иному типу производственных и распределительных отношений в России изменилась концепция государственной социальной политики. Началось создание нового механизма государственного регулирования общественных отношений, связанного с получением социальных благ и услуг населением на платной основе.

Большинство экспертов рассматривают социальную защиту в соотношении с понятием «уровень жизни», понимая под ней совокупность государственных мер, направленных на поддержание достойного уровня и качества жизни граждан.

Реализация мер социальной защиты напрямую зависит от финансовых ресурсов. Понятие финансовых ресурсов включает в себя различные значения и трактуется весьма широко. Согласно финансово-кредитному словарю, «финансовые ресурсы представляют собой денежные средства, формирующиеся в результате экономической и финансовой деятельности, которые находятся в распоряжении государства и хозяйствующих субъектов и используются для развития производства, удовлетворения социальных потребностей населения и функционирования сферы обращения» [7].

Структура финансовых ресурсов Кабардино-Балкарской Республики (КБР) определяется источниками их поступления. Основными источниками формирования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения КБР являются республиканский бюджет и бюджеты муниципальных образований [8–9].

Социальная ответственность государства заключается в обеспечении конституционных гарантий социальной защиты граждан. Вместе с тем необходимо отметить, что уровень обес-

печиваемых в России социальных гарантий является недостаточным для социального государства.

По данным Росстата, уровень безработицы в июле 2020 г. достиг своего максимума и составил 6,3 %, или 4,7 млн человек. 45 % российских предприятий вынуждены были пойти на сокращение штатов. С марта 2020 г. работу потеряли 3,5 млн человек. Больше всего увольнений произошло в Москве (более полумиллиона), Московской области и Санкт-Петербурге [10]. На фоне роста безработицы продолжалось падение доходов населения. Коэффициент напряженности на рынке труда составил 1,8 единиц. Повсеместно наблюдался добровольный переход работников на частичную занятость, неполный рабочий день, увеличивалась молодежная безработица. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был обозначен ключевой вопрос — увеличение доходов и рост занятости в экономике.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 году произошли изменения в экономическом развитии КБР, которые оказали существенное влияние на развитие ситуации на регистрируемом рынке труда. Резкий рост численности зарегистрированных безработных граждан начался с 1 апреля 2020 года. По состоянию на 1 января 2021 г. в органах службы занятости населения состояло 74 200 безработных граждан, что в 10 раз больше по сравнению с ситуацией на 1 января 2020 года [11].

Коэффициент напряженности на рынке труда республики по состоянию на 1 октября 2020 г. составил 18,0 единиц. Для сравнения, по состоянию на 1 января 2019 г. в республике было зарегистрировано 6800 безработных граждан. В 2019 году в республиканских органах службы занятости государственную услугу по трудоустройству получили 21 600 чел., были проинформированы о положении на рынке труда 15 400 человек.

В 2020 году в государственные учреждения службы занятости КБР обратились за помощью в трудоустройстве 85 723 человека. Было трудоустроено 4101 человек. Реализация комплекса мер по восстановлению численности занятого населения в республике приве-

ла к тому, что к сентябрю 2021 г. количество безработных снизилось в 4,8 раза и составило 15 000 человек.

В рамках государственной программы КБР «Содействие занятости населения Кабардино-Балкарской Республики» органами службы занятости республики в январе-сентябре 2021 г. реализовывался комплекс мер по содействию трудоустройству населения. По состоянию на конец сентября 2021 г. в государственных казенных учреждениях «Центр труда, занятости и социальной защиты» городов и районов КБР зарегистрированы в качестве безработных 13,4 тыс. чел., что ниже по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года в 5,3 раза. Уровень регистрируемой безработицы составил 3,0 % (на 1 октября 2020 г. — 16,1 %). Коэффициент напряженности в целом по республике на конец сентября 2021 г. составил 4,0 незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, в расчете на одну вакансию, что на 14,0 единиц ниже показателя 1 октября 2020 года.

Для трудоустройства граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения, использовались сведения республиканского банка вакансий, формирование которого осуществлялось по мере поступления заявок от работодателей. Вакансии, зарегистрированные в службе занятости, в ежедневном режиме автоматически выгружались на Федеральный портал общероссийской базы вакантных рабочих мест «Работа в России».

За первые девять месяцев 2021 г. республиканская служба занятости населения помогла найти работу 1099 чел. — молодежи в возрасте 16–29 лет. Уровень трудоустройства в целом по республике составил 14,3 % от количества граждан, обратившихся в целях поиска подходящей работы.

Одной из форм взаимодействия службы занятости с населением и работодателями стали ярмарки вакансий. На основании 65 договоров, заключенных с предприятиями и организациями различных форм собственности по направлению службы занятости в общественных работах приняли участие 186 чел. (за аналогичный период 2020 г. — 113 чел.).

В целях сокращения уровня подростковой преступности, создания дополнительных со-

циальных гарантий для несовершеннолетних граждан, адаптации их к трудовой деятельности, в 2021 году было заключено 92 договора и организовано временное трудоустройство 1600 несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время (за 9 месяцев 2020 г. было временно трудоустроено 555 подростков).

Подростки принимали участие в благоустройстве и озеленении населенных пунктов, в ремонтных работах в школах, выполняли подсобные работы, приводили в порядок мемориалы, памятники воинской славы [12].

Безработица является глобальной проблемой современного рынка труда. Всемирный экономический форум в своем докладе *The Future of Jobs Report 2020* отметил ускорение развития автоматизации и роботизации. По прогнозу, сделанному в докладе, в результате развития технологий 85 млн чел. лишатся работы к 2025 году. К этому же сроку будет создано 97 млн новых рабочих мест. Однако темпы сокращения старых рабочих мест пока выше чем создание новых. Эксперты указали, что 50 % работников потребуется переквалификация для соответствия новым рабочим местам [13].

С точки зрения указанной перспективы защита права на труд и социальная поддержка безработных приобретают особую актуальность. Человек должен работать, чтобы зарабатывать средства на жизнь. Граждане, имеющие существенные сбережения или наследство, находящиеся на иждивении состоятельных родителей, супругов, могут, конечно, рассуждать иначе. Очевидно, что в современных условиях работнику более всего важен размер заработка за выполненную работу. Нельзя не признать, что заработная плата большинства российских работников не согласуется с социальными стандартами развитых стран. Конституция говорит о вознаграждении за труд без дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (МРОТ). В 2021 году МРОТ составил 12 792 рубля. В 2022 году МРОТ составляет 13 890 рублей.

Всеобщая декларация прав человека утверждает право каждого работника на справедливое и удовлетворительное вознаграж-

дение. В связи с этим возникает вопрос, насколько минимальный размер оплаты труда соответствует понятию справедливого и удовлетворительного вознаграждения?

Социально-экономическая ситуация различается по макрорегионам, внутри макрорегионов — от субъекта к субъекту Российской Федерации. По данным Министерства экономического развития КБР прогнозная величина среднемесячного дохода от трудовой деятельности по КБР на 2021 год была установлена в размере 23 840 рублей. На основании постановления Правительства КБР от 29.01.2021 № 7-ПП «Об утверждении комплекса мероприятий, направленных на восстановление численности занятого населения КБР», были утверждены ориентировочные Показатели по снижению неформальной занятости на 2021 год, рассчитанные исходя из численности занятого населения муниципальных образований КБР и прироста численности безработных граждан в период пандемии, в том числе состоящих на регистрационном учете в центрах труда, занятости и социальной защиты КБР.

В соответствии с установленными Показателями, местными администрациями муниципальных образований КБР совместно с центрами труда, занятости и социальной защиты КБР продолжалась работа по снижению неформальной занятости посредством легализации граждан, занятых в теневом бизнесе, в том числе безработных граждан, состоящих на регистрационном учете в центрах труда, занятости и социальной защиты КБР. По состоянию на 1 сентября 2021 г. было выявлено 6691 лицо, с которыми впоследствии были заключены трудовые договоры, что соответствует 33,5 % исполнения ориентировочного Показателя (из них — 1731 чел. из числа безработных граждан).

Вопрос поддержания приемлемого уровня жизни населения приобретает особую значимость в условиях усугубляющегося геополитического кризиса, начавшегося в 2022 году. В перспективе не исключено как увеличение количества безработных, так и работников, вынужденных находиться в простое. Реализуемые государством механизмы защиты занятости в условиях продолжающегося сокращения

рабочих мест могут оказаться недостаточными, что обуславливает необходимость корректировки используемых механизмов трудоустройства, разработки и принятия соответствующей законодательной базы (по различным фор-

мам занятости, условиям оплаты работников, находящихся в простое и т.д.), а также четкого структурированного подхода к вопросам организации финансирования деятельности по снижению безработицы.

Список источников

1. Пашко Т. Ю. Гендерный аспект социально-демографических последствий пандемии COVID-19 / Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сборник тезисов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1 декабря 2020 г., Москва,) / под общ. ред. А. И. Антонова : электронное издание сетевого распространения. М. : МАКС Пресс, 2020. 244 с. 2,55 Mb. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1662532325&tld=ru&lang=ru&name=sbornik20201218.pdf&text>
2. Психологи среди нас : аналитический обзор ВЦИОМ, 2020 г. // ВЦИОМ новости : сайт. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/psikhologi-sredi-nas-2020>
3. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии, коллектив авторов / под общ. ред. О. В. Синявской; Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2020 // Институт социальной политики : официальный сайт. URL: https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf
4. «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» : Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2020 № 199 // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56754985/>
5. «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» : Указ Президента Российской Федерации от 07.04.2020 № 249 // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/73856702/>
6. «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 07.04.2020 г. № 249 „О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей“» : Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 317 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005110001>
7. Финансово-кредитный энциклопедический словарь // Словари онлайн : сайт. URL: https://1258.slovaronline.com/1918-финансовые_ресурсы
8. Статистический ежегодник Кабардино-Балкарская Республика : статистический сборник. 2020. Нальчик : ОП Северо-Кавказстата по КБР, 2020. 273 с.
9. Статистический ежегодник Кабардино-Балкарская Республика : статистический сборник. 2021. Нальчик : ОП Северо-Кавказстата по КБР, 2021. 275 с.
10. Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/156.htm
11. Об утверждении комплекса мероприятий, направленных на восстановление численности занятого населения КБР» : Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 29.01.2021 № 7-ПП «// Кабардино-Балкарская Республика : офиц. сайт. URL: <https://mintrud.kbr.ru/news/kollegiyamintrudsotszashchity-kbr-ot-9-fevralya-2022g-ob-itogakh-raboty-ministerstva-truda-i-sotsialnoy-zashchity-kabardtno-balkarskoj-respubliki-v-2021-godu-i-zadachakh-na-predstoyashchiy-period.html>
12. Кабардино-Балкария в цифрах. 2021 : статистический сборник. Нальчик : ОП Северо-Кавказстата по КБР, 2021. 161 с.
13. The Future of Jobs Report 2020 // Всемирный экономический форум : офиц. сайт. URL: <https://www.weforum.org/reports?query=future+of+the+job&year=2020#filter>

References

1. Pashko T. Yu. Gender aspect of the socio-demographic consequences of the COVID-19 pandemic / Social dynamics of the population and sustainable development: collection of abstracts of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation (December 1, 2020, Moscow) / by general ed. A. I. Antonov : electronic edition of network distribution. Moscow: MAKS Press; 2020. 244 p. 2.55 Mb. (In Russ.) Available from: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1662532325&tld=ru&lang=ru&name=sbornik20201218.pdf&text>

2. Psychologists among us: analytical review of VTsIOM, 2020. (In Russ.). Available from: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/psikhologi-sredi-nas-2020>
3. Review of international practice of supporting the economy and the population in the context of combating the coronavirus pandemic in Armenia, Great Britain, Germany, Denmark, Spain, Italy, Kazakhstan, China, the Netherlands, USA, Finland, France, Sweden, South Korea, Japan, a team of authors / under total ed. O. V. Sinyavskaya; Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, 2020. (In Russ.). Available from: https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf
4. “On Additional Measures to Support Families with Children”: Decree of the President of the Russian Federation dated March 20, 2020 No. 199// Garant.ru : information and legal portal. (In Russ.). Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56754985/>
5. “On Additional Measures of Social Support for Families with Children”: Decree of the President of the Russian Federation dated April 7, 2020 No. 249// Garant.ru : information and legal portal. (In Russ.). Available from: <https://base.garant.ru/73856702/>
6. “On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation dated July 4, 2020 No. 249 “On Additional Measures of Social Support for Families with Children””: Decree of the President of the Russian Federation dated November 5, 2020 No. 317// Official Internet Portal of Legal Information. (In Russ.). Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005110001>
7. Financial and credit encyclopedic dictionary. Slovare online : site. (In Russ.). Available from: https://1258.slovaronline.com/1918-financial_resources
8. Statistical yearbook of the Kabardino-Balkarian Republic: statistical collection. 2020. Nalchik: OP of the North-Kavkazstat for the KBR; 2020. 273 p. (In Russ.).
9. Statistical yearbook of the Kabardino-Balkarian Republic: statistical collection. 2021. Nalchik: OP Severo-Kavkazstat for KBR; 2021. 275 p. (In Russ.).
10. Employment and unemployment in the Russian Federation in July 2020 // Federal State Statistics Service : official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/156.htm
11. “On Approval of a Set of Measures Aimed at Restoring the Number of Employed People in the KBR”: Decree of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic dated January 29, 2021 No. 7-PP. Kabardino-Balkarian Republic : official site. (In Russ.). Available from: <https://mintrud.kbr.ru/news/kollegiya-mintrudsotszashchity-kbr-ot-9-fevralya-2022g-ob-itogakh-raboty-ministerstva-truda-i-sotsialnoy-zashchity-kabardtno-balkarskoy-respubliki-v-2021-godu-i-zadachakh-na-predstoyashchiy-period.html>
12. Kabardino-Balkaria in numbers. 2021: statistical compendium. Nalchik: OP North-Kavkazstat for KBR, 2021. 161 p. (In Russ.).
13. The Future of Jobs Report 2020. World Economic Forum : official site. (In Russ.). Available from: <https://www.weforum.org/reports?query=future+of+the+job&year=2020#filter>

Информация об авторах

Т. Ю. Пашко — кандидат экономических наук, доцент;

А. М. Башиев — аспирант.

Information about authors

T. Yu. Pashko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor

A. M. Bashiev — postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 102–109.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):102–109.

УДК 364.042(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-102-109

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РОССИЯН В КОНЦЕ XX ВЕКА

Анна Владимировна Радонова

Алтайский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Барнаул, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>, radonova.anna@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию нормативного регулирования социальной поддержки в Российской Федерации в один из проблемных периодов социальной защиты — в 90-е гг. XX в. В условиях кризиса финансирования социальных выплат важнейшей задачей становится разработка эффективной концепции социальной защиты слабозащищенных слоев народонаселения. Представлен анализ статистических данных, подтверждающий актуальность демографического кризиса в российском обществе. В частности, рассмотрены данные Госкомстата России. Охарактеризованы базовые нормативные акты, принятые в 1990-е гг., регулирующие механизмы социального обеспечения нуждающихся в нашей стране. Закономерным итогом исследования стал вывод об обязательности развития мини-учреждений на 30–40 койко-мест, финансируемых за счет смешанных средств федерального и местного бюджетов; расширения сети домов ветеранов для одиноких пенсионеров с комплексом служб бытового сервиса; открытия центров медобслуживания; повышения материальной заинтересованности работников соцучреждений и т. п. Преодоление кризисных явлений видится в попытках сбалансировать социальную систему Российской Федерации относительно реального социально-экономического уровня страны.

Ключевые слова: социальная защита, финансирование, социальное обслуживание, нетрудоспособность, социальная помощь, качество жизни, сложные жизненные обстоятельства

Для цитирования: Радонова А. В. Генезис нормативного регулирования социальной поддержки россиян в конце XX века // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 102–109. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-102-109>.

Research article

THE GENESIS OF REGULATORY REGULATION OF SOCIAL SUPPORT FOR RUSSIANS AT THE END OF THE XX CENTURY

Anna V. Radonova

Altai State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Barnaul, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>, radonova.anna@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the regulatory regulation of social support in the Russian Federation in one of the problematic periods of social protection — in the 90^s of the XX century. In the context of a crisis in the financing of social payments the most important task is to develop an effective concept of social protection for vulnerable segments of the population. The analysis of statistical data confirming the relevance of the demographic crisis in Russian society is presented. In particular, the data of the State Statistics Committee of Russia are considered. The basic normative acts adopted in the 1990^s regulating the mechanisms of social security for those in need in our country are characterized. The logical result of the study was the conclusion that it is mandatory to develop mini-institutions for 30–40 beds, funded by mixed funds from federal and local budgets; expanding the network of veterans' homes for single pensioners with a complex of household services; opening medical service centers;

increasing the material interest of employees of social institutions, etc. Overcoming the crisis phenomena is seen in attempts to balance the social system of the Russian Federation relative to the real socio-economic level of the country.

Keywords: social protection, financing, social services, disability, social assistance, quality of life, difficult life circumstances

For citation: Radonova A. V. The genesis of regulatory regulation of social support for Russians at the end of the twentieth century. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):102–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-102-109>.

Закономерным следствием снижения социально-экономического уровня российского государства и регресса качества жизни народонаселения, по большей части слабозащищенных в финансовом и социальном отношении граждан (нетрудоспособных; пенсионеров; детей, оставшихся без родительского попечения), стала эскалация проблем по их государственному вспомоществованию.

Девяностые годы XX в. характеризуются активным обсуждением специфики социального обслуживания, повсеместным использованием социальных услуг и созданием нормативной основы деятельности учреждений социальной сферы.

Возникновение категории «социальное обслуживание» в России приходится на советский период.

Отечественные авторы под социальным обслуживанием понимают деятельность компетентных организаций по соцподдержке, предоставлению профильных услуг (медицинских, юридических, бытовых, психологических и пр.) и финансовой поддержке, проведению социализации и восстановлению россиян, попавших в сложные жизненные обстоятельства [1].

Непосредственное соцобслуживание осуществляют соцслужбы. В соответствии с Федеральным законом от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», под ними понимаются специализированные учреждения, индивидуальные предприниматели, оказывающие соцуслуги [2]. К 1995 году в Российской Федерации функционировали государственные и коммерческие социальные службы, а также созданные при религиозных и общественных организациях по следующим направлениям:

– предоставление финансовой поддержки и бытовых услуг;

– патронаж при госпитализации;
– организация временного жилья;
– дневное пребывание в учреждениях соцсферы;

– консультирование;

– социализация;

– забота о несовершеннолетних, оставшимся без родительского надзора и др.

К 1988 году на территории СССР выполняли свои функции 75 центров соцобслуживания граждан, первые пять из которых появились в РСФСР (в Москве, Калужской, Ульяновской, Челябинской областях). В 1992 году их действовало уже 86, в 1995 — 989, в 2001 — 1823. Однако, услуги лицам пожилого возраста и инвалидам оказывали 86 региональных центров, возникших еще в советский период.

На основании распоряжения Президента Российской Федерации от 26.12.1991 № 328 «О дополнительных мерах по социальной поддержке населения в 1992 году» изыскивались федеральный и региональные ресурсы соцподдержки народонаселения, предоставляющие адресную помощь нуждающимся [3]. Вследствие этого документа, приказом по министерству соцпомощи Российской Федерации от 04.02.1992 № 21 введено «Положение о территориальной службе срочной социальной помощи» с целью организовать хотя бы разовую помощь бедствующим россиянам посредством выдачи товаров первой необходимости, лекарственных средств, предоставления временного приюта и др. В категорию остро нуждающихся были включены одинокие престарелые граждане и инвалиды, подростки без родительского надзора, неполные семьи и пр.

Впоследствии были утверждены приказы Министерства соцзащиты населения Российской Федерации, закрепившие основания, виды и объемы предоставляемой помощи: от 20.07.1993 № 137 «Об утверждении Пример-

ного положения о Центре социального обслуживания» и от 27.12.1994 № 259 «О создании отделений специализированной помощи на дому».

Федеральный закон от 10.12.1995. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» утвердил механизм соцобслуживания народонаселения на территории Российской Федерации и гарантии предоставления отдельных услуг в государственных социальных организациях. Для их получения нуждающийся вправе обратиться самостоятельно или через представителя с заявлением в профильное госучреждение. Иностранцы и апатриды в России на основе режима наибольшего благоприятствования пользуются равными правами с отечественными гражданами [2].

Услуги социального патронажа выполняют следующие виды организаций:

- 1) специализированные отделы;
- 2) региональные органы соцпомощи семьям с детьми;
- 3) центры реабилитации для подростков;
- 4) учреждения психолого-педагогической поддержки;
- 5) временные приюты;
- 6) пансионаты для пожилых граждан;
- 7) профильные социальные организации для лиц с ограниченными возможностями здоровья и др. [4].

Для регламентации их деятельности 27 июля 1999 г. Министерством труда и соцразвития Российской Федерации утверждены практические указания для профильных соцорганизаций «Комплексный центр соцобслуживания народонаселения», распределяющие деятельность по трем группам:

- 1) общая соцпомощь;
- 2) соцподдержка семьям с детьми;
- 3) соцзащита инвалидов и пенсионеров.

Специфика деятельности этих организаций варьировалась, исходя из региональных и национальных особенностей субъекта федерации и других обстоятельств.

На основании официального порядка оказания безвозмездных соцуслуг и платного патронажа государственными соцслужбами, соцобслуживание предоставлялось на безвозмездной основе следующим категориям россиян:

- пожилым одиноким гражданам, с ежемесячным доходом ниже установленного в регионе минимума;
- попавшим в сложные жизненные обстоятельства по независящим от человека причинам;
- подросткам, оказавшимся без родительского надзора и пр.

Льготную оплату вносят граждане с доходом от 100 до 150% регионального прожиточного уровня, остальные лица рассчитываются за полученные соцуслуги в полном объеме согласно установленному в регионе Генезису соцобеспечения в России и Федеральному закону от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», посвященному аспектам соцобслуживания пожилых россиян и инвалидов, т.е. наиболее уязвимым слоям народонаселения [5].

Соцобеспечение этих категорий предполагает комплексное обслуживание: бытовые услуги, поддержку в предоставлении юридической, психологической, медицинской и иной помощи, благоприятствование трудоустройству, профподготовку и др. В процессе обслуживания обротившиеся наделены правами:

- на толерантность;
- свободный выбор учреждения соцзащиты;
- информацию об аспектах обслуживания;
- неразглашение своих персональных данных;
- охрану своих законных интересов в суде.

Российское законодательство не допускает наложение мер наказания к лицам преклонного возраста, нетрудоспособным, ветеранам, а также использование против них медикаментов, иных средств принуждения, включая физическую изоляцию под угрозой применения к виновным в нарушение этого запрета дисциплинарной и/или уголовной ответственности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.11.1995 № 1151 утверждена гарантированная законом совокупность соцуслуг, оказываемых пенсионерам и лицам с ограниченными возможностями здоровья:

1. помощь по выполнению домашних обязанностей;
2. координация досуговых мероприятий;

3. проведение санитарно-эпидемиологической обработки;

4. восстановление трудовых функций и навыков;

5. помощь в организации погребения [6].

Ограничение вышеуказанного перечня запрещено законом, стоимость соцуслуг взимается согласно прейскуранту, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.1996 г. № 473 [7].

Без взимания платы осуществляется уход за:

– одинокими инвалидами, лицами преклонного возраста с общим ежемесячным доходом ниже установленного уровня в субъекте федерации;

– пенсионерами с доходом не выше регионального минимума при наличии родственников, которые по уважительным причинам не могут обеспечить за ними уход;

– пожилым россиянам, проживающим в семьях со среднедушевым доходом ниже установленного в регионе минимума.

Иными словами, принятые в 1995 году два Федеральных закона: № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» закрепляют правовые основы соцзащиты в Российской Федерации. Отдельные его направления регулируются целым комплексом нормативных документов, опираясь на которые реализует свои основные функции сеть учреждений соцпомощи народонаселения.

Установленный законодательством комплекс мер соцподдержки лиц с ограничениями по здоровью содержит несколько форм: во-первых, соцобслуживание в стационарах для нуждающихся в круглосуточной помощи и наблюдении. Его нормативной базой выступает постановление Совета Министров РСФСР от 13.12.1967 № 915 «О мерах по расширению сети домов для престарелых и инвалидов и улучшению бытовых условий в этих домах» [8].

Утверждение «Положения о доме для престарелых и инвалидов» Госкомтруда СССР от 20.06.1978 № 202 закрепило основные требования к стационарам сферы соцобслуживания в СССР (пансионаты, профилактории для заслуженных граждан и пр.), которых

в 1989 году функционировало около 1,5 тысяч. Однако, вследствие общего старения граждан, необходимость в таких учреждениях возрастала «на глазах» [9].

Условия проживания в соцучреждениях должны соответствовать установленному уровню качества. Кроме того, проживающие имеют право на уход, заботу, первичную медицинскую помощь; общение с родственниками; полугодовое сохранение жилья в государственном и муниципальном фонде и др.

Проживающие в соцучреждениях граждане могут отказаться от своего права в любой момент, если у них есть родственники, способные их содержать и обеспечивать должный уход.

При этом персонал соцорганизаций обязан гарантировать своим подопечным: безопасность, конфиденциальность персональной информации, сохранность личного имущества, доступность телефонной и почтовой связи и пр. По причине неисполнения установленного режима нарушители по инициативе администрации могут быть переведены в другие специализированные соцучреждения.

Для престарелых бездомных организованы специальные центры временного пребывания, предоставляющие первую доврачебную помощь и питание. Ухудшение экономико-демографической ситуации вынуждало компетентные госорганы организовывать нетрадиционные меры поддержки: к 2001 году действовало 1150 стационаров соцобслуживания на 232 тыс. мест. При этом наблюдалась тенденция к дезагрегации многоместных учреждений с целью повысить качество обслуживания проживающих (в основном, это стационары на 10–15 койко-мест, созданные на уровне муниципалитетов).

Самостоятельной формой соцобеспечения нетрудоспособных выступает полустационарная поддержка лиц, способных к самообслуживанию, и подростков, попавших в сложные жизненные обстоятельства. Этот вид услуг предусматривает организацию дневного пребывания, питания, досуга и т. п.

Третьим видом соцподдержки выступает соцпомощь на дому, возникшая в СССР в 1970-е гг. и сохранившаяся до настоящего времени. Данная форма реализуется специальными отделами, созданными при район-

ных органах соцзащиты и предусматривает помощь престарелым, другим маломобильным гражданам в домашних условиях. Характер обслуживания зависит от сложности проблем и гарантированного перечня соцуслуг:

1. помощь в организации питания, быта и досуга;
2. санитарно-гигиеническая помощь;
3. содействие в трудоустройстве;
4. юридическая помощь;
5. помощь в организации ритуальных услуг и проч.

Профильные отделы создаются для обслуживания соцработниками: 1) в городе — не менее 120 и более нуждающихся; 2) за городской чертой — не менее 60 проживающих. На обслуживание одного соцработника в городе закрепляется 8 нуждающихся, в сельской местности — не менее 4, посещать которых на дому соцработник обязан не реже двух раз в неделю.

Дополнительно районные центры соцзащиты организуют социально-медицинское обслуживание в домашних условиях: мониторинг состояния здоровья, оказание элементарных санитарно-гигиенических процедур, помощь в приеме пищи в период болезни и т.п. К 2001 году на территории Российской Федерации функционировало 11,5 тыс. таких центров, оказывающих систематическую соцподдержку 1070 тыс. человек.

По мнению Т. А. Анбрехт, самой распространенной формой соцобслуживания нуждающихся в амбулаторных условиях выступает оперативная соцпомощь. Она предполагает оказание разовой неотложной услуги нетрудоспособным при возникновении в ней острой необходимости [10], в частности, предоставление предметов первой необходимости (продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов), выделение финансовой помощи, оказание временного приюта и т.п. Поэтому в штат районных органов соцзащиты включаются сотрудники по соцработе, практикующие психологи и юристы. К 2001 году на территории нашей страны в органах соцзащиты было трудоустроено 10,5 тыс. чел., каждый из которых ежедневно оказывал помощь пяти подопечным. К началу 2000-х гг. муниципальные органы соцзащиты оказали помощь 12 615 тыс. чел. (в 1999 г. — 10 345 тыс. чел.) [11].

С нашей точки зрения, наиболее результативной является служба психологической поддержки «Телефон доверия», основная цель которой заключается в организации телефонного консультирования специалистами. Центры неотложной психологической помощи впервые были созданы в 1991 году. В 1995 году активно функционировало около 200 центров неотложной психологической помощи, в 1997 — уже 247 [11].

Начиная с конца XX в. принципиальную значимость приобрела соцподдержка лиц, попавших в сложные жизненные обстоятельства, целью которой стала реабилитация статуса личности и адаптация в обществе, а также восстановление хотя бы минимального имущественного уровня жизни.

Одним из направлений этой работы является содействие в трудоустройстве граждан с ограниченной трудоспособностью. В соответствии с Федеральным законом от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ограниченные в трудоспособности лица имеют право пройти обучение востребованным специальностям, согласно «Перечню приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда», утвержденному Постановлением Минтруда Российской Федерации от 08.09.1993 № 150. Иными словами, гарантия занятости лиц с ограничениями трудоспособности законодательно обеспечена. Кроме того, всем работающим инвалидам в организациях должны предоставляться условия труда, соответствующие их личным особенностям здоровья [12–13].

Дополнительно к этому инвалидам, в соответствии с заключением МСЭК, на безвозмездной основе сроком на пять лет предоставляются спецсредства передвижения (кресла-коляски) или адаптированный к их физическим возможностям автотранспорт.

Статья 27 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» гарантирует право ограниченных в трудоспособности лиц на плановую протезно-ортопедическую помощь, порядок которой урегулирован приказом Минсоцзащиты РСФСР в февра-

ле 1991 г. Дополнительную возможность протезирования безвозмездно либо на льготных основаниях имеют несовершеннолетние и ветераны войны [14–15].

Таким образом, классификация отдельных форм соцобслуживания включает:

- стационарное;
- полустационарное;
- по месту жительства;
- неотложную и консультативную помощь.

Указанные формы объединяют в себе целый комплекс соцслужб, предоставляемых профильными учреждениями соцсферы: бытовых, юридических, медицинских, психологических и др. На территории отдельных субъектов Российской Федерации соцобслуживание характеризуется наличием национальной региональной специфики.

В связи с активизацией общих процессов «взросления» граждан в 2000 году количество россиян старше 65-летнего возраста от общей массы народонаселения России составляло 21%. Естественно, уровень заболеваемости лиц преклонного возраста выше, чем у более молодых поколений: только 20% стариков не страдают различными хроническими заболеваниями. По данным Госкомстата, к 2000 году в России проживало около 5 млн граждан старше 65 лет, из них 1,5 млн были одиноки и нуждались в заботе, примерно 350 тыс. стариков требовалась постоянная бытовая помощь.

Пожалуй, единственным источником помощи для них являлись органы соцобслуживания, предоставлявшие широкий спектр услуг: от доставки предметов первой необходимости до организации ритуальных услуг.

Ресурсная основа соцучреждений сложилась еще в советский период, нуждалась в дополнении правового сопровождения их деятельности, поэтому в период 1990-х гг. для урегулирования деятельности сферы соцобеспечения было принято много нормативных актов. Однако, сами по себе они не могли расширить объемы соцобслуживания, остро требовалось увеличение масштабов финансирования.

Наиболее востребованной формой помощи в конце XX в. стало соцобслуживание престарелых и лиц с ограничением трудоспособности по месту их жительства: предоставляемые услуги

зависели от установленных потребностей и позволяли не разрывать связи с социумом.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что к 1999 году возникшая в советский период система соцобслуживания лиц с поражениями трудоспособности значительно расширила разнообразие используемых форм. Этим объясняются отличия в их использовании на территории отдельных регионов Российской Федерации. Однако, заметим, что советская соцсистема в 1990-е гг. сохранилась, а по количеству организаций даже расширилась. Отсюда становится очевидной закономерность: чем беднее граждане, тем больший объем помощи им требуется.

Считаем, что основная сложность реализации законодательства заключалась в недостаточном финансировании принятых актов. Дефицит ресурсов соцсферы сохраняется до настоящего времени. В связи с недостатком средств не все запланированное подлежит практической реализации. Неразвитая инфраструктура вынуждает учреждения соцзащиты выполнять нехарактерные им функции, помогая практически всем гражданам, а не только реально нуждающимся.

Серьезным препятствием для результативной деятельности органов соцзащиты следует назвать правовую незащищенность самих соцработников и крайне низкий размер материального вознаграждения их труда: пенсии подопечных в два раза выше зарплаты обслуживающего персонала.

Благоустройство стационаров, уровень их технического оснащения не соответствовали общефедеральным требованиям во всех субъектах Российской Федерации. Для решения этой проблемы следовало:

- развивать мини-учреждения на 30–40 койко-мест, финансируемые за счет смешанных средств федерального и местного бюджетов;
- продолжать расширение сети домов ветеранов для одиноких пенсионеров с комплексом служб бытового сервиса;
- повсеместно открывать центры медобслуживания и т. п.

Следствием этих мероприятий могло стать реальное повышение качества жизни граждан нашей страны.

Список источников

1. Нестерова Г. Ф., Лебедева С. С., Васильев С. В. Социальная работа с лицами пожилого возраста и инвалидами. М. : Академия, 2015. 317 с.
2. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» : Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4872.
3. «О дополнительных мерах по социальной поддержке населения в 1992 г.» : Указ Президента Российской Федерации от 26.12.1991 № 328 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 1. Ст. 51.
4. «Положение о предоставлении бесплатного социального обслуживания и платных социальных услуг государственными социальными службами» : Постановление Правительства Российской Федерации от 24.06.1996 № 739 : утратило силу // СЗ РФ. 1996. № 27. Ст. 3274.
5. «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» : Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3198.
6. «О федеральном перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обеспечения» : Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.1995 г. № 1151 // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4798.
7. «О порядке и условиях оплаты социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания» : Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.1996 № 473 // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 2002.
8. «О мерах по расширению сети домов для престарелых и инвалидов и улучшению бытовых условий в этих домах» : Постановление Совета Министров РСФСР от 13.12.1967 № 915 : утратило силу // СЗ РФ. 1984. № 15. Ст. 135.
9. «Об утверждении Типового положения о ломе для престарелых и инвалидов» : Постановление Госкомтруда СССР от 20.06.1978 № 202 : утратило силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90861/
10. Анбрехт Т. А. Социальная защита отдельных категорий граждан. Тюмень : ТюмГУ, 2017. 310 с.
11. Радонова А. В. Генезис и трансформация политики Российской Федерации в области социальной защиты : дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2022. 313 с.
12. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
13. «О перечне приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда» : Постановление Министерства труда Российской Федерации от 08.09.1993 № 150 : утратило силу // Российские вести. № 184. 1993. 23 сент.
14. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22.07.1993 № 5487-1 : документ утратил силу // Российские вести. № 174. 1993. 9 сент.
15. «Об утверждении инструкции „О порядке обеспечения населения протезно-ортопедическими изделиями, средствами передвижения и средствами, облегчающими жизнь инвалидов“» : Приказ Министерства социальной защиты Российской Федерации от 15.02.1991 № 35 : утратил силу // Сборник нормативных актов и документов «Социальная жизнь инвалидов» / сост. Т. В. Варковастова и др. М. : Юрид. лит-ра, 1994. 702 с.

References

1. Nesterova G. F., Lebedeva S. S., Vasiliev S. V. Social work with the elderly and disabled. Moscow: Academy; 2015. 317 p. (In Russ.).
2. "On the basics of social services for citizens in the Russian Federation": Federal Law dated December 10, 1995 No. 195-FL: the law has expired. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1995. No. 50. Art. 4872. (In Russ.).
3. "On additional measures for social support of the population in 1992" : Decree of the President of the Russian Federation dated December 26, 1991 No. 328. *Vedomosti S`ezda narodny`x deputatov i Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii = Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992. No. 1. Art. 51. (In Russ.).
4. "Regulations on the provision of free social services and paid social services by state social services": Decree of the Government of the Russian Federation dated June 24, 1996 No. 739: the decision is no longer valid. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1996. No. 27. Art. 3274. (In Russ.).

5. "On social services for elderly citizens and disabled": Federal law dated February 8, 1995 No. 122-FL: the law has expired. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1995. No. 32. Art. 3198. (In Russ.).

6. "On the federal list of state-guaranteed social services provided to elderly citizens and disabled people by state and municipal social security institutions": Decree of the Government of the Russian Federation dated November 25, 1995 No. 1151. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1995. No. 49. Art. 4798. (In Russ.).

7. "On the procedure and conditions for paying for social services provided to elderly citizens and disabled people at home, in semi-stationary and stationary conditions by state and municipal institutions of social services": Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 1996 No. 473. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1996. No. 17. Art. 2002. (In Russ.).

8. "On measures to expand the network of homes for the elderly and disabled and improve living conditions in these homes": Decree of the Council of Ministers of the RSFSR dated December 13, 1967 No. 915: the decision is no longer valid. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1984. No. 15. Art. 135. (In Russ.).

9. "On approval of the Model Provision on Scrap for the Elderly and Disabled": Decree of the USSR State Committee for Labor dated 06/20/1978 No. 202: the decision is no longer valid. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90861/

10. Anbrecht T. A. Social protection of certain categories of citizens. Tyumen: Tyumen State University; 2017. 310 p. (In Russ.).

11. Radonova A. V. Genesis and transformation of the policy of the Russian Federation in the field of social protection: Dis. ... Dr. Polit. Sciences. Kazan, 2022. 313 p. (In Russ.).

12. "On the social protection of disabled people in the Russian Federation": Federal Law dated November 24, 1995 No. 181-FL. *Svod zakonov Rossijskoj Federacii = Code of Laws of the Russian Federation*. 1995. No. 48. Art. 4563. (In Russ.).

13. "On the list of priority professions for workers and employees, the mastery of which gives disabled people the greatest opportunity to be competitive in regional labor markets": Decree of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 08.09.1993 No. 150: the decision is no longer valid. *Rossijskie vesti = Russian news*. No. 184. 1993. 23 Sept. (In Russ.).

14. "Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens" dated July 7, 1993 No. 5487-I: the document has become invalid. *Rossijskie vesti = Russian news*. No. 174. 1993. September 9. (In Russ.).

15. "On approval of the instruction "On the procedure for providing the population with prosthetic and orthopedic products, means of transportation and means that make life easier for the disabled"": Order of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated February 15, 1991 No. 35: the order has expired. *Sbornik normativny`x aktov i dokumentov "Social`naya zhizn` invalidov" = Collection of normative acts and documents "Social life of the disabled" / comp. by T. V. Varkovastova et al. Moscow: Legal literatura, 1994. 702 p. (In Russ.).*

Информация об авторе

A. В. Радонова — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры медицинского права.

Information about the author

A. V. Radonova — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of Medical Law.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Уважаемые коллеги!

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.03 — Политическая культура и идеологии (политические науки); 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, рецензентов и т. п.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 10 марта, до 10 июня, до 10 сентября, до 10 декабря.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнять в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References“) согласно стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок, принятому в зарубежных изданиях.

Пример:

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.

9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
- электронный адрес автора (e-mail);
- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.

11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.

Регистрационную карту можно скачать на сайте vestnik-bist.ru.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2022. № 3 (56)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 26.09.2022. Подписано в печать 30.09.2022.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,65.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 8

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru